Останется с тобою навсегда

Илья Захарович Вергасов

SHOUT
SHARE
IT

- Вергасов Илья Захарович

Вергасов Илья Захарович
Останется с тобою навсегда

Вергасов Илья Захарович

Останется с тобою навсегда...

{1}Так помечены ссылки на примечания. Примечания в конце текста

Из предисловия: С Константином Тимаковым мы впервые знакомимся на зимней яйле - заснеженном плато горного Крыма. Командир партизанской бригады, он ведет своих бойцов в ночной, мучительно тяжелый и дальний марш-бросок: надо успеть до рассвета, скрытно от гитлеровцев, занять новые позиции. Потом будет схватка с карателями, тяжелое ранение, эвакуация самолетом на Большую землю. И все, вместе взятое, развернется как динамичный, драматический пролог к новому, уже фронтовому пути бывшего партизанского вожака, на котором он обретет еще не ведомые ему знания и опыт, станет энергичным, талантливым, умелым офицером армии-победительницы. Но и тогда - в наступательных боях на задунайских плацдармах, в триумфальном марше по дорогам братской Болгарии, в жестоких сражениях с эсэсовскими дивизиями на венгерской земле - он постоянно будет нести в сердце память о горных крымских тропах и пещерах, о партизанской страде и друзьях-товарищах той поры...

Неистовая молодость победы

В 1947-1948 годах вчерашний партизанский командир и отставной полковник Советской Армии Илья Захарович Вергасов жил в Ялте, залечивал раны и туберкулез и занимался лекторской работой.

Там же в ту пору работал и жил отличный писатель и человек Петр Павленко, который заканчивал роман "Счастье", где в качестве главного героя выступал Алексей Воропаев, кстати тоже полковник, выбывший из строя по ранению, тоже с подпорченными легкими и тоже лектор. Да и характером своим, напористым, азартным, ершистым, он походил на Вергасова настолько, что порою кажется теперь, что сходство это не так уж и случайно: Павленко ведь был знаком с Ильей Захаровичем, а знакомство с писателем частенько не проходит даром, особенно для людей незаурядных...

Так или иначе, но именно к Павленко принес Вергасов свой первый литературный опыт. То были записки о партизанских действиях под названием "В горах Таврии", дальний подступ к

будущим "Крымским тетрадям". И Петр Андреевич сразу же увидел, что перед ним не просто воспоминания ветерана, а настоящая книга. И, как рассказывал потом с благодарностью Вергасов, чуть ли не в буквальном смысле слова "вытолкал меня из Крыма в Москву".

Книга вышла в 1949 году, сразу же была замечена, переиздана не однажды, ее перевели на Украине и в Румынии.

А Вергасов той порой, поверив в свою писательскую звезду, занялся очерками, обращенными к нелегким проблемам тогдашней колхозной деревни. Они и составили сборник "На перевале", вышедший в 1955 году, и еще один "Дорога на Верхоречье" (1958). В 1960-1965 годах Вергасов пишет и выпускает большой роман "Земля у нас одна".

Надо полагать, что устойчивый этот интерес к деревенской теме и понимание всего связанного с нею в немалой мере объяснялись тем, что детские и отроческие годы будущего писателя были каждодневно связаны с тяжелым трудом на пашне и пастбище. Он родился в августе 1914 года в семье тамбовского крестьянина-переселенца, который в поисках лучшей доли добрался аж за Байкал, в Кяхту, на самую монгольскую границу. Отсюда Захар Вергасов ушел воевать с немцем на позиции первой мировой войны. Потом бури гражданской войны швыряли его, как вспоминал Илья Захарович, "из одного конца России в другой", пока не выбросили на берега Кубани, где в станице Челбасской и разыскала его, смертельно больного, жена с четырьмя ребятишками. Разыскала, чтобы некоторое время спустя, в 1923 году, похоронить, чтобы затем шесть лет подряд, до самой коллективизации, мыкать вдовье горе, терпеть нужду и голод, гнуть спину на станичных богатеев, да и старшего сына Илью вести рядом с собой по той же горькой борозде. Колхоз "Сельмашстрой", куда одной из первых вступила семья Вергасовых, стал для нее избавлением, воротами в новую светлую жизнь. Здесь будущий писатель окончил семилетку, стал комсомольцем, работал сельским киномехаником; отсюда в 1932 году добровольцем ушел служить в Красную Армию.

Такими видятся истоки "деревенской" прозы Ильи Вергасова, занявшей все его внимание на протяжении второго послевоенного десятилетия. Но стоит вспомнить еще и о том, что именно на эти годы пришелся новый могучий подъем сельской колхозной темы во всей советской литературе. Сама действительность тех лет требовала обостренного внимания ко всему, что происходило на селе. Здесь в ту пору и обозначились самые "горячие" точки нашего общественного и экономического развития, своего рода "передний край". Целая плеяда литераторов развернула в этом

направлении памятную публицистическую "разведку боем". Они шли вслед за автором "Районных будней" Валентином Овечкиным - тоже фронтовиком и, между прочим, тоже кубанцем, - здесь в двадцатых прокладывал он первые коммунарские борозды. И вместе с ними, будучи верен своей неуемной атакующей натуре, как и в былые фронтовые времена, устремился Илья Вергасов.

Однако память о войне, которой были отданы здоровье и лучшие годы жизни, оставалась с ним постоянно. Просто невмоготу было носить в себе пережитое и увиденное. В конце концов, оно было не только фактом его личной биографии. Чудом уцелев под пулями и осколками, вынеся голодовки и немыслимое физическое и душевное напряжение, от которого у многих его товарищей-партизан разрывались сердца, он обязан был рассказать о них, сражавшихся до конца и не дошедших до Победы. О высотах нравственного взлета и низости падения, о засадах и казнях, о пещерном коптилочном быте и дерзких атаках на занятые врагом селения, о голодных смертях и стойкости подпольщиков...

И он взялся за перо.

"Крымские тетради" создавались на протяжении 1963-1967 годов. По выходе они были переведены в Венгрии. Произведение это можно считать ключевым, "перевальным" в творческой биографии писателя-ветерана. Писатель Сергей Залыгин сказал, что оно написано мужественным стилем, в котором нашел выражение характер автора. Это действительно так. Ведя повествование от первого лица, Вергасов оговорился на одной из страниц, что пишет не исторический очерк и даже не воспоминания бывалого человека. "Это - что видели мои глаза, что прошло через сердце". И, полностью ручаясь за истинность рассказываемого, замечает тут же, что "трудно отделить правду от легенды, ибо сама правда была легендарна".

И все-таки в своей биографической основе "Крымские тетради" являются и воспоминаниями, и историческим очерком. И в этом качестве их можно соотнести с такими литературно-документальными памятниками Великой Отечественной, как "Брестская крепость" С. С. Смирнова или книга "Я из огненной деревни", составленная А. Адамовичем, Я. Брылем, В. Колесником из свидетельств людей, случайно уцелевших во время карательных расправ гитлеровцев над белорусскими селеньями. Потому что повествование Вергасова концентрирует в себе не менее впечатляющие обстоятельства. Это тоже развернутое свидетельское показание очевидца и участника партизанских сражений за Крым, раскрывающее еще одну пламенную страницу огромной эпопеи народного подвига.

С другой стороны, перед нами своего рода лирическая повесть, где душа автора раскрывается с доверительной прямотой во всех переживаниях и устремлениях. Мы постоянно ощущаем его живое присутствие и душевное состояние в изображаемом им тревожном, жестоком мире. Это ничего, это очень даже понятно и правильно, что он не позволяет себе сосредоточить читательский интерес на собственной персоне, что подчас становится почти незаметным рядом с воссозданными им фигурами воистину богатырского, орлиного склада. Тем больше мы доверяем ему, тем больше ощущаем его причастность к происходящему и закономерность его прихода в отряд и самые истоки его верности и мужества. Как и все его боевые побратимы, он - сын Советской Родины, не мыслящий себе иной жизни, иного строя, иных идеалов. За все это, завоеванное революцией, утвержденное повседневным созидательным трудом, он готов вынести любую муку и пойти в любой огонь. Так конкретная человеческая судьба и конкретный характер обретают у нас на глазах черты типические, общие всему поколенью победителей.

Следующий шаг в этом направлении и приводит Илью Вергасова к его Тимакову - главному герою романа "Останется с тобою навсегда...". Писатель работал над ним с 1970 по 1976 год, по окончании опубликовал его в "Новом мире". В 1980 году роман был издан в Чехословакии.

С Константином Тимаковым мы впервые знакомимся на зимней яйле заснеженном плато горного Крыма. Командир партизанской бригады, он ведет своих бойцов в ночной, мучительно тяжелый и дальний марш-бросок: надо успеть до рассвета, скрытно от гитлеровцев, занять новые позиции. Потом будет схватка с карателями, тяжелое ранение, эвакуация самолетом на Большую землю. И все, вместе взятое, развернется как динамичный, драматический пролог к новому, уже фронтовому пути бывшего партизанского вожака, на котором он обретет еще не ведомые ему знания и опыт, станет энергичным, талантливым, умелым офицером армии-победительницы. Но и тогда - в наступательных боях на задунайских плацдармах, в триумфальном марше по дорогам братской Болгарии, в жестоких сражениях с эсэсовскими дивизиями на венгерской земле - он постоянно будет нести в сердце память о горных крымских тропах и пещерах, о партизанской страде и друзьях-товарищах той поры...

Так со всей очевидностью происходит "передача эстафеты" от одного произведения к другому. Больше того - в данном случае можно уверенно говорить о том, что перед нами любопытная разновидность дилогии, что линия идейной и, в сущности, даже

сюжетной преемственности стягивает обе книги в единое повествование "о доблестях, о подвигах, о славе". Несомненна здесь и кровная общность ведущих героев, поскольку оба они литературные "побратимы", выросшие на одной и той же автобиографической основе.

Писатель "поделился" с Тимаковым всеми главными эпизодами собственной жизни. Тут и тяжелое батрацкое детство на Кубани, и красноармейская служба на Кавказе, и крымские партизанские тропы. Есть в "Крымских тетрадях" и страницы, повествующие о дальнейшем военном пути их лирического героя-повествователя. И опять-таки, по всем ключевым пунктам, это путь Тимакова: возвращение всеми правдами и неправдами в действующую армию, несмотря на запреты врачей, командование запасным полком, участие в освобождении Румынии, Болгарии, Венгрии...

Еще более усилено автобиографическое это начало тем, что и характер свой в основных чертах Вергасов тоже "ссудил" Тимакову. Это подтверждают и те, кто знал писателя, и те же "Крымские тетради". Подобно их лирическому герою, Тимаков ершист, самолюбив, энергичен до неуемности, способен мгновенно "завестись" или с чисто партизанской отчаянностью пойти на риск. В то же время выработанное годами армейской службы уважение к воинской дисциплине, командирские обязанности научили каждого из них контролировать и осаживать себя, а природная доброта то и дело побеждает в их душах вызванное войною ожесточение.

Таковы противоборствующие силы, определяющие внутренний динамизм обоих характеров. Однако в Тимакове все это развивается гораздо полнее, становясь главной целью писательского исследования.

Уже говорилось, что в "Крымских тетрадях" рассказчик чаще всего отходит на второй план. Для него здесь самое важное - воссоздать как можно обстоятельней и правдивей историю развертывания партизанского движения в захваченном фашистами Крыму, назвать и показать как можно больше его героев, свидетельствовать о зверствах оккупантов и тщетности их попыток почувствовать себя хозяевами-колонизаторами на этой благодатной земле. И далее - об отважных действиях подпольщиков Ялты и Симферополя, о происках и злой участи предателей...

В романе же происходит нечто принципиально иное. Герой-повествователь здесь не только рассказывает о происходящем, но и размышляет, рефлексирует, исповедуется. Он постоянно находится в центре событий, его поступки и психологическая их

мотивировка, каждая черточка характера занимают автора в первую очередь. Соответственно возрастает тенденция к типизации, обобщению. Именно поэтому автобиографическое начало становится здесь вторичным, несет служебную нагрузку. Оно важно Вергасову лишь постольку, поскольку его собственная военная молодость и судьба типичны для человека его поколения, - разумеется, не в конкретных обстоятельствах, а в плане историческом и социальном. Надо думать, что не случайно отец Тимакова погибает от рук белогвардейцев, а мать становится жертвой их прямых "наследников" - гитлеровских полицаев. И то и другое выходит за пределы писательской биографии, равно как и многие прочие обстоятельства интимного порядка, воссозданные в романе. Между тем как раз они, особенно же трагическая гибель родителей, еще более усиливают и объясняют резкость и крутость в поступках и порывах героя и в то же время - его особую душевную уязвимость. Столь же не случайно введен в роман эпизод встречи Тимакова со старым генералом русской армии, белоэмигрантом. Все это как бы передает в руки героя, бедняцкого сына, эстафету революции и гражданской войны. Он по праву законный и достойный наследник легендарных бойцов, их воинской краснозвездной славы, их правды, которую он, осуществляя их заветную мечту, ломая сопротивление врага, победно несет с товарищами через границы, реки и горы...

По-своему, по-особому изображена здесь и сама война - в органичном взаимодействии отдельных боевых операций и схваток с событиями, развернутыми панорамно и масштабно. Подобно своему герою, который в одном из наиболее напряженных батальных эпизодов поднимается на простреливаемую, обжигаемую взрывами колокольню, писатель стремится найти для нас и для себя наиудобнейший наблюдательный пункт для максимально широкого действенного обзора. Примечательно, что это - круг видимости командира стрелкового полка, той самой фигуры, которая, согласно утверждению генерала Гартнова из того же романа, представляет собой "опорный столб" в современной войне. Наверное, есть нечто первооткрывательское в этом обстоятельстве, в том, что Илья Вергасов, используя личный командирский опыт, наметил еще одну точку изображения войны, занимающую промежуточное, но принципиально важное положение между окопом переднего края и командным пунктом командующего армией или фронтом. Тем самым писатель внес пусть несколько запоздалую, но весомую лепту в известные литературные искания и споры насчет этих самых "точек".

Не менее значительное достоинство романа - воссозданная

здесь поучительная и верная правде картина воспитания и становления молодого командира. В свое время этот своеобразный "педагогический процесс" занимал Леонида Соболева, определив одно из генеральных направлений его творческих раздумий и открытий от "Капитального ремонта" до "Зеленого луча". Над сходной темой, опираясь на большой документальный материал и рассказы фронтовиков, много работал и Александр Бек в "Волоколамском шоссе" и повестях, продолживших эту книгу уже в послевоенные годы.

Илья Вергасов и здесь находит собственный убедительный ракурс. За всем, что происходит с Тимаковым, мы следим "изнутри", вместе с ним переживая и срывы его, и удачи, и уколы самолюбия, и мучительные ожоги непоправимых ошибок. И отсюда же, через восприятие героя, особенно благодарно воспринимается атмосфера суровой и сердечной требовательности, которой окружают "заводного" комполка его старшие по званию и возрасту товарищи - генералы Гартнов, Бочкарев, Епифанов. Не спуская ни малейшего промаха, ни единого партизанского "заскока", ни на минуту не давая забыть об огромности и значительности задач, возложенных на плечи этого совсем еще молодого человека, они настойчиво, бережно помогают ему развить и утвердить нужные качества, направляют, дисциплинируют, облагораживают его энергию и дерзость.

Эта линия человеческих и профессиональных отношений является одной из самых удачных и перспективных в романе. Закономерно, что как раз на этом направлении наметилось особо занимающее писателя "противоборство" между неуемным Тимаковым и полковником Мотяшкиным - аккуратным, "правильным" службистом, не ведающим ни срывов, ни ошибок. "Партизанские" качества Тимакова, за коими ощутимо проступает присущее ему творческое начало, беспокоят и возмущают Мотяшкина. Сам он никогда не переступает пределы круга, отведенного ему параграфами устава, и одну из насущных своих обязанностей видит в том, чтобы и других людей держать в той же узде. Столкновение Тимакова с этим его "антиподом", как определил Мотяшкина сам писатель в одном из своих выступлений на страницах "Литературной газеты", продолжаются с переменным успехом на протяжении романа. И хотя они завершаются в пользу героя, Вергасов считал, что ему так и не удалось до конца обнажить этот непростой конфликт, и счел необходимым продолжить его исследование.

Точно так же не захотел он расстаться и с Константином Тимаковым. Сразу же по окончании романа "Останется с тобою навсегда..." он начал новый роман под названием "Горький

миндаль", в котором обратился к дальнейшей послевоенной судьбе своего героя, к временам, которые были особенно чреваты для Тимакова столкновениями с мотяшкиными всех рангов и мастей.

Когда работа над этой книгой была в самом разгаре, Вергасов, не оставляя ее, приступил к реализации еще одного замысла - созданию романа "Доверие", где начал изображать события 1922-1923 годов. Главными героями здесь стали родители Тимакова - его отец, уполномоченный ЧК по борьбе с бандитизмом на Кубани, мать, которая, похоронив мужа, павшего в бою с врагами, отважно приняла на свои плечи всю тяжесть суровых лет и судьбу осиротевших ребятишек. И еще лежала на писательском столе почти завершенная рукопись романа "Оккупация" - Вергасов оставался верен своей главной теме, военной...

Илья Захарович вновь писал о трудных временах и жестоких испытаниях, в которых закалялись сердца и характеры советских людей. И сама эта его работа стала испытанием и подвигом, ибо трудился он, будучи тяжело больным, одолевая страдания и мобилизуя последние силы огромной волевой устремленностью, все с тем же презирающим смерть и беду тимаковским азартом. И, несмотря ни на что, вновь вышел победителем из этой воистину смертельной схватки, потому что все три произведения были завершены и подготовлены к встрече с читателями.

Горько думать, что автор не дождался этой встречи. 29 января 1981 года Илья Захарович скончался.

Тем дороже для нас его книги, воссоздающие образ неистового, навеки молодого поколения, еще при жизни вошедшего в легенду.

Вс. Сурганов

1

Войлочные тучи неподвижным шатром накрыли белую, как гигантский саван, яйлу. Лишь изредка взгляд упирался в сосенку, острой верхушкой пробившую снежную толщу. Наст тверд, скользко, каждый шаг отдается болью в коленных чашечках: вещевой мешок со всем моим партизанским достоянием - спасительное одеяло, пара сухого белья, лоскуток от парашюта, два автоматных диска, набитых патронами, котелок, шесть штук сухарей и пачка пшенного концентрата - тяжелеет и тяжелеет.

Четыре тысячи двести одиннадцать... двести двенадцать... Пальцы правой ноги упираются в узкий носок трофейного ботинка на номер меньше, чем я обычно ношу... Четыре тысячи двести двадцать пять... двести двадцать шесть... За моей спиной шагает начальник штаба, дыша с астматическим посвистом в

бронхах.

- Константин Николаевич, время для привала, - раздается его голос с хрипотцой.

Четыре тысячи двести сорок два... двести сорок три...

Начштаба, охнув, падает:

- Да не могу больше, хоть убей. Судорогой свело всего.

Я помогаю встать ему на ноги.

- Ну еще с полтысячи шагов, Алексей Петрович. Пошли, пошли!

Четыре тысячи двести шестьдесят два... двести шестьдесят три...

- Окончательно запорем людей, - бормочет он недовольно.

- А если "рама" застукает? Поштучно всех пересчитают.

- Какая разница? За ночь троих-то потеряли.

- Большая. Во-первых, они не побегут прямиком в штаб карателей с рапортом, а во-вторых, пошагали, пошагали дальше.

Четыре тысячи четыреста восемь... четыреста девять...

Нас гонит жгучая необходимость скрыть маневр бригады, измученной пятидневными боями с карателями у Чайного домика. Под их носом, можно сказать, проскользнули на яйлу. Черной ломкой линией растянувшись километра на два, идут отряды в неимоверно белом, словно неживом, пространстве. Размахивая рукой, кричу:

- Давай, давай, подтягивайся, хлопцы! Еще бросок, и ищи нас как ветра в поле.

Колонна постепенно сжималась. Вот и замыкающий - комиссар бригады Захар. Сорвав с головы трофейную румынскую папаху, он возбужденно доложил:

- Ни одного отставшего, командир! - Смахнул со лба пот. - Сколько нам еще топать по этой обнаженной пустыне?

- Еще бросок, всего один бросок.

- Бросок, бросок, ничего себе бросок! - бубнит Алексей Петрович. - Вон рядом чем не лес? Скомандуй, - на ж... туда скатимся.

- В том лесу пять троп и все не наши!

На западе небо перечеркнулось багровой полосой, тучи стали разбегаться.

- Шире шаг! - Я стал во главе колонны.

Раз, два, три, четыре, пять, шесть... - начал новый отсчет шагов. Впереди показался силуэт кошары с какими-то нелепы-, ми розовыми завитушками на крыше. Да это же в упор бьет, солнце!

- Шире шаг!.. Еще шире!

Радужные круги перед глазами, яйла колышется, как люлька. Пятьсот семь, пятьсот восемь... А небо все выше и глубже. Розово-

голубые окна расплылись и уже заняли всю западную часть небосвода.

Наконец-то! Тропа круто пошла по склону Демир-Капу. С южной стороны плато послышался рокот мотора.

- Бегом!

Уже нет строя - все очертя голову бегут, падая, кувыркаясь, поднимаясь и снова падая. А "рама" над яйлой. Мы волоком тащим тех, кто не мог добраться до леса. И когда вездесущий немецкий разведчик вынырнул из-за отрога Кемаль-Эгерек, на нашем склоне лишь белел снег.

Мне хотелось тут же, в этом лесном урочище, разбить временный лагерь, дать людям отдохнуть, выспаться. Только я знал, что делать этого нельзя, до ближайшего гарнизона всего четыре километра. Повел бригаду вниз, к бурлящей Донге. Навели временную переправу - перекинули с берега на берег Два бревна. Кто бегом, а кто оседлав бревна по-кавалерийски, перебирались на ту сторону. Начался подъем, обледенелый, крутой. Лишь к полуночи мы пришли к водоразделу Донга - Писара. Над нами возвышался величавый Басман, облитый голубоватым лунным светом.

Мы работали. Очищались от снега площадки в девять квадратных метров каждая, в центре которых копались ямы для бездымного жаркого костра, а по краям натягивались на колья плащ-палатки. Разводили огонь из сухого граба, и земля прогревалась. Из-под снега собирали палую листву и стелили ее на просушенную землю.

Захар подтрунивал над Алексеем Петровичем:

- Сегодня мне спать, а дежурить у огня вам.

- Здравствуйте, это почему же? В прошлый раз я огонь держал.

- А кто сегодня бегал замыкающим?

- Так комбриг тоже шел со мной впереди.

- Ему с радистом и так всенощная.

Меж двумя деревьями я натянул антенну, штекер воткнул в гнездо передатчика.

- Ну как, Степан?

- Молчит пока, проклятый!

- Может, обрыв где?

- Батарейки не тянут.

- А ты их подсушил?

- Попробую еще раз.

Радист греет руки в карманах куцего пиджака, потом долго разминает пальцы - они обморожены. Я нервничаю, боюсь, что опоздаем с выходом на связь. Только торопи его не торопи,

ничего ровным счетом не изменится. У него свой ритм. Вот он нестерпимо долго держит над огнем одну анодную батарею. Я бы подсушил другую, но знаю: в свое хозяйство он никого не допустит.

Наконец-то аппарат "задышал". Степан улыбнулся:

- Слой Хивисайда до звезд поднялся нынче.

Я не знаю и никогда, должно быть, не узнаю, с чем "едят" этот самый "слой Хивисайда", но коль Степа произнес эти два магических слова - будет надежная связь с Большой землей.

- Шифровать? - спрашиваю тихо-тихо, боясь спугнуть удачу.

- Ага.

Идет час, другой, я подремываю, время от времени поглядываю на Степана.

- Вот, отстучали, - радист сует мне бумажку с колонками шестизначных цифр.

Наклонившись над костром, я расшифровываю радиограмму. Штаб Северо-Кавказского фронта одобряет наш переход в Большой лес и просит "дать цель".

Дать цель! Я расталкиваю штабного разведчика:

- Иван, нужна срочно площадка для приема небесного груза.

- А? Что? Есть связь? Иду!

Звонкая морозная ночь. Под ногами поскрипывает снег; чем ниже спускаемся, тем становится его меньше. Стараюсь не отставать от разведчика, шагающего свободно, легко. Пересекли копаную дорогу, прошли дубовую рощу. Иван вывел меня к поляне, эллипсом легшей меж высокими соснами. Обхожу ее вдоль и поперек. Да здесь не только "У-2", но и "Р-5" сядет за милую душу!

Утренней связью радист отстучал "цель". Перед рассветом нам сбросили продукты на парашютах-торпедах. Они со свистом падали на снег, поднимая белые фонтаны.

В нашей клетушке в девять квадратных метров тесно: командиры и комиссары отрядов самолично пришли в штаб с ежедневными рапортами. Сами пришли, а ведь могли прислать связных. Но как не прийти, если на расстеленных плащ-палатках лежат мешки с сухарями, ящики с концентратами, картонные коробки с салом... Алексей Петрович дотошно просматривает списки личного состава отрядов от первой фамилии до последней. Набросился на командира второго отряда Кривенко:

- Кузьма Николаевич, побойся бога! Людей похоронил трое суток назад, а из списка не исключил.

- Нужен же какой-то резерв, Алексей Петрович.

- Получишь, обязательно получишь, но только для тех, кто пойдет на боевые операции.

Радист, глядя на меня, пальцем постукивает по циферблату своих часов. Ну и бежит время! Скоро семнадцать, через час надо выходить на связь. Я шепнул комиссару: "Уводи всех и распределяй продукты. Я подойду".

Написал подробный рапорт на имя командующего фронтом генерала Петрова. Старательно и долго шифровал его тем кодом, который знали только я и комиссар.

- Отстучи, Степан. Что примешь - принесешь мне.

Захар был мастак в дележке продуктов: лишнего не даст, но положенное отвалит с точностью чуть ли не до грамма. На этот раз слышу возбужденные голоса, и громче всех - бас Кузьмы Кривенко.

- Что за шум, а драки нет? - пытаюсь остудить пыл шуткой. Взгляд, которым встречает меня комиссар, понимаю без слов: боевой продовольственный резерв остается при штабе бригады!

- Это почему же? - Кузьма настойчив.

- Потому, что кое-кто больно щедр на него. Боевые группы продуктами будут снабжаться у нас. Ясно?

- Ясненько. Пойдем ныне налегке. - Кузьма бросил за плечи увесистый мешок с концентратами, крикнул своей команде: - Чего стоите? Сказано, шагом арш!..

Комиссар заранее нашел тайник - сухие барсучьи норки. Мы вдвоем перетащили туда продукты, защитив их от мокрени противоипритными пакетами, замаскировали.

Возвращались в лагерь. Последние закатные лучи стерлись с пика Басмана. Я расшнуровал ботинок и натянул сползший шерстяной носок. Распрямившись, увидел, как из штабной клетушки выскочил радист. Он подбежал к комиссару, сторонясь моего взгляда. Странно, почему не ко мне? Я забеспокоился:

- Что там стряслось?

- Иди, Степан, иди. - Захар что-то положил в карман дубленки, растерянно глядя в сторону.

- Почему молчишь? - Я подошел к нему.

Он протянул мне радиограмму.

Мою маму убили.

Захар что-то хотел мне сказать, но я жестом остановил его. Пошел к Барсучьей горке, прислонился к холодному камню. Ходил по тропам, теснимый горем, которое все окружающее делало чужим и враждебным. Только к утру вернулся в лагерь, улегся между комиссаром и начальником штаба. Они придвинулись поближе, грея меня спинами.

Через день на наш лагерь обрушился огонь карателей. Задымился откос желтого известняка - густо шмякались мины. С моим ординарцем Семеном, осыпаемые сухим крошевом, бежали

мы вдоль Донги по зыбкому гравию. На той стороне за дубняком густо застучали автоматы.

- Наши, скорей туда! - закричал я.

Продираясь сквозь орешник, мы выбрались на чаир. Здесь пылала немецкая машина.

- Лягай, командир! - Семен упал на землю.

С карателем я столкнулся лоб в лоб. В его белесых застывших глазах стоял страх. Дряблое бритое лицо в угрях; фонарик с лопнувшим поперек стеклом болтался на пуговице черной шинели. Я не успел выстрелить первым...

2

...Море, залитое лунным светом, то надвигалось на меня, то куда-то пропадало. Держали меня цепкие руки. Семен упрашивал: "Да товарищ командир, не трэба так, бо звалитесь з самолета. Воно же море, не земля..."

* * *

Ни дней, ни ночей. Утеряно ощущение времени и пространства. Все застыло в неподвижности. В голубовато-сером мареве, куда меня окунули, лишь изредка двигались плоские тени, то приближаясь, то удаляясь от меня. Единственный раз распахнулось бездонное чистое пространство с плывущим на меня золотистым шаром. На нем с протянутыми зовущими руками стояла моя мать. Я рванулся к ней навстречу, но сил недостало высвободиться из цепко державшего омута. А шар медленно уплывал, растворяясь в пепельном безмолвии... От жгучей боли открыл глаза. На меня навалился свет такой яркости, что я остро ощутил свою наготу. Захотелось упрятаться от кого-то, так втиснуться в какую-нибудь щель, чтобы никому не было ко мне доступа. Я сжался в комочек, пытаясь освободиться, уйти от давящего многотонного груза, все мое "я" превращавшего в ничто...

Иногда меня точно втягивали в глубокий люк, наполненный парниково-удушливым теплом. Я всем существом своим сопротивлялся, но что-то было сильнее, и оно уволакивало меня в качающуюся духоту. И все же в этом призрачном существовании в глубинах сознания временами вспыхивало ощущение реальности бытия. Это был голос. Он что-то вещал, не знаю что, но он был, был рядом, как моя собственная частица. Как спасительный якорь, не позволявший оторваться от своего берега. Я не был один-одинешенек в бездне... Выбравшись из нее, я увидел Семена, живого Семена Ивановича. Глаза его, обведенные темными кругами, жалостливо смотрели на меня:

- Ох и помучили же вас, Константин Николаевич!

- Где я, Семен?

Щетинистые кончики усов Семена Ивановича дрогнули. Он приложил палец к губам, требуя от меня молчания. Мужчина в белом халате присел на мою кровать, взял руку, бросив на меня профессионально строгий взгляд:

- Запрещаю вам говорить, поворачиваться и даже думать. Вы будете спать, спать. Теперь все зависит от вас. А нянька у вас замечательная.

Я осматривал палату. Она была просторная, с высоким окном, за которым пошевеливались лапчатые листья чинары. Перевел взгляд на доктора.

- Вы в Баку, Константин Николаевич, в военном гарнизонном госпитале. Он посмотрел на часы. - Семен Иванович, за обедом!

Вошла сестра и, перехватив жгутом руку, сделала мне внутривенное вливание. Семен Иванович покормил меня какой-то сладковато-кислой болтушкой. Начали слипаться глаза, и я медленно окунался во что-то теплое, ласкающее.

...Время исподволь входило в меня. Свет, звуки, запах", краски, трехмерность вещей - все это как бы заново возвращалось. Словно птица, распахнувшая надо мною свои огромные крылья, Семен Иванович защищал меня от каждого дуновения ветерка, от испепеляющей жары, от всего того постороннего, что могло бы помешать восстанавливать силы.

Настал день, когда меня усадили в постели. Я увидел свои ноги и ужаснулся: как плети, кожа да кости. Врач перехватил мой взгляд:

- Все это наживное, друг мой. Пришло время сказать вам самое существенное: у вас под ключицей сквозная пулевая рана. С самой раной мы справились бы с меньшей затратой и ваших и наших сил. К сожалению, как это довольно часто случается, вместе с раной вы получили гнойный плеврит. Он-то и держал вас на привязи, вы долго не могли выйти из коматозного состояния. И не исключена возможность его повторения. Мы более или менее вас подкрепили. Теперь необходимо подготовиться к эвакуации за Каспий, куда-нибудь в район Заилийского Алатау. Но для этого надлежит строго соблюдать режим, от еды не отказываться и пока не подниматься.

...Жара стала невыносимой. Семен Иванович завешивал палату мокрыми простынями. Они высыхали за какие-нибудь десять минут.

- И як тут люди живуть? Сонце не пече, шкварыть.

- Оно горячее и в твоем Джанкое.

- Ага, там то с Азова, то с Черного прохлада. А шо Каспий? Мазут.

Прошли бурные дожди и принесли с севера свежее дыхание.

По утрам мне совсем хорошо. Хочется подняться, подойти к окну, увидеть свет божий. Но строгие глаза доктора, да и вечерняя температура держат на приколе.

Как-то Семен вошел в палату озабоченный.

- Что там, старина?

- Беруть усих выздоравливающих, потрэба в солдатах, - вздохнул он.

- И до тебя доберутся?

- А чого, воно же война...

Из-за Каспия на город навалился "афганец" - горячий сухой юго-восточный ветер. Я снова затемпературил. Не было сил шевельнуть распухшим языком, обожженным кислородом. Настойчиво звал:

- Семен! Где ты, Семен?

Услышал женский немолодой голос:

- Твой Семен тамочки, где все мужики. Сама ему и рубаху и сподники постирала... Уехал, вот ему и дорога. Ты лежи, твое при тебе, а там и твоя за море дорога...

Семен! И друг, и нянька, и боевой товарищ. Как недостает тебя, твоих забот, которые грели особым теплом, поддерживавшим незримую связь с живым прошлым. Без тебя так трудно в немощном одиночестве. С кем мне теперь вспоминать те четыреста дней нашей партизанской жизни?

3

Наш пароход качало. Через иллюминаторы виднелись то клочки облачков, то косяки пенившихся волн. Над ними вихрилась радужная пыль, Силы, которые я все же накопил за месяцы госпитальной жизни, уходили, как вода сквозь незримую трещину.

Нас долго не принимал Красноводск - сутки маялись под знойным солнцем. Не помню, как причаливали, как высаживались на берег. Очнулся в машине. Она шла медленно, изредка подбрасывая носилки; пахло перегретым песком и паровозным перегаром.

Внесли в вагон. На меня навалился спекшийся воздух, и перемешалось в беспорядочной чехарде время. Мне никак не удавалось восстановить последовательность его течения. Памятью рушились границы прошлого и настоящего. Они ускользали, как ускользает порой грань между явью и сном. В партизанские мои треволнения вторгались голоса из санитарного вагона. Кто-то с мужским немногословием, успокаивал: "Держись, подполковник"; кто-то проявлял недовольство моим неудобным соседством; чьи-то мягкие руки, пахнущие мятой и свежим огуречным рассолом, прикладывали к моему разгоряченному лбу холодные компрессы.

После Ташкента наш эшелон пошел без задержки. Вскоре почувствовалась близость гор, солнце стало милосерднее, и задышалось чуть-чуть полегче. На шестые сутки добрались до Алма-Аты. На машине везли меня в горы, было тепло, в лицо навстречу - освежающая струя с полынным духом. Дорога вилась вдоль русла реки, повторяя ее изгибы. Переехав мост, поднимались все выше и выше. Остановились в тени под чинарой. Носилки сняли с машины, поставили их под деревом. Сквозь листву просвечивала такая яркая синь неба, какая бывает у нас в Крыму. Я лежал недвижно, еще не веря, что могу вобрать в себя живой воздух. Ко мне подошла женщина в белом халате, рослая, круглоглазая, брови будто сажей наведены. В ее руках история болезни. Она быстро перелистала ее, наклонилась ко мне.

- Подполковник Тимаков? С приездом. - Она слегка картавила. - Вам у нас будет хорошо!

Ее окликнули:

- Товарищ майор, Ксения Самойловна!

- Сейчас иду! - Повернулась к санитарам: - Подполковника в хирургию!

Меня понесли в корпус. Пахло хлоркой. Носилки протащили по длинному барачному коридору. В палате пусто, прохладно, а за окном платан и высокое небо. Там солнце, синий воздух. И мне хочется туда.

На другой день залихорадило. Дыхание пресеклось, воздух в легких давил на бока - казалось, вот-вот разорвет меня. Струя кислорода на какой-то миг возвращала дыхание, но потом снова начиналось удушье. Руки, ноги, тело были чужими. И - полный провал сознания, темнота...

Не сразу соображаю, где я. Незнакомая сестра раздвинула занавески и распахнула окно. Ласковый прохладный воздух заполнил палату. Женщина, улыбаясь, с поильником в руке подошла ко мне:

- С добрым утром. Попьете? - Ватным тампоном протерла мне лоб, щеки, губы.

- Спасибо, сестра. Почему у меня так болят кисти рук?

- Держали мы вас. Вы двое суток все кричали: "Пустите, раскручусь!" Теперь все это позади.

На меня навалился сон. Смутно чувствовал время, когда кормили, поили, пичкали лекарствами. Не то наяву, не то во сне мелькали разные лица, чаще всего материнское. Я видел три абрикосовых дерева у нашей хатенки, посаженных в день рождения каждого из нас, трех братьев. Они росли такими же непохожими друг на друга, как непохожи были мы, трое ее сыновей. Трое. Братья полегли на границе в первые дни войны, а

теперь я один. Мое дерево росло узловатым, терпкие плоды сводили рот, корявые ветки бодались - на них частенько оставались клочья моей латаной-перелатаной одежонки. "Срублю!" грозилась мать...

Меня поместили в просторную комнату в два светлых окна, за которыми виднелись горы. И слышался зовущий шум реки. Сосед мой - одноногий капитан Кондрат Алехин. Глаза у него шустрые, голос подсажен - посипывает.

После завтрака врачебный обход. Ждем Ксению Самойловну. Вот-вот раздастся стук ее каблучков. Идет... К нам? Мимо. Секундная стрелка на моих трофейных часах совершает круг за кругом, а шаги ее то приближаются, то удаляются. Минуты почему-то длинные-длинные.

- Здравствуйте, товарищи офицеры!

К кому первому подойдет? К Кондрату. У того блеснули глаза.

Я преклоняюсь перед ее врачебной смелостью. Она обнаружила у меня в межплевральной полости застрявший осколок кости. После резекции двух ребер удалила его и, выкачав гнойную жидкость, ввела туда какое-то масло. Свершилось чудо. У меня окончательно спала температура, впервые после ранения появился аппетит.

Она прослушивает меня - я вижу ее глаза, они совсем рядом и ласково смотрят на меня.

- Одевайтесь, Константин Николаевич, я вами довольна. Теперь поработает наш климат. Потренируйтесь в ходьбе по корпусу, и я вас выпущу на свет божий.

Меня учили ходить. Я сел на кровать, поддерживаемый нянькой и сестрой. Свесил худые ноги с острыми коленками - они казались пудовыми. Первый шаг, второй... - закачались стены, вспотел, нательная рубашка прилипла к телу.

- Хватит, сестра!

- Нет-нет, сегодня идем от кровати до окна и обратно.

Через день маршрут мой удлинился: от постели до самого сестринского поста. Раненые чуть ли не по ранжиру выстроились вдоль стены:

- Топай, топай, доходяга!..

Прошла неделя, и я уже не нуждался в поводырях. Не спеша одолевал дорожку от отделения до старой чинары. В ее тени лежал длинный обрубок дерева, отполированный солдатскими задами. Тут и перекур и "брех-бюро".

Заскучал. Все чаще посиживал под чинарой с Кондратом Ивановичем.

- В добрые руки попал ты, подполковник. Еще Гитлера будешь

доколачивать. А мне - все, хана! Еще там, в горячке, отчекрыжили ногу. Поторопились, - зло ударил по костылям.

- Теперь протезы делают.

- А на хрена они мне...

С утра лил мелкий дождь, тоскливый. Потом из-за гребня горы ударило солнце. Высоко парили орлы. Они не такие, как у нас в Крыму, покрупнее.

- Курнешь, может? - Кондрат дал тонкую папироску.

Затянулся - слезы на глазах.

- Ничего, обвыкнешь. А все же немцев шуганут на Смоленском направлении.

Молчу, не хочу спорить, надоело. Утром наспорились. Я ему доказывал:

- После Днепра нажмут на Крым, на Одессу.

А он:

- Ерунда! Стратегия, стратегия! Ты ни черта в ней не разбираешься. Сталин не позволит жить Гитлеру в трехстах километрах от Москвы. Дошло?

- Не обязательно. Наши как двинут на румынскую границу - сожмется Гитлер, уберет московский кулак, как курский убрал.

- Скажешь тоже - "убрал". Под корень резанули - за Днепром аукнулось.

- Резанули, верно. Но пойми - наши на Киев глядят!

Разворачиваем карту. Он в свое место тычет, а я в свое.

А если подумать, у нас и спора тогда не было. Я о Крыме тужу, а он о Смоленщине, о глухой деревушке за Днепром, где остались его старики...

Как-то он заскакивает в палату, костыль прочь:

- Ура! Фрица за Таганрог поперли!..

От таких вестей зуд нетерпения: скорей бы отсюда.

А если к финалу не попаду? Как же тогда? Тяжелые камни с поля со всеми таскал, в стужу пахали, а вот как зеленя пойдут - не увижу?..

За мостом, у подножья горы, - большая поляна. На ней я и набирался сил. Хожу, хожу. Считаю шаги, с каждым днем их больше и больше. Шесть раз обошел поляну, теперь надо семь, восемь... Пусть покой вокруг, тишина первозданная и твой мир ограничен: безоблачное небо, перевязочная, где радуются заживающим ранам, как удачной атаке, палата и друг по несчастью Кондрат. Ты кончил ужин? Шагай на свою поляну, и чтобы десять кругов, не меньше.

Наши войска освободили Мелитополь! А потом как гром среди ясного неба: Тамань - наша! Коса Чушка - наша! Впереди Керчь. Все к черту!

Бегу к старику хирургу, теперь он лечит меня. Ксению Самойловну назначили начальником госпиталя. Доктор выслушал, остро глянул на меня сквозь толстые стекла очков:

- Решил? В драку?

- А я больше ничего не умею.

- Это точно, ваше поколение драчливое!..

Ошеломленно смотрю на него.

- Не таращи понапрасну глаза... герой!

- Я-то себя лучше знаю.

- Еще бы! Куда уж нам. Подумаешь - полвека лечим. - Доктор уткнулся в чью-то историю болезни.

Побежал к начальнику госпиталя:

- Ксения Самойловна, умоляю, пошлите меня на гарнизонную медицинскую комиссию.

- Да вы что - белены объелись?

- Не пошлете - удеру.

Она рассердилась:

- Ну и комиссуйтесь, только потом пеняйте на себя!..

Гарнизонная военно-медицинская комиссия меня забраковала. На продуктовой машине добрался до госпиталя. Садами вышел на свою поляну - ни с кем не хотелось встречаться. Стою у подножья крутой горы, на вершину которой я часто смотрел из окна палаты, думая, одолею ли я ее когда-нибудь. А если сейчас?

Тропа крутая. Силы распределяю расчетливо. Дыхание зачастило, но высоту взял с ходу. Простор вокруг - в дымке видится город. От земли со щедрым высокотравьем несет ароматом, как от чана с суслом, где варится церковное вино кагор.

Сомнения, сомнения... А если окружная забракует? Куда тогда?

4

Стою у вагонного окна. Мелькают телеграфные столбы, медленно уплывают дали синегорья. Хлопок между арыками, кукурузное поле без початков, в лощинах малиновые отсветы каких-то незнакомых трав. И полустанки с бойкоглазыми мальчишками в тюбетейках - машут руками, кривляются.

Ташкент, Ташкент, как примешь меня?

Шагаю по шумной солнечной улице большого города, смотрю на дома, пересекаю бульвар с цветниками, пламенеющими багровыми каннами. И дома целы, и улицы вроде чисты. А все-таки... Люди! Их глаза - ввалившиеся, в которых и муки дорог, и еще бог знает что. Эвакуированные...

Город, в котором так много военных. И молоденьких

лейтенантов, аккуратненьких, не обкатанных днями окопных стуж, горечью отступлений, взрывами атак, когда рядом падает товарищ по ускоренным военным курсам. Их молодые глаза так и стреляют в чужие ордена, а чеканят шаг, козыряют артисты! И пожилых майоров - из тех кадровиков, что обременены семьями, которые устроены как бог на душу положит, кто свои тыловые офицерские пайки делит на несколько ртов. И конечно, наша госпитальная фронтовая братия. За плечами "сидоры", походочка вольная, бывалая.

В приемной отдела кадров штаба округа толпились капитаны, майоры, подполковники. Тут собрались, видно, из госпиталей всех среднеазиатских республик. Я так и не пробился к окошечку дежурного. Куда же теперь?

Ко мне подходят трое кавалеристов при шпорах. Майор со шрамом через всю щеку спрашивает:

- Какой курс, подполковник?

Я пожал плечами.

- Айда с нами, внакладе не будешь, - пригласил старший, подполковник с пышными рыжими усами.

- Может, некрещеный? - подмаргивает капитан и, прищурившись, с хитрецой спрашивает: - Каким пламенем спирт горит?

- Синим, - я улыбаюсь.

- А бросишь щепотку соли?

- Зеленым.

- Академик! - смеется подполковник.

Знакомство молниеносное. Биография у каждого на груди: боевые ордена. Мои новые друзья, оказывается, лечились в Фергане, малость подгуляли в пути и гадают, какова будет расплата. А в общем, бог накажет, бог и простит.

- Так зашагали, братцы фронтовики, - тянет меня за руку подполковник.

Я заколебался было, но на меня смотрели трое мужчин-солдат.

Солнце печет во всю ивановскую, душно. Переулки, по которым мы петляем, узки - двум навьюченным ослам не разминуться, в них, наверное, застоялась еще летняя духота. По сторонам дувалы, мазанки с глухими глиняными стенами наружу. Из-за дувалов выглядывают запыленные деревья с пожухлой листвой. Завернули за угол, в нос ударил аппетитный аромат еды. Шаги стали шире. Мне сразу вспомнился Крым со своим степным Тарханкутом, где бродят стада овец. Бывало, чабаны на твоих глазах с баранчика-яровичка стянут шкуру, дадут время туше поостыть, а потом уложат ее целиком в чугунный казан,

вытянутый эллипсом, набросают специй: лук, лавровый лист, перец, какие-то степные травы - и закроют крышкой наглухо. Ровно два часа тушат на жарком бездымном огне. Аромат вокруг - мертвого из гроба подымет! Собаки одурело воют, заглядывая степенным чабанам в глаза. Едят мясо с "церемонией". Казан ставят на стол, сколоченный из нетесаных досок. Тут же гора свежих куриных яиц, хлеб, деревянные тарелки. И конечно, водка - много водки. Рассаживаются, перед каждым граненый стакан. Старший чабан откашляется, поднимется, содержимое стакана опрокинет в рот и деловито скажет: "Бог в помощь. Пусть не последняя". Мясо едят килограммами, запивая водкой, как водой, и закусывая сырыми яйцами. Наверное, заядлый обжора от такого количества мяса окочурился бы, а степняку и море по колено. Поднимется из-за стола и балагурит трезво, будто не он уплел столько баранины, что взвод солдат можно накормить, опрокинул в свое горло бог знает сколько водки, и все "подсадил" десятком сырых яиц.

Дружно ввалились во двор, похожий на пустой тюремный плац.

- Абдул-ага! - крикнул майор со шрамом.

- О, салям, салям, - из темного зева конуры вышел пожилой человек с заплывшим жиром лицом, с усами, свисавшими по-запорожски. Полосатый, далеко не первой свежести халат перевязан шелковым кушаком. На ногах легкие ичиги. - Пожалста, командир! Гостя большим будешь. - Сложился вдвое и нырнул в черный проем.

Мы гуськом последовали за ним. Оказались в комнате с персидским ковром на полу, двумя большими медными тазами на глухих стенах, с засаленными думками-пуховичками на облезлой тахте.

Подполковник тронул меня за плечо:

- У нас в кармане не густо. Добавишь?

- Само собой. - Я достал из полевой сумки несколько тридцаток и бросил в общий котел.

Круглый медный таз дымился, рис лоснился жиром, а куски баранины - как червонное золото.

Мы уселись на старый, потертый ковер по-турецки. Подполковник, с глазами, спрятанными под густыми бровями, засучив рукава гимнастерки по локоть, поднял бутылку и разлил водку по граненым стаканам - не надо аптечных весов. Вытер губы, поднял стакан:

- Ну, фронтовики, поехали!

Челюсти работали с упорством мельничных жерновов при большой воде. Разомлели, подобрели.

- Песню, нашу, казацкую! - Майор со шрамом откашлялся и чистым тихим, тенором затянул:

Ах, Кубань, ты, наша родина!

Вековой наш богатырь...

В дальнюю даль летит его голос, ему вторит бас тамады, густой, сильный, а. между ними наши баритоны. Мы всячески стараемся свести небо с землей, слить в единство душевные разности. На сердце легкость, а между нами лад. Четыре солдата, и каждый из них лежал на ратном поле в обнимку со смертью. Вышагали, выстрадали, пряча под военной гимнастеркой рубцы...

Расходились за полночь.. Я ночевал вместе с капитаном в старом доме на пятом этаже у вдовы-солдатки, которая тепло приютила меня.

- Одним меньше, одним больше - все наши. Извините, постелю вам на полу, но бока ваши останутся целыми.

Утром мы всей, четверкой двинулись в штаб округа.

Дежурный офицер из отдела кадров взял мой пакет с документами, распечатал его, долго и внимательно вчитывался. Наконец спросил:

- Что вы хотите?

- Хочу обжаловать решение гарнизонной военно-врачебной комиссии.

- Хорошо, пишите рапорт на имя начальника отдела кадров.

Я получил направление в санитарную часть, ходил по врачебным кабинетам, сдавал анализы, прошел рентгеновский осмотр. Все это заняло около двух недель. Друзья мои получили назначения. Мы устроили скромное прощание. Наш тамада обнял меня:

- Ну, партизан, быть тебе живу! На комиссию особенно не надейся. Но тебя, кажется, знает сам командующий Северо-Кавказским фронтом генерал Иван Ефимович Петров?

- Точнее, не меня, а мою фамилию - по радио общались.

- В случае чего, иди на таран, по-партизански. Он-то тебя поймет.

- Еще здесь поборюсь.

- Правильно! И все же запомни совет.

На медицинской комиссии истуканом стою перед пожилыми врачами. В отчаянии начинаю приседания - десять раз и по всем правилам. Протягиваю руку, долговязому хирургу, который придирался больше всех:

- Вы пульс, пульс сосчитайте! Он даже не участился.

Председатель строго обрывает:

- Подполковник, цирковые номера в другом месте!

Хирург разводит руками:

- Куда уж вам, батенька. Грудь-то насквозь...

Когда шел сюда, внушал себе: "Не давай воли, сдерживайся от вспышек". Вспомнив об этом самовнушении, молча покидаю комнату.

...Полковник с Красной Звездой на выцветшем кителе посмотрел на меня поверх очков:

- Константин Николаевич, я ведь не бог. Не я, а медицинская комиссия вас уже вторично забраковала.

- Посмотрите на меня, товарищ полковник, руки, ноги - все на месте. Я же не на бал прошусь, в конце концов.

Он закричал:

- Не мешайте мне работать! Немедленно покиньте кабинет! Или прикажу силой.

- Это меня - силой?.. Ты кого гонишь, тыловая крыса?..

Полковник выскочил из кабинета. И тотчас появился капитан с красной повязкой на рукаве в сопровождении двух автоматчиков.

- Следуйте за мной, подполковник. Вас требует член Военного совета.

Меня ввели в приемную. Майор с седоватыми висками, выслушав рапорт дежурного, распорядился:

- Капитан, вы свободны. А вас, товарищ подполковник, прошу подождать. Доложу.

...В кабинете я увидел генерала - крупного, широкоплечего, с прямой спиной и рыхлым болезненным лицом. Награды - три ордена Красного Знамени.

Принял стоя, ладонью опершись на край письменного стола под зеленым сукном.

- Подполковник Тимаков по вашему приказанию явился, товарищ генерал! доложил по всем правилам.

- Явился - вижу... Редкостное явление. - Заплывшие генеральские глаза просверлили насквозь.

Я молчал.

- Шумишь, вояка? Такой срамоты здесь не видывали и не слыхивали. Война, мол, все спишет? Ни черта она не списывает... Давно в кадровой армии?

- Около семи лет, товарищ генерал.

- Умеешь наблюдать, к примеру?

- Учили.

- Значит, глазастый? А может, хвастун? Проверим. - Переступил с ноги на ногу. - Закрой глаза, да поплотнее. Скажи, что увидел в казенном кабинете?

- Разрешите начать с вас? - спросил, осмелев.

- Давай!

- Волосы редкие, седые, зачесаны справа налево. Брови густые, по краям отдают в рыжинку. Верхняя губа тоньше нижней, зубы вставные. Китель стар, но выглажен сегодня, локти потерты, на правом штопка...

- Ведь правда! - Генерал смеялся. - Открой глаза, подполковник!.. Ах какой солдат в тебе пропадает!

Я понял - конец!

- Да, - сказал он и кивнул на папку: - Подай.

Это было мое личное дело. Генерал взял его, перелистал.

- Медики дважды признали тебя негодным к военной службе; жди приказа о демобилизации.

- Несправедливо, товарищ генерал!

- Зря пороха не трать. Ты коммунист. Иди в партийные органы - будут рады.

- Как же, товарищ генерал? - Я еще не сдавался.

- Калек на фронт не посылают, Ты думаешь, я не пережил?.. Впрочем, глаза генерала стали лукавыми, - хоть ты и наблюдателен, но все же хвастун. Главного не заметил, вот так-то!..

Еще раз быстрым взглядом я окинул фигуру генерала, остановил глаза на его спине. Почему она такая прямая?

- Корсет, товарищ генерал?

- Сидеть не могу, так и стою манекеном...

- Позвоночник?

- Под Каховкой в сентябре сорок первого. Дорогу в твой Крым защищал... Осколком мины. Год провалялся.

- На вас же погоны!

- Думаешь, весело? Скажу по секрету: там было легче. Жизнь такие кренделя выкидывает - не соскучишься. Иди, фронтовик, извинись перед полковником.

* * *

Дежурный офицер из отдела кадров спросил меня:

- Где впервые призывались в Красную Армию?

- На Кубани, Тимашевским райвоенкоматом.

- Сейчас вам выпишут проездные документы до Краснодара.

Комендант станции Ташкент, внимательно просмотрев мои документы, отдал их, не глядя на меня:

- Вам не к спеху - ждите.

- Сколько? Час, два, три, сутки?..

- Для таких, как вы, у бога дней много.

Много, много... Что же делать? А? Ведь без комендантского талона билета мне не дадут. Протирать вокзальные скамьи?..

На большой скорости прошел воинский эшелон с зачехленными гаубицами. Дежурный по станции, пропуская его,

высоко поднял зеленый флажок. Воинский эшелон, воинский... А что, если?..

Иду по путям, забросив "сидор" с запасным, бельем и сухим пайком за плечо. За пакгаузом окликнули:

- Стой, кто идет?

- Свои, ослеп, что ли?

Часовой взял винтовку на изготовку, затрещал милицейский свисток. Появился старший сержант с красной повязкой ни рукаве.

- В чем дело?

- Да ходют тут!

- Кто вы такой? - строго спросил сержант. Вытащив из кобуры пистолет, приказал: - Следуйте за мной!

Начальник эшелона - седоусый майор - отпустил дежурного и мягким голосом пригласил:

- Усаживайтесь, подполковник. И, если позволите, предъявите, пожалуйста, ваши документы. - Он вернул мне направление в Краснодарский крайвоенкомат. - Так, собственно, что вы хотите?

- Обогнать время. Меня, понимаете, на демобилизацию, да разве я на такое соглашусь! Окажите любезность, возьмите меня с собой.

- Но...

- Вот мой партийный билет, два временных удостоверения о наградах это все, чем я располагаю. Мне нужно, понимаете, срочно нужно встретиться с генералом Петровым, который знает меня лично.

- Что ж, не могу отказать фронтовику. Располагайтесь, подполковник.

5

Облака низко плывут над Краснодаром.

Накрапывает дождь. Сырой ветер с Кубани то в лицо бьет, то толкает в спину. В двух шагах от центра - город не город, а большущая станица: будто со всего края собрали сюда дома из красной цеглы под черепичными и оцинкованными крышами, расставили в садах с шелковицами, яблонями, с высокими тополями в вороньих гнездах, огородили заборами, на зеленых калитках приколотили таблички: "Во дворе злая собака".

Устало тащусь за квартирьером. Пожилой старшина в кубанке, покряхтывая, останавливается у очередной калитки, дубасит по ней кулаком:

- Гей, хозяева!

Брешут собаки.

- Та никакой надежды, товарищ пидпояковник! - Сердито

сплюнул. - Кого тильки нэма у городи: и тоби штабы, и госпиталя, тылы усякие, а тут як повмыралы...

- Шагай, шагай, старшина!..

Пересекли улицу и на тротуарчике из красного кирпича дружно затопали, сбивая с сапог налипшую черную как уголь землю.

- Даже интересно: вы при таких званиях, а прыйшлы в военкомат. На гражданку, чи шо?

- Калитка рядом, стучи...

Он сердито заколотил - мертвый проснется.

- От люди, чую, шо хатенка не пуста. - Стал лицом к мостовой и каблуком - бах, бах!..

С крыльца женский голос:

- А нельзя ли потише?

- Видчиняй!

Открылась калитка.

Молодая женщина, кутаясь в белую пуховую шаль, зябко сводя узенькие плечи, отчужденно смотрела на нас.

- Что вам нужно?

- Покажь хату, - потребовал квартирьер.

- У меня не топится.

- Поглядим! - Он решительно пошел к крыльцу.

Я задержался, стараясь уловить взгляд негостеприимной хозяйки и как-то сгладить очень уж решительные действия моего квартирьера.

- Так идите и вы... Вторгайтесь! - Она негодующе тряхнула головой, платок сполз на плечи, открыв гладкую прическу, светлые волосы уложены пучком над высокой белой шеей.

Низенький под тополями домик, в нем комнатенка.

- Ну как? - Глаза старшины умоляли: соглашайся.

- Подойдет, - говорю устало.

- Пидполковник не из царских палат, сугреется. - Старшина подморгнул хозяйке и поскорее убрался - боялся, что передумаю.

Я едва улавливал застоявшийся приторный дух немецких сигарет, которыми мы, партизаны, сами себя снабжали в крымском лесу.

- Здесь немцы жили?

Женщина, не отвечая, стояла у порога, пристально рассматривала меня. И откуда такая здесь взялась, кто и по стечению каких обстоятельств забыл ее в этой окраинной глухомани?

- Волосы перекисью жгли... Под немку, что ли?

Сердито повернулась, ушла.

Голые стены. У единственного окошка старомодная

деревянная кровать с серым одеялом и большой подушкой в белой чистой наволочке.

Сыро, холодно, печки нет...

Вещевой мешок бросил в угол, скинул плащ-палатку, посидел на кровати, обалдевший от дальней дороги. Потом вышел к калитке, закурил.

- Здоров бувай, товарищ охфицер! - приветствовал меня дед со всклокоченной реденькой бородкой.

- Здравствуйте, отец. Сосед, да?

- Ага... Часом, подымить нэма чим?

Дед, прихрамывая, подходит, сверлит меня хитроватыми глазками. Заскорузлыми пальцами берет из пачки папиросу, нюхает ее, прикуривает от зажигалки. Смачно затягивается, задержав дым, медленно выпускает его сквозь полуподжатые губы.

_ Наш тютюн - под дыхом скворчить. Сами с каких краев?

У меня нет никакого желания вступать в разговор. Молчу, поеживаясь.

_- Нэ топыть, вот шлюха... Та вона с германскими охфицерами любовь крутыла; воны ей, гадюке, топку навезли - на цельный год хватать...

Я ушел в домик. Сбросив сапоги, забрался под одеяло, пытаясь согреться. Устал. Чертовски устал. Уснуть бы. То так, то этак укладываю голову на большой и жесткой подушке.

Краснодар! Первый город в моем босоногом детстве. Мать привезла десятилетним мальчишкой, и меня оглушили трамвайные звонки и шум нарядной толпы, которой я тогда побаивался. Сто верст отсюда на восток - родная станица, где началась вдовья судьба и где так трагически оборвалась жизнь матери. От этой станицы пошла петлять и моя солдатская дорога - Дагестан, Каменевская военная школа в Киеве, самом красивом городе на высоком берегу Днепра, уютный Симферополь, летом лагерная жизнь в горах, тактические занятия на Замане, Яман-Таше, походы к Басман-горе. Поблизости отсюда и моя партизанская жизнь. Два часа полета на "ПО-2" - и Бабуган-яйла, откуда увезли меня на Большую землю.

Теперь город встретил меня не так, как встречал в детстве. Он был другим - с кварталами разрушенных домов, вывороченными мостовыми, с зенитными установками и прожекторами, которые с вечера до рассвета ощупывали темное неласковое небо. Все здесь казалось чужим, неприветливым. Неужели стану белобилетником? Нет-нет, так запросто не позволю снять полевые погоны. А пока - спать, спать. Ну, по-солдатски!

...Я бегу по улице своей станицы, мелькают хаты с камышовыми крышами... Вскакиваю в сени, вижу, как мама закрывает ставни. Нас окружили немцы. Станичный атаман кричит: "Ульяна, а ну выходь!" Мама схватила ухват. Отвалилась от двери доска, другая; врываются немцы, за волосы волокут маму. "Мама!" - кричу что есть мочи и... просыпаюсь от яркого света.

...Возле кровати стоит хозяйка в длинном шелковом халате, с керосиновой лампой в руке.

- Вам что? - Я сел.

- Вы кричали. - Она высоко подняла лампу, всматриваясь в меня. Может, помощь нужна?

- Нет уж, увольте...

- Что я плохого сделала?

- Мне от вас ничего не нужно - ни плохого, ни хорошего.

- Вы, старший офицер...

- Вот как, в званиях разбираетесь! И в немецких тоже разбирались?

- Это бессовестно. - Она ушла.

Перебила сон, черт бы ее побрал. Во рту сухо, хочется пить. Но не пойдешь же к ней за водой. Ложусь, хочу уснуть, да куда там... Странный сон!.. Пытаюсь вспомнить лицо матери, каким оно было за год до войны, в нашу последнюю встречу. Но вижу ее молодую - вдову погибшего ревкомовца, чужую среди казаков, с серыми, глубоко сидящими глазами, слышу ее требовательный голос: "Костя, иди в пастухи, иди уж..." Помотался я в детстве по нашей кубанской степи!.. Была она пустая, рыжая, только вдали, у Белоусовских хуторов, темнела полоса казенной рощи, куда убегали овцы, которых я пас...

Насколько помню, от Краснодара до нашего разъезда сто верст по железной дороге, а потом до станицы пехом около сорока. За окном рассветало. Тихо вышел из домика и по пустым улицам зашагал на вокзал.

Поезд шел медленно, часами простаивая на станциях и полустанках.

* * *

Степь, ни души... Столбовая дорога растолочена машинами, по ней ни проехать, ни пройти. Шагаю по стерне, то и дело стряхивая с сапог налипавшую грязь. Иду как заведенный.

Ночь настигла верстах в десяти от станицы. Забрался в скирду, завернулся в плащ-палатку. Спал, не спал - не знаю, скорее всего находился в туманном забытьи, когда, как при мелком осеннем дожде, чего-то ждешь, а чего - и сам не знаешь.

Утром пересек межу, отделявшую станичную степь от

совхозной. Азовский ветер дул в спину, надвигалась серая полоса станицы. Узнаю ее и не узнаю. На южной окраине был "гамазин", а сейчас его нет, в центре стояла скромная деревянная церквушка - и ее война смахнула. Меж голых кустов - слепые одинокие хатенки. Ни улиц, ни заборов... Я на майдане, здесь был памятник кочубеевцам, такой знакомый с детства. На каменной стеле было вырублено: "Над могилой этой нечего рыдать, что начато ими, будем продолжать"...

Чуть поодаль, под старым тополем, новенький штакетник, за ним фанерная пирамидка, на ней фотография матери, фамилия, инициалы, год рождения, год смерти. Стою, смотрю. Хлещет дождь, барабаня по плащ-палатке.

Не знаю, сколько времени простоял. Зашагал к нашему тупичку. В отдалении виднелась розоватая коробка двухэтажной школы. С той стороны мама возвращалась с раннего станичного базара - в одной руке кошелка, а другая плавно поднимается и опускается, губы шепчут: "Нехай, та нехай"...

Стою у хатенки с остовом крыши, похожим на скелет, смотрю на чердак... Мамин чердак, куда нас она не пускала. Была странно неравнодушна ко всему, что сделано из железа. Ржавые гвозди, ухнали, болты, гайки - все это прятала здесь, под крышей. Натаскает и забудет... А вот колодец без журавля - из сруба пахнуло затхлостью. Вместо сарайчика - яма, залитая водой. За высоким будяком - развороченная скирда. Тут был мой мальчишеский тайник... Ходил я тогда в седьмой класс и бредил учебником физики Краевича. Нам он не по карману - заикнуться боялся. Чтобы как-нибудь свести концы с концами, мама потихонечку приторговывала фуксином, так казачки почему-то называли ультрамариновую краску. Они охотно покупали ее вместо синьки. В хатенке нашей - и на печи и на подоконниках - и на материнских пальцах оставались синие следы. Заветные гривенники прятались в сундучок, ключ от которого, всегда висел на стене рядом с керосиновой лампой. Но - физика, физика!.. Во сне и наяву я видел ее страницы с картинками - машины, паровозы... Шесть гривен, всего шесть гривен!.. И однажды, когда никого не было дома, я - за ключ и к сундучку. Схватил несколько монет - и к скирде. Отдышался, пересчитал. Боже мой, не хватает гривенника. Спрятал монетки в тайничок и стал выжидать. Как-то пришла соседка, мать заболталась с ней, а я опять к сундучку. Взял денежку, да слишком торопливо опустил крышку - она хлопнула. Вбежала мать, схватила меня за плечо: "Ты что тут делаешь? Посмотри в глаза". Я разжал ладонь. "Ах, вор! Ты и раньше лазил в сундук?" - "Я на физику... Под скирдой лежат..." Бросился к тайнику - он разворочен соседским хряком. Я

перебирал землю, пересыпал ее в ладошках... "Ты еще и брехун!" - закричала мать. Била смертным боем - с трудом соседи вырвали меня из ее рук... Попадало мне часто - я терпел. Страшнее было, когда не била, когда глаза ее не отпускали от себя, требовали, ждали, - и правда выхлестывалась из меня...

Прошли годы; военным курсантом приехал в станицу на побывку. Перекапывая огород, вывернул пласт земли и увидел серебряные монетки, слегка отдававшие в синеву. "Мама!" Она подержала их, потерла о юбку: "А кто из нас не бит, сыночек"...

- Здорово, казак! - Тяжелая рука опустилась на мое плечо. Передо мной стоял пожилой мужчина в брезентовом чапане. - Не признав? Цэ же я, Тимофей Григоренко.

- Дядя Тимоха!

Это был старый буденновец, друг моего отца.

- Таки вот моменты, Костя... Ну, чого мовчишь? Айда до хаты.

Он шел впереди, скрипя протезом и сильно припадая на левую ногу.

- Бачишь, як саданулы? Цэ пид Кущевской... Та, слава богу, хлопци нэ покинули в стэпу.

Сидим за длинным столом из неструганых досок. Дядя Тимоха разливает самогон по стаканам:

- Помянем Ульяну.

Отказавшись от моей папироски, он скрутил козью ножку, подымил.

- Дэ твоя голова була, казак? Нимець на Дону, а ты письмо матери з партизанского краю шлешь. З цим письмом ее и взялы. Нэма тут чоловика, шоб розсказав тоби, як знущалысь над Ульяной у подвали атамана. Но вси помнять, як волоклы ей на майдан два дюжих казака-атаманца и пиднялы на помист, за ночь сбытый. Вона стояла над усими з дощечкою, дэ крывыми буквами було нацарапано: "Мать бандита". Немец рванул з нее одежду. "Нэ срамите!" кричала на весь майдан. Били ее шомполами... И все тилькы чулы: "Нэ срамите! Нэ срамите!" Забили, гады...

Утром простился с дядей Тимохой, зашагал к разъезду, Поезд на Краснодар пришел в три часа ночи.

6

Не успел начаться день - я у контрольно-пропускного пункта. Ни людей, ни машин. Регулировщица, молоденькая миловидная девушка в шинели, скроенной по фигуре, встретила приветливо:

- Доброго ранку, товарищ подполковник. - Улыбнулась, щегольнув ямочками на щеках.

- Здравствуйте. Ну как?

- Ой и насидитесь, товарищ подполковник!

- Мне не далеко, только до фронтового штаба...

- До Ахтанизовской машин раз-два - и обчелся!

Значит, Ахтанизовская!..

Из города шли машины, крытые брезентом. Девчурка согнала улыбку, повелительно подняла флажок. Машины остановились, она по-хозяйски обошла их, заглядывая под брезент.

День шел, шли машины, а я все стоял, поглядывая на добрую дивчину, которая уже в чем-то считала себя передо мной виноватой.

Генерал Петров!

Когда армия под его командованием обороняла Севастополь, а наша партизанская бригада воевала всего в десяти километрах от переднего края, связные от нас появлялись в штабе Петрова, а он присылал к нам своих.

Мы часто связывались по радио с Севастополем, с Большой землей, посылали шифрованные радиограммы, сами получали их от адмирала Октябрьского, чаще от Петрова. Поначалу они их адресовали "старшему лейтенанту Тимакову", затем "капитану". А потом, когда я командовал партизанской бригадой, из штаба Черноморской группы войск за подписью генерал-полковника Петрова шли на мое имя радиограммы - "подполковнику Тимакову".

Сейчас его приказы обязательны и для крайвоенкомата. Но помнит ли он мое имя?

Показалась полуторка. Регулировщица побежала навстречу, заглянула в кузов и растерянно отступила - там стоял оцинкованный гроб. В кабине рядом с шофером сидела женщина в черном. Я ухватился за борт; высунулся водитель:

- Нельзя - побьетесь!

- Ничего, как-нибудь! - Перемахнул через борт, сказал дивчине, застывшей на обочине дороги: - Жениха тебе доброго!

Машина тронулась. Асфальт ровный. Я уселся поудобнее, вытянул ноги, накинул капюшон плащ-палатки на голову. Чем дальше на запад, тем больше глубоких колдобин. Гроб то устрашающим юзом надвигался на меня, то скользил к заднему борту. Прижмет - не пикнешь...

За Крымской сразу же вступили в полосу недавних боев.

Наверное, это знаменитая "Голубая линия"! Немцы ее называли "Бляуштрих".

Боже мой, сколько вывороченных дотов, дзотов!.. Бетонные ободки - как гигантские колеса, сплющенные взрывами. Разорванные танки и самоходки наши и немецкие; искореженные орудия, лафеты от них, стволы - рваные, расплавленные. И - необозримое армейское барахло: пробитые каски, противогазы, ребристые заржавленные ящики патронные, снарядные, вороха

шин. Тут же клочья мышиного цвета шинелей, выгоревшие от солнца и дождя пилотки.

Глубина боев километров шесть будет.

Да, драка была такая - не захочешь расспрашивать. Это тебе не поле партизанского боя!

А машина шла, на меня кидался холодный западный ветер.

На развилке водитель затормозил.

- Вам налево, товарищ подполковник.

- Спасибо, дружок.

Вокруг ни души. Зашагал к поселку. У первой же хатенки остановил патруль. Два солдата с автоматами на изготовку застыли шагах в двадцати от меня, старший подошел ближе.

- Прошу документы.

Он внимательно и долго всматривался в госпитальную справку и временные удостоверения о наградах, вернул их.

- Предъявите удостоверение личности.

Я молчу.

- Паспорт, наконец... Кто вы такой? Следуйте за мной.

Ведут через поселок. Встречные офицеры недобрыми взглядами провожают меня.

Комната-каморочка, за столом старший лейтенант; верхняя пуговица ворота расстегнута, виден край тельняшки.

- Ну! - Смотрит на меня в упор.

- Прошу сопроводить меня к старшему начальнику, - говорю как можно увереннее.

- А в каталажку не хочешь?

И вот я в полутемном амбаре. Свернувшись на голом топчане калачиком, пытаюсь забыться. Не удается - мешает дождь. Большой тревоги не испытываю сейчас не сорок первый, с бухты-барахты не решат. А все же...

Ночь тянулась медленно, тревожно, была полна звуками. С запада доносилось далекое татаканье крупнокалиберных пулеметов, уханье тяжелых орудий; зарокотали знакомые моторы - "кукурузники", или, как громко их теперь зовут, легкие ночные бомбардировщики. Летят - работают. Туда боеприпасы, продовольствие; оттуда - раненых. Мешки с мукой, наверное, в крови, а раненые в мучной пыли. Так было и у нас в лесу, когда они садились на крохотные аэродромы.

И меня в темную мартовскую ночь такой "кукурузник" поднял в небо и бережно доставил на тихий сочинский аэродром.

Утром меня привели в большую комнату. За столом комендант, хмурый подполковник с перевязанной рукой. Приказал солдату:

- Выйди и стой за дверью. - Посмотрел на меня: - Вы выдаете

себя за человека, которого мы знаем. Вот справка от Крымского штаба партизанского движения: подполковник Константин Николаевич Тимаков скончался в городе Баку в госпитале.

- Было такое. Да тот свет оказался поганым...

- И явились оттуда с сомнительными справками?

- Разрешите сесть, у меня ломит спину от столь любезного приема. Я действительно Тимаков, комбриг, партизан. Мне нужна встреча с Иваном Ефимовичем Петровым.

- Может, с маршалом Жуковым? Тогда дозвольте доложить о вашей персоне в Ставку?

- Не в Ставку, а командующему фронтом генералу Петрову.

Терпение мое лопалось. Комендант резко крутнул ручку полевого телефона:

- Дай мне Девятого... Товарищ Девятый? Докладывает Сороковой. Нами задержан гражданин, выдает себя за Тимакова Константина Николаевича, бывшего руководителя партизан в севастопольских лесах. Настаивает на встрече с хозяином!.. Какой из себя? Сейчас доложу. - Комендант пристально смотрит на меня. - Рост повыше среднего, худощав, глаза серые, брови черные и густые, правое плечо чуть выше левого - ранен, видать... Лет? Да, наверное, около сорока...

- Двадцать семь, - подсказываю.

- Говорит - двадцать семь... Когда задержали? Мне доложили час назад. - Явно соврал. Со вздохом: - Да что вы! Понимаю. Будем ждать... Медленно положил трубку. - Велел часок потерпеть.

- С кем говорили?

- С кем положено. - Сказано было примирительно. Достал пачку папирос. - Задымим, что ли?

- "Казбек"! Еще до войны пробовал...

- Знаете сами - фронтовая полоса... Недавно под Холмской одного взяли. Инвалидом войны рядился, а копнули малость - шпион чистой масти. - И вдруг спросил: - Может, чайку?

- Давайте, продрог в вашей мышеловке.

- Да, помощничек у меня!.. Старается, неистовый. Из морской пехоты, все в тельняшке красуется.

Наше чаепитие внезапно оборвалось - появился майор в мундире с иголочки, подошел ко мне:

- Вы называете себя Тимаковым? Следуйте за мной.

Трое суток меня держали в темной хатенке среди солдат караульного взвода...

Одним словом, приехал, явился. И примета проклятая - гроб. Не доберусь я до Петрова...

Снова пришел тот самый чистенький майор, вежливо сказал:

- Все ясно. Вы есть вы, Константин Николаевич.

- И на том спасибо. Хочу встретиться с командующим фронтом генерал-полковником Петровым.

- Об этом известно кому положено. А пока отвезу вас. за лиман.

- С глаз подальше?

З ачем вы так? Там будет спокойнее.

И вот я за лиманом, в крохотном рыбацком поселке.

Хозяин хатенки, в которой меня поместили, старый рыбак. Принял молчаливо, колюче поглядывал на мои золотые погон": я не снимал их, решив предстать перед командующим по всей форме. Старик бубнил что-то себе под нос.

- Ты чего там, дед?

- Як миколаевски охфицеры... Побачив бы батько Жлоба - шаблю наголо!

- Твой Жлоба носил бы сейчас генеральские погоны...

Дед крикнул:

- И самого Жлобы нема, и Ковтюха, и Приймака нема... Оце булы козакн! Та хиба воны пустылы бы аспида аж на Кубань? Та в жисть цего не было бы!

- Война другая, дед...

- Погана война! Трех сынов побылы, Сам звидкиля будешь?

- С Кубани. - Я назвал станицу. - Слыхал про такую?

- Та чув. Кажут, што глуха. Тамочки кочубеевцев богацко.

- Знал кое-кого.

- Про Лысенко чув?

- Видал, как хоронили. На маневрах погиб.

- Це мий эскадронный. Рубака! - Старик стал добрее, позвал к столу. Вечерять будем. Рыбка свиженька...

Через неделю к нашей хатенке подкатил "виллис" с щеголеватым майором и незнакомым мне подполковником, который тут же подал руку:

- Адъютант командующего. Прошу - усаживайтесь.

Доехали за считанные минуты. Адъютант привел меня в свою комнатушку.

- Прошу обождать.

Волнуюсь, стараюсь вспомнить все, что знаю об Иване Ефимовиче Петрове. Первым делом вспомнились те деловые шифрограммы, которые шли в наш лес из Севастополя за его подписью. В них за скупыми строками стояло уважение к нам, к нашей борьбе. Но еще раньше...

Немцы шли на Ялту. Один из отрядов будущей нашей партизанской бригады был поднят по тревоге и на машинах заброшен на плато ай-петринской яйлы.

Впервые в жизни я занимал боевую позицию. На "ЗИСе" подкатил начальник оборонительного района, представился:

- Командир полка Чапаевской дивизии майор Белаш. - Он стал под низкорослую сосну, гнутую-перегнутую ветрами, оглянулся и резко сказал: Рубеж не годится.

- Я все взвесил, товарищ майор...

- Плохо знаешь немцев. Оставь тут одну роту, всех остальных вон к тем домишкам. Там и окапывайся и огонь нацель на лесную просеку - оттуда попрет их пехтура.

На дороге показались немецкие танки. Моей пехоте с ними ничего бы не поделать, а вот противотанковые пушки, скрытые в зарослях держидерева, прямой наводкой разбили два танка, третий убрался в низину. Пехота пошла на нас оттуда, откуда и ждал ее Белаш. Веерный огонь станковых пулеметов прижал ее к скале Беденекыр и заставил отползти.

Майор пригласил меня на командный пункт. Прикрывшись буркой, устало прилег и, поглядывая на меня, сказал:

- Не смущайся, со временем набьешь руку. На ком и на чем держалась Одесса? Как нам удалось покинуть город, не оставив врагу даже раненой коняки?.. Наша боевая школа началась на румынской границе, мы держались бы там полгода, год... Только по приказу отступили. Нас вел Иван Ефимович Петров! В чем его сила? Нет, ни на Чапаева, ни на Пархоменко не похож образован, интеллигентен, в пенсне с золотой оправой...

- Из учителей?

- Сын сапожника, солдат германской войны. Дослужился до прапора, а в революцию стал коммунистом. Через год комиссар рабоче-крестьянского полка. Из прапорщика в комиссары! Не часто бывало.

За полночь мы услышали далекий скрежещущий звук, рождавший тревогу. Белаш насторожился.

- Под Севастополем! Успел бы туда Иван Ефимович - фашисту города не видать!..

Так я впервые услышал о Петрове...

Вошел адъютант:

- Вас ждут.

Одернул китель, зашагал к кабинету. Адъютант открыл передо мной дверь.

- Разрешите? - сказал я громко.

Иван Ефимович удивленно смотрел на меня.

- Товарищ командующий! Бывший командир партизанской бригады подполковник Тимаков!

Он горячо пожал мне руку:

- Молод, очень молод. - Лицо Петрова как-то внезапно

дернулось. - Что ж, война - дело молодых. - Снова тик, подергивание головы, старая контузия, должно быть. - Садитесь, гостем будете. - Он сел напротив. - Хорошо помогали Севастополю.

- Спасибо.

- Это вам, партизанам, спасибо.

Солдат в белом халате, с поварским колпаком на бритой голове поставил между нами поднос с чаем и бутербродами и удалился.

Петров угощал:

- Ешьте, отдайте должное стараниям военторга.

Торопливо вошел адъютант и, склонившись к генеральскому уху, что-то шепнул. Иван Ефимович изменился в лице - посуровел, поднялся и подошел к столику с телефонами. Я встал, но он жестом велел сидеть. Взял трубку:

- Слушаю.

И - тишина.

Я не смотрел на генерала, но чувствовал его напряжение.

Воздух в кабинете словно был наэлектризован. У дверей навытяжку замер адъютант. Командующий откашлялся.

- Мои соображения: город можно взять за трое суток, но будут большие потери. - Он помолчал. - Нет гарантии, что фронт немцы не остановят там, где остановили наш керченский десант в начале сорок второго года. Малой кровью можно освободить весь Крымский полуостров весной во взаимодействии с войсками Толбухина.

Каждое слово он произносил четко, но именно за этой четкостью я улавливал всю глубину его волнения. В кабинете стало еще тише.

- Ясно. До свидания, товарищ Иванов.

Легкий шорох - он положил трубку, но продолжал стоять у аппарата.

Адъютант исчез. Неприятный холодок пробежал по спине. Я неслышно сложил тарелочки на поднос, подобрал крошки.

Петров подошел к окну, стал смотреть на синюю полоску лимана. Широкая спина согнулась, округлилась. Наконец повернулся ко мне:

- Когда ранены?

- В марте сорок третьего года.

- Хочу уточнить: сколько участников обороны Севастополя пробилось в партизанские отряды?

Генеральские глаза требовали правду. Но вместе с тем я понял: он знает ее. Ждал терпеливо, давая время обдумать ответ.

- Одиночки, товарищ генерал.

- Сколько?

- В нашу бригаду пришло до тридцати человек.

- Вас, партизан, трудно было найти?

- Искать было некому, Иван Ефимович. Фашисты опередили: блокировали подступы к лесам. Они расстреливали на месте женщин и стариков, стоило лишь тем выйти в подлесок за хворостом.

- Тяжела твоя правда, партизан. - Он медленно подошел к столу, по-стариковски нагнулся и достал из ящика толстый альбом. - Может, кого узнаете?

На фотографии в группе командиров я увидел знакомого майора.

- Белаш!

- И что с ним? - Глаза генерала с надеждой смотрели на меня.

- Убит на яйле, мы хоронили...

Он мне сейчас почему-то напомнил нашего станичного землемера, только что вернувшегося с поля, где отмерял горластым мужикам наделы. Причина, которая привела меня в кабинет, показалась до того частной, что о ней неловко было и говорить. Я сделал движение, которое можно было понять как немую просьбу: разрешите удалиться? Однако Петров потребовал:

- Выкладывайте о себе все! Не просто же повидать меня явились...

Слишком много я думал об этой встрече, о тех словах, которые скажу.

Он выслушал с вниманием; подумав, сказал:

- Пишите рапорт и ждите вызова через военкомат.

* * *

Я снова в Краснодаре. Боясь пропустить вызов, отсиживаюсь в сырой комнатке один на один с серыми стенами с засохшей геранью на подоконнике. За стеной - женщина. Уходит куда-то утром, возвращается после полудня. Плеск воды; что-то готовит - запах жареного лука просачивается во все щели. У нее, должно быть, тепло, уютно. Иногда приходится с ней здороваться, при встречах уступать дорогу.

- Спасибо, - чуть слышно благодарит.

Как-то перехватил на себе ее пристальный взгляд. Впрочем, наверное, показалось...

Почему нет вызова? Десятые сутки. Правду говорят: хуже всего ждать и догонять!

Я снова пробираюсь в Ахтанизовскую. Узнаю: командующий в войсках. Но разве у кого повернется язык сказать, в каких соединениях или частях? Да и спрашивать не положено.

А комендант штаба? Я разыскал его на улице.

- Здравия желаю, товарищ подполковник!

- А, ваша милость. Зачем пожаловал?

- Командующий велел навестить через декаду, - соврал я.

- Через декаду, говоришь? - Он удивился.

Решил идти напролом:

- Где мне найти Ивана Ефимовича?

Подполковник чуть не поперхнулся:

- Может, хочешь узнать, что делается в шифровальном отделе?

- Мне нужна встреча с генералом, очень нужна! - умоляюще проговорил я.

Подполковник решился:

- За добро добром платят! Ты тогда мог накапать - я-то знаю, как мои помощнички тебя встретили... Шагай на Гадючий Кут. Запомни: я тебя знать не знаю!

На попутных добрался до Керченского пролива. С моря дул ветер, пахнущий сивашской гнилью.

Хоть волком вой - ни души! Рыбацкие хатенки без крыш, с полуразвалившимися стенами, сарай, сплюснутый взрывом. У берега на ржавых рельсах - причал, заставленный бочками. Недалеко от причала на якоре серый добротный катер с флагом Военно-Морских Сил.

Подумал: может, командующего поджидает? Тихо, по-партизански, с оглядкой спустился к причалу, притаился за бочками.

Высокая фигура в дождевике с капюшоном стояла у самого конца настила, метрах в десяти от меня.

Вспомнил генеральскую спину у окна... Конечно, он! Перевел взгляд на катер, заметил группу военных, и среди них генеральского адъютанта, обеспокоенно поглядывающего на Ивана Ефимовича.

О борт судна хлестали азовские волны. На крымском берегу дышал фронт. Далеко на востоке, наверное на косе Чушке, била тяжелая артиллерия. Меня окружали почерневшие от времени дубовые бочки с ржавыми обручами, вкривь и вкось обнимающими рассохшиеся клепки.

Петров неотрывно смотрел на далекий берег, откинул капюшон, снял папаху - ветер с запада зашевелил редкие седые волосы. Нахлобучив папаху, генерал глухо крикнул:

- Подавай!

Катер пошел курсом на север...

* * *

Утром, простившись со стариком рыбаком, угостившим меня крутой ухой, я ночевал у него за лиманом, - вышел на развилку.

Ощущение непонятной тревоги не покидало меня.
Увидел машину коменданта.
- Куда? - спросил он под скрип тормозов.
- В Краснодар.

- До Крымской подброшу, садись.

"Виллис" споро подбирал под себя прифронтовую дорогу.

Комендант долго молчал, потом повернулся ко мне:

- Видел?

- Да.

- Говорил?

Я рассказал о том, что было в Гадючьем Куте.

- Иван Ефимович... Я с ним из самой Одессы. Это. был настоящий командующий! - негромко сказал комендант.

- Почему "был"?

- Срочно отозвали в Ставку. Двести пятьдесят дней Севастополь защищал. Сколько тех защитников было? С гулькин нос, а держали. Петров всей битве голова. А теперь вот ждем нового хозяина...

- Кого, не секрет?

- Секрет, известный самому Гитлеру... Наверное, генерала Еременко.

- Сталинградский?

- Он. Говорят, боевой; помалкивает, прихрамывает, а своего добьется, хоть тресни, - вздохнул штабной комендант.

7

Настроение - как у человека, которого вдруг высадили с парохода там, где он не собирался высаживаться.

Дни за днями - декабрьские, промозглые. Хожу по городу, вглядываюсь в лица - в женские, детские. Голодных тут нет - Кубань хлебная. Но и радостных не часто встретишь.

В редкие солнечные дни я на берегу Кубани, под старым дубом с выжженной молнией сердцевиной. Бегут мутные воды к морю стремительно, напористо, грызут берега - то там, то тут обваливается земля.

Тяжелее всего в дождливые дни. Томлюсь в своей комнатенке, курю до головокружения, и моя жизнь как бы прокручивается обратно...

...Тропы, тропы, ревущие горные реки, ледяная яйла, черные буковые леса. Порою все это так близко подходит ко мне, что кажется: переступи порог - и ты в горах, а на тропе ждет связной дядя Семен.

Идет цепочка партизан. Вокруг безлюдно, молчаливо. Горят леса, сосны вспыхивают от корней до макушки, будто их бензином облили. Огненные трассы прошивают сумрачное небо. Пули "дум-дум" мелькают синими огоньками, стаями звикают вокруг нас. Мы торопливо перешли с высоты на высоту, треск автоматных очередей рвал над нами отравленный угаром воздух.

Наш партизанский комбриг стоял у штабелей дров,

вслушивался в хаос стрельбы и непрерывно курил. Я командовал отрядом. Мое дело - получать и выполнять приказы... А их нет - скрываемся, бегаем. Надоело сверкать пятками, хотелось рвануться, а там...

На тропе появился паренек, связной из поселка:

- Фрицы, товарищ командир, уходят из поселка, уводят мужиков наших.

- Нехай катятся к бисовой матери!..

Паренек примостился рядом со мной, заплакал:

- И моего батю...

Он мотрел на меня - сколько тоски и укора в мальчишеских глазах! Я вскочил:

- Разрешите немцам бока помять, товарищ комбриг!

- Ух, вояка... Там фрицев бисова уйма!

- Разрешите? - ору.

Комбриг вытянул шею, бросил холодно:

- Ну иди, только - в оба!..

Бегу за пареньком, за мной отряд. Над нами шальные снаряды со свистом режут плотный воздух. Дым от горящих лесных делянок наполняет легкие горечью, слезятся глаза. Переходим по бревну через глубокую, прыгающую по камням речушку. На том берегу ждет мой комиссар Федченко.

- Гей-гей, Степан Федосеич! - кричу ему. - За мной!

Комиссар спросил:

- Что надумали?

- В засаду! Десять гранатометчиков расположим на той стороне дороги, на скале, а сами заляжем на этой - подковой, метрах в двадцати от шоссе. Чтобы наверняка, Степан Федосеич!

- Тогда я с хлопцами - на ту сторону...

Залегли полукругом ниже полуразрушенной каменной ограды, всего в двадцати - тридцати метрах от дороги. По ней изредка проскакивают немецкие машины. Лежим, зуб на зуб не попадает - холодно. Снег под животом подтаял, сырость пробирает до костей. Поглядываю на скалу - притаились наши хлопцы, ждут.

Поселок за горкой - рукой подать. Пока ничего особенного: как обычно, полаивают собаки, постреливает патруль.

И сразу загудели десятки моторов. Дизели... Идут! Поглубже в снег вдавливаю сошки ручного пулемета.

Первыми показались танкетки, за ними два броневика. Из башен полоснули огнем, осыпали светящимися пулями кусты на повороте дороги. Надвигается главная колонна. Машина за машиной, под брезентом поют. Веселые, сволочи!

Во мне все умерло: перестал ощущать ноги, застыли живот,

спина. А машина за машиной, машина за машиной. В прорези прицела что-то лохматое то наползает, то отползает.

- Дядька, стреляй! - Паренек толкнул меня в бок.

- Ты что?!

Ближнюю ко мне машину стало заносить - скользко. Кузов - поперек дороги. Высыпали веселые солдаты, дружно облепили семитонку. Подъехали еще, и из тех солдаты выскочили.

Пули всадил в самую середку толпы. Со скалы посыпались противотанковые гранаты. Мелькнула комиссарская папаха... Увидел, как взлетела от взрыва машина и с треском рухнула в кювет. Расстреливали в упор. Только после боя узнал, что разрядил три диска, - когда только второй номер успевал заменять?

Крики, стоны, команды... Над нами огненный шквал. Кто-то толкнул меня в плечо:

- Время отходить, товарищ командир!..

Бежали по сухому руслу, оно вывело нас за холм.

Пули, снаряды, мины вспахивали высотку над табачной делянкой. На ней никого уже не было.

Через день узнали: разбили эсэсовский батальон и, главное, в суматохе боя удрали от немцев арестованные.

Меня вызвал командующий партизанским движением. Вытянулся перед ним, жду, что скажет.

- Ты кто такой? - загудел его бас в просторной землянке.

- Командир Приморского партизанского отряда.

- Это мне и без тебя известно. Почему не по чину бьешь?

- Пули чина не разбирают, товарищ командующий.

- Звание имеешь?

- Старший лейтенант.

- А на батальон замахнулся, непорядок. Командовать тебе бригадой!

Было или не было?..

Броситься сейчас в Сочи, в штаб партизанского движения, и оттуда - в крымские леса? Но трезвое понимание, что там-то я не сдюжу - могут, подкачать простреленные легкие, и я стану для всех обузой, - сдерживает меня.

Вот-вот придет из Москвы приказ о моей демобилизации. Надо опередить его. А как, как?..

* * *

Прошла еще неделя. В Крыму ожесточенные бои на плацдармах. Тревожно: в городе много санитарных машин.

На старом базаре столкнулся с командиром первого отряда нашей партизанской бригады:

- Сергей Павлович!

Он заморгал близорукими глазами:

- Простите, но я вас...

- До каких пор будете держать свой отряд у Железных ворот, товарищ Кальной? - спросил, как порой спрашивал его в лесу.

- Наш комбриг Константин Николаевич!.. Ну и омолодили вас - хоть в женихи. - Обнял меня. - Ты ж в сыновья мне годишься! Тридцать-то будет?

- Недобрал.

- Вот потеха! - Он потянул меня за рукав. - Пошли-ка, хлопец. - Повел мимо торговых рядов, за ларьки. Возле халупки с дымком, рвавшимся хлопьями из железной трубы, выведенной в окно, остановился. - Тут по старой дружбе нам кое-что сообразят.

Мы сидели в накуренной комнатенке. Сергей Павлович никак не мог оправиться от удивления:

- И кому я подчинялся?.. Почему-то мне думалось, что мы с тобой прошли одну и ту же жизнь. Я под Скадовском бил беляков, а ты в это время, оказывается, пешком под стол ходил... Ну и дела. А может быть, ответственность за человека, когда рядом смерть, возвышала всех нас над прошедшими годами... Ну да ладно, ты лучше расскажи, как с того света в этот пришел. Мы же тебя похоронили...

Он слушал, впитывая в себя каждое мое слово.

- Что ты потерял в Краснодаре? Наши ж в Сочи.

- Я кадровый офицер, и судьба моя в руках армейских богов.

- Веру ты нашел?

- Веру? Я ее не искал.

- Почему не искал? - Глубокие складки набежали на высокий лоб Сергея Павловича. - Она же родила.

- Как это - родила?

- Как все женщины рожают. Только в госпитале, раненая. Ребенок у тебя.

- Я совершенно ничего о ней не знаю с тех пор, как ее эвакуировали на Большую землю.

Сергей Павлович посмотрел на мои ордена.

- Когда их тебе вручали, неужели ничего о ней не сказали?

- Получал я их в бакинском госпитале.

- После твоего ранения месяца через два или три, уж не помню, пришла радиограмма из Центра. Сообщали, что Вера Куликова лежала в Армавире в госпитале в сорок втором году. О дальнейшей ее судьбе мы ничего не знаем...

Я находился в странном состоянии: ни боли, ни страдания, ни радости.

Вера в мою жизнь ворвалась так же внезапно, как и ушла из нее.

Встретились мы за два месяца до войны, в санатории. Мне было двадцать три года, и был я, молодой лейтенант, беспричинно счастлив, влюблялся во всех красивых женщин. Ходил, выпячивая грудь, но в душе был до смешного робок и стеснителен. Она с мужем появилась в столовой; их усадили за мой стол. С трудом я оторвал от нее взгляд и уткнулся в тарелку с жарким.

Она заказала обед, переставила приборы, улыбнулась мне:

- А вы здорово загорели.

- Солнце крымское...

- Ух как я соскучилась по нему!

- А вы бывали здесь?

- Да, еще девчонкой.

Она с детским почмокиванием съела дрожавшее желе, вытерла салфеткой пухлые губы, спросила у молчаливого мужа:

- А что будет дальше?

- Пойдем отдыхать, - сказал он.

- О, скучища! - Она смело взглянула на меня карими глазами, над которыми высоко были приподняты густые короткие брови. - А вы мне покажете море?

Муж скользнул по мне тяжелым взглядом.

- Ты не против? - спросила она его.

- Пожалуйста. - Он зевнул.

Мы относились друг к другу по-дружески, раза два ходили в парк, на Крестовую, хорошо сыгрались на волейбольной площадке. Она легко подбрасывала над сеткой мяч, а я, высоко подпрыгивая, лихо резал под одобрительные хлопки зевак. Как-то я стал свидетелем неприятной сцены: смущенно озираясь, Вера тащила перепившего мужа в палату, тихонько по-бабьи причитая: "О господи! За какие грехи на мою голову такая напасть!"... Мне стало жаль ее.

После этого случая Вера показывалась только в столовой. Время моего отъезда приближалось, и я торопил его, убивая часы в походах по горам.

Был хороший день - вовсю светило солнце, блики его играли на мелкой ряби моря. Я далеко заплыл. Вдруг услышал ее голос:

- Костя, сюда!

Выплыл на женский пляж.

- Здравствуй, что тебя не видно?

- Садись и не спрашивай ни о чем. Лучше скажи, какая у меня спина?

- Загорелая...

- Пойдем на Крестовую.

- Но мы были там.

- Пойдем, пожалуйста.

Тропа вилась над старыми виноградниками, пропекалась боковыми лучами заходящего солнца; из леса тянуло талым снегом. Вера была в легких туфельках, шагала впереди - я видел ее тугие икры. Шла быстро, ни разу не оглянувшись. За виноградниками начался сосновый бор, усыпанный прошлогодней хвоей. Развалины Генуэзской башни торчали на самом пике Крестовой. Мы остановились под ними. Вера уселась на старый пень. Я собирал голыши, спаянные неизвестный составом. Выбрал покрупней, нашел булыжник, положил голыш на скалу и стал колотить по нему. Он не поддавался.

- Смотри, Вера! Покрепче бетона. Вот так раствор! Говорят, на яичном белке...

- Поцелуй меня, Костя...

...Они уехали внезапно.

Началась война. Наша Крымская дивизия уже сражалась у Каховки, а меня вместе с группой командиров-коммунистов направили в распоряжение обкома партии: готовились к партизанской войне.

Бои шли у Перекопа, когда Вера как с неба свалилась и вошла в мою холостяцкую комнату и сказала:

- Константин, без тебя не могу...

В партизанском отряде нас считали мужем и женой. Вера тяжело перенесла зимний голод - исхудала, болела. Самолеты стали садиться на наши ночные аэродромы, и ее эвакуировали.

Когда горы, казалось, ходили ходуном от ураганного ветра, когда холодные дожди днем и ночью секли леса, а речушки так взбухали, что сносили бревна-перекладины, по которым мы перебирались с берега на берег, на наши землянки наваливалась тоска. Тогда пели, чаще всего "чапаевскую". "Ты не вейся, черный ворон, над моею головой", - запевала Вера, у нее это ладно получалось. И потом мы пели те же песни, но такого запевалы у нас уже не было. Голос ее хорошо помню, а облик - как в тумане. В лесу мы все были на одно лицо - мужчины и женщины, пожилые и молодые.

И вот снова Вера врывается в мою жизнь. Вера - мать моего ребенка...

Запросили Сочи - ничего нового: ее дорога оборвалась в Армавире, в госпитале 4148.

Тепло из предгорий отбросило зиму за Кубань. В городе грязь непролазная. На вокзале нашлась добрая душа: помощник коменданта устроил меня на поезд, следовавший до Армавира.

На разъездах пропускали фронтовые эшелоны, санитарные поезда; прошел товарняк со скотом - второй путь еще не был

восстановлен. За окнами тянулась серая степь, затихшая в ожидании запоздалого снега.

Армавир встретил солнцем - зимним, блеклым.

Город не город, станица не станица. Взорванный элеватор, обгоревшая коробка маслозавода. Пустынная площадь.

Увидел развалины. Мне сказали - бывшая школа, в которой и располагался эвакогоспиталь.

Подошел - груда кирпичей, остаток стены, поросшей мхом, и тополя, выстроившиеся в ряд, оголенные, сиротливые. Тогда, в августе сорок второго, они шелестели серебристыми листьями, и Вера, наверное, смотрела на них из окна...

За руинами заметил хатенку с железной трубой над толевой крышей. Подхожу - пахнет дымом.

- Есть кто?

- Ну? - Из двери высунулась старушка.

- Доброе утро, мамаша. Здесь находился госпиталь сорок один сорок восемь?

- Какой - не знаю, а раненые лежали.

- Жена моя тут была.

- Какая такая жена? Тут девки были у пилотках, семечки лузгали...

- Она рожала тут, понимаете?

Старуха приумолкла, прикрыла глаза, встрепенулась:

- Верка, что ли?

- Вера, ну да! Вера - жена, партизанка, а я муж...

Она уставилась мне в глаза, да так, будто когда-то знала меня, а теперь никак признать не может. Перекрестилась:

- Царствие небесное ей и малютке ейной... Был слух, разбонбили поезд-то на Верблюде. Станция такая, слыхал? Разбонбили, а потом танками давили. Ах, бедолаги! Не дай бог того лета. Попалили народушко - царствие небесное... А ты и вправду ейным мужем был?

- Вправду, мамаша.

- А рожала - не дай господь!.. Сама у гипсу, а дите идет себе на свет, идет. Крутая баба, дюжая... Народушко попалили - царствие небесное. Перекрестилась и пошла к хатенке.

- Мамаша!

- Ты иди, иди себе, я уже все сказала...

Вот так война по ней проехалась... За каким-то счастьем летела в Крым, пришлось мерзнуть в засадах, наравне с мужиками шагать по ледяным откосам яйлы, часами простаивать в караулах и, прячась от нас, блюсти в чистоте свое молодое тело...

Мы старались выделить для нее кусок покрупнее из строго

лимитированной вареной конины. Она таскала сушняк, топила железную печурку, стирала наше белье...

Шагаю по шпалам, вижу железнодорожные цистерны, ржавые, с пробоинами в кулак. За земляным валом - скелет вагона, пульмановского. Поднялся на вал открылись мглистые дали Пятигорья. Тишина, лишь в небе каркает воронье...

Когда наступила весна, Вера часто лежала, уставившись в темный потолок землянки, и беззвучно плакала. Что скрывала она за своим упорным молчанием - тайну беременности, открывшуюся ей, или свою, по существу, полную беззащитность? За всю суровую зиму я ни разу не притронулся к ней. Лишь однажды, когда растаял снег, оставшись вдвоем в лесной тишине, мы отдались любви - молча, угрюмо, стесняясь друг друга. Казалось, все вокруг восставало против нашей близости - и ветер, что шумел в деревьях, и сойки, с криком вспорхнувшие над нами и обронившие несколько голубых перышек, и товарищи, во взглядах которых потом нам мерещилось беспощадное осуждение...

Где, на каком километре танки добили санитарный эшелон? Молчит степь, лишь шелестят мертвые травы. Как мне неуютно и одиноко сейчас на земле!..

Переночевал в заброшенном хуторке. Утром добрался до вагончика с проводами - станция.

- Эй, начальник, тебе на Краснодар? Вот-вот поезд примем.

- Спасибо...

Добрался до города.

Полночь, вокзал переполнен, негде голову приткнуть. Духота - до дурноты. Вышел на площадь. Тут сыро, одиноко. Где и как провести ночь? Неужели снова в свою холодную, как погреб, комнатенку?.. А больше некуда...

Вскочил на заднюю площадку трамвая.

8

Улица темная, тихая-тихая. Дома - как гробы. Лишь где-то рядом журчит ручеек. Вошел в знакомый дворик, огляделся - ни огонька. Забарабанил пальцами по окошку.

- Кто там? - Голос испуганный.

- Ваш квартирант.

Сверкнул огонек, мягкий свет разлился за занавешенным окном.

- Сейчас...

Приоткрылась дверь.

- Входите. Только в вашей комнате страшная сырость.

- Как-нибудь...

Она подняла лампу.

- На вас лица нет. Зайдите, погрейтесь.

Стою у двери. Она поставила лампу на стол, выпустила фитиль, в комнате стало светлее.

- Снимите шинель, садитесь поближе к печурке - она теплая.

- Благодарю.

- Хотите чаю?

Открыла печную дверку, пошуровала железным прутом, подбросила аккуратно распиленные дровишки. Вспомнилось: "Они ей, гадюке, топку навезли - на цельный год хватит!"

В комнате чисто, стены без фотографий. На окнах занавески, крашеный пол, кровать застелена дорогим шерстяным одеялом. Тикают с важностью старинные настенные часы. На туалетном столике небольшая фотография: капитан с орденом Красной Звезды.

- Муж?

- Брат.

- А муж?

Повернулась ко мне лицом:

- Не все ли вам равно?

- А как вам... при них-то?

Хлопнула дверцей печки, поднялась, взяла венский стул, села напротив меня.

- Вы из любопытства?

Подумалось: ее много раз спрашивали.

- Не эвакуировались? А почему?

- Так уж вышло... Мужа со мною не было, у сына малярия. Немцы за Ростовом, идут на Краснодар. Мечусь по городу, в военкомат, в райсовет: "Помогите, они же убьют моего мальчика!.." Но всем не до меня эвакуируются...

- И все же вы не ответили на мой вопрос.

- На какой?

Сердито пнул ногой кучу сухих чурок.

- Откуда это? Задарма доставили?

- Не смейте! - Она часто задышала.

Во мне дрогнуло что-то тяжело-виноватое, я начинал себя чувствовать так, как, бывало, в лесу, когда бой, в исходе которого почти не сомневался, оказывался проигранным.

Она вдруг выпрямилась, рассмеялась:

- Простите... Вы так похожи сейчас на моего сына, честное слово... Нашкодит, а потом придет и станет - такой колючий, взъерошенный... И не такой уж вы страшный... Господи! - по-детски всплеснула руками. - Почему всех на один аршин?.. И так горько, что даже вы, подполковник... Вздохнула. - У нас чай готов... - Несуетливо собрала на стол.

Уйти подобру-поздорову? Но хочется тепла, хоть убей - не подняться.

- Прошу к столу.

Сидела ко мне боком, близко; я видел - на указательном пальце у нее свежая ссадина, ногти обломаны.

- На развалинах кирпичи таскаю. - Убрала руку.

- Трудно?

- Еще бы!

Мы встретились взглядами. Ее верхняя губа с мальчишеским пушком подрагивала.

- Одну минутку. - Вскочила, шагнула было от стола, а потом неожиданно сказала: - Господи, мы так долго говорим, а как звать друг друга, даже не знаем.

- Константин.

- А я Галина. Галина Сергеевна Кравцова по паспорту. - Протянула руку. Ладонь у нее маленькая, теплая и сильная.

Она вышла, возилась в сенях, как мне показалось, очень уж долго. Я, сам не знаю почему, хотел, чтобы она сидела рядом, чтобы ее губа подрагивала. Никогда в жизни такого я еще не испытывал. И доверие к женщине, которую еще час назад совсем не знал и не хотел знать, крепло.

Она вошла в комнату.

- Вот, вино. - Поставила бутылку возле меня.

Взглянув на этикетку, я встал, посмотрел ей в глаза.

- Что с вами? - спросила потерянно.

Не отвечая, круто повернулся - и к вешалке.

- Ключ на месте, - негромко сказала она.

Вошел в свою комнату - охватил холод, сырость. Лег, никак не мог согреться... Нехорошо на душе, глупо нехорошо... Перед бабенкой-стервой... Сразу же показала себя - вино выставила, не постеснялась!..

Спать, спать. Но так и стоит перед глазами бутылка "пиногри", ай-данильский. Сорт наш, крымский, редкостный, - бывало, и за большие деньги не добудешь. Немцы с ходу разграбили старинное хранилище, и вон куда дошла бутылка... Дедок не врет: дровишки, винцо... В кутерьме военной такие не теряются.

К утру сон сморил накрепко. Слышу, стучат, но голову поднять не могу.

- Живой здеся кто, а? - Вошел старшина. - Цельный час гремлю, шумлю, а вы вроде намертво сваленный.

- Чего приперся в этакую рань?

Старшинские глаза обзыркали комнату.

- Не скажите, десятая година... Вызывают в военкомат.

- На что понадобился?

- Добрая весть поутру ходит.

Схватил старшину за плечи:

- Ну?

- Ждут, а потом - прямехонько фрица дубасить!

Собрался как по тревоге. У самой калитки оглянулся - домишко провожал меня молчаливыми окошками.

9

Большая станица, а в ней фронтовой офицерский резерв. Как многие кубанские станицы, и эта растянулась на версты. Улицы широки, дворы просторны, местами сливаются - ни заборов, ни плетней. Меж оголенных акаций дымят трубы хат-мазанок под камышовыми крышами.

Я знаю: полы в них земляные, с тонким слоем зеленого кизяка, окна с глухими ставнями и железными задвижками. Главная улица - Красная. Тут немало домов под оцинкованными крышами, стены из красного кирпича.

Тучи поливали перенасыщенный чернозем дождями, стояли лужи, грязь топкая, глубокая.

У каменного дома с высоким фундаментом, застекленной верандой, над которой тяжело склонился мокрый красный стяг, топтался дневальный. Я спросил:

- Здесь штаб офицерского фронтового резерва?

Из-под капюшона сверкнули строгие глаза.

- Вымойте сапоги, а то не пущу.

- Что такой приветливый?

- Вот придет ваша очередь, подневалите на этом собачьем холоде - еще не так запоете...

Я натаскал из колодца с журавлем воду в корыто, помыл сапоги, подошел к дневальному:

- Подойдет?

- Мне-то что, полковник Мотяшкин так требует...

- А кто он такой?

- Начальник фронтового резерва товарищ полковник Мотяшкин. Тыловик. Чего стоите? Идите и непременно загляните в каморочку. Там щетки, крем, иголочки, ниточки... Теперь так заведено. И шинель снимите...

Чистил сапоги, прикидывал, соображал: надо быть в форме, взять верный тон... Кажется, все в порядке.

Остановился перед дверью, обитой черным дерматином, постучал:

- Разрешите, товарищ полковник?

- Войдите.

- Подполковник Тимаков прибыл в ваше распоряжение!

Полковник, с ежиком седых волос, лобастый, пристально посмотрел на меня.

- Молоды. Давно в звании подполковника?

- Приказ наркома обороны СССР от двадцать шестого ноября тысяча девятьсот сорок второго года за номером ноль двести сорок два!

- Похвальная память. А наблюдательность и хорошая память - наиболее важные качества воина. Надеюсь, в резерве буду иметь достойного старшего офицера.

- Рад стараться!

- К сожалению, не все это понимают. - Полковник вышел из-за стола, усадил меня на черный диван с высокой спинкой и сам уселся рядом. - Есть такие, что считают фронтовой резерв местом ничегонеделания, вроде приятной паузы между госпиталем и передним краем. Отсюда случается и вино, и карты, и прочее... У меня свой взгляд. Именно здесь, в недалекой от фронта, но достаточно спокойной обстановке, офицер обязан до конца проштудировать новый устав полевой службы, аккумулировать дисциплину...

Он говорил, а его дребезжащий, будто простуженный голос казался мне знакомым. Где же я его слышал? Постой!..

...Тогда меня внесли в вагон, уложили на нижнюю полку, дали снотворное. Уснул, но передо мной все время возникали картины лесной жизни, одна из них была такой реальной - хоть рукой трогай: Будто я в горах, на крутой скале. Разбегаюсь, чтобы прыгнуть, натыкаюсь на что-то твердое и... прихожу в себя от боли.

- Не надо биться головой об стенку, - слышу женский голос.

Вагон вздрогнул от толчка. Едем. Сознание мое снова раздваивается: соображаю, что нахожусь в санитарном эшелоне, что меня куда-то везут, но вместе с тем переживаю и другое, что надвигается, как падающая стена... Я в глухой пещере, коптят под ее сводами свечи - горит кабель, - на сталагмитовых наплывах лежат раненые. Заросшие лица, растрескавшиеся губы. Кто-то, расшвыривая носками сапог гремящие пустые банки, бежит ко мне. "Костя! Немцы минируют выход!" - Это голос комиссара. "Автоматчики!" - ору что есть силы. Вижу вспышки, даже полет трассирующих пуль, а звука нет. Нет!.. "Стреляйте, какого черта! Стреляйте!.." Чья-то холодная рука притрагивается к моему разгоряченному лбу:

- Не кричи. Настрелялся - больше некуда...

- Кто ты? Где я?

- Едем, слышишь?.., Я при тебе, сестра. А ты лежи спокойненько. И тебе легче и другим, а то шибко орешь!

- Верно, сестра... - Голос надо мной дребезжащий, вроде простуженный. - Надо врача позвать. Сестра! Пусть замолчит...

- Он бредит, товарищ полковник.

- Успокойте, есть же средство... Ведь с ума сойдешь от одной вони... Почему не перевязываете его? Требую начальника эшелона!

- Нечего требовать, лежите спокойно со своим аппендицитом.

Как длинна дорога... Болит кожа, болят все косточки. Наверное, солнце в зените - душит, нет мочи...

Перекаленный эшелон подкатил к Ташкенту, прилип к платформе. Пошло мужское разноголосье: один требует костыль, другой с кем-то прощается, третий кого-то материт. Санитары снимают полковника с верхней полки. Он ими командует: "За правое плечо, ногу повыше". Должно быть, грузный - санитары тяжело дышат...

- Вы как думаете, товарищ подполковник?

Начальник резерва поднялся с дивана, я за ним.

- В резерв попадаю впервые, - отвечаю ему.

Он вызвал дежурного офицера:

- Подполковника Тимакова - на Ворошиловскую, пять! Дайте проводника.

На Ворошиловской, пять - казацкая хата, впритык к ней сарай, чуть в стороне колодец с воротом, закрытый от ненастья позеленевшей конусной дощатой крышей.

Счистил с сапог грязь, подошвы потер о рогожу, лежащую у входа, вошел.

- Кто тут, эй!

Мертвая тишина.

Зала - так на Кубани называют большую комнату - увешана фотографиями: с выцветших карточек лупоглазо глядят казаки в черкесках с газырями, в узких поясках с набором из серебра, кинжалы, кубанки, Георгиевские кресты. В переднем углу иконы. На окнах цветы, земля в горшках черна, влажна ухаживают.

Четыре солдатские койки, гладко затянутые серыми одеялами, выстроившиеся вдоль стен, кажутся лишними в этой просторной комнате с высоким потолком, лежащим на толстой матице.

Послышались шаги, я повернулся - у порога стояла пожилая женщина, повязанная черным платком. У рта и серых глаз сеть морщинок. Поклонился ей.

- Чи новый хвартирант? - спросила, разглядывая.

- Да.

- О та ваша койка.

- Спасибо.

- А дэ харчуваться будете?

- А они?

- Та таскают со складу муку, олию, трохи мьяса. Маю сало, борщу та узвару наварю - всэ дило.

- Добро. Как разрешите вас называть?

- Мария, по-батьковски Стэпановной буду.

Вытянулся перед ней:

- Прошу, Мария Степановна, зачислить на котловое довольствие подполковника Тимакова Константина Николаевича.

- Та не смийтэсь. - Глаза ее улыбались.

Не успел расположиться - в комнату вошли два полковника, чем-то похожие друг на друга. Сняли шинели, у обоих на кителях никаких наград. Значит, пороха еще не нюхали.

- Ну, казаки, геть к борщу, - позвала хозяйка.

- Степановна, у нас новый жилец, такой случай, а? - сказал один из полковников.

- Нэма, хоть уси куточки обшукай.

- А у деда?

- Та у дида Яковченко сноха дома. Вин ей боиться, як черт ладана. Сидайте та йишьте.

А борщ, борщ! Варево исчезало с такой быстротой, что Степановна едва успевала подливать...

Прошла неделя. Наконец-то зима снова добрела и до предгорья, подморозила жидкую грязь, перекрутила ее немыслимыми жгутами, запорошила снежком.

Северо-Кавказский фронт расформировали - резерв набит офицерами. Чем больше фронтовиков подбрасывали военные госпитали, тем энергичнее и деловитее становился полковник Мотяшкин.

Нас, полковников и подполковников, тридцать два человека - целый взвод. Служба идет, майдан истолочен начисто, звенит от мороза. Стараемся: ать-два! Носок вперед, плечи развернуты - ать-два! И так с рассвета дотемна. Устаю, как уставал солдатом-первогодком, когда мой отделенный командир часами учил меня ставить ногу на полную ступню.

Вечерами мои соседи-полковники с курсантской сноровкой складывали обмундирование. Глядя на них, и я поступал так же. Как-то улегся и подумал: что может сделать человек сверх того, что уже сделал? Или всегда надо начинать сначала?

И сегодня с утра строевая. Полковник Мотяшкин долго выравнивал наши колонны. Сам он был грузным, короткошеим, но шагал удивительно легко корпус не дрогнет. Иван Артамонович наблюдателен: будто всех сразу видит нет сил избавиться от полковничьих глаз. Наша колонна поравнялась с

ним.

- Хорошо шагаете, подполковник! - крикнул он мне.

- Рад стараться!

- Ко мне!

- Есть!

- Ать-два! Ать-два!., Товарищи офицеры! - зычно - откуда только голос! - кричит полковник. Майдан замирает. - Вот он, - кивает на меня, строевик. Слушай мою команду: пр-рямо, шагом арш!

Чуток корпус внаклон, левую ногу вперед и на полную ступню, потом правую... левую... А Мотяшкин, слегка откинув крупную голову назад, упоенно:

- Кр-ру... гом марш!

Под его счет "ать-два-три" - через левое плечо на сто восемьдесят градусов, с выбросом левой ноги.

- Шире шаг!

Еще в курсантской роте в Киеве натренировали меня, что называется, до артистизма. Точно и четко исполняю мотяшкинские команды.

- Молодцом, подполковник! - Иван Артамонович вытирает со лба пот, будто он, а не я маршировал.

- Благодарю и прошу позволения на сутки отлучиться в город Краснодар по личному делу! - выпаливаю неожиданно для себя.

Полковник, думаю, по инерции восторга, который он испытывал во время моего показательного марша, сказал:

- Вполне заслужили.

Но увольнительную подписал со скрипом, строго предупредил:

- Не опаздывать!

10

В город добрался на попутной машине. Куда идти? Зачем? Впрочем, хитрю...

Дни мои в резерве были заполнены до отказа: строевые и тактические учения, стрельбы и политзанятия. Как все, дневалил у входа в мотяшкинский штаб и придирчиво следил за блеском сапог и пуговиц на мундирах офицеров. Но в другой, глубоко затаенной стороне моей жизни нет-нет да и возникнет щемящее чувство вины перед женщиной, что живет в крохотном, домишке на окраине Краснодара. Почему так грубо я отнесся к ее душевной чуткости и доверчивости?..

Чем ближе к ее калитке, тем больше волнуюсь.

Вижу деда. Стоит там, где и стоял в первый раз, будто никуда и не уходил.

Поздоровались.

- Часом, подымить нэма чим?

- Найдем, старина. - Отвалил кучу папирос.

Взял, хитровато прищурился:

- Закоротыло, га?

Не отвечая, стучу в калитку; дедок похихикивает.

Калитка приоткрылась, Галина скользнула по мне настороженным взглядом:

- Заходите... - Сутулясь, пошла впереди меня.

В комнате, как и тогда, тепло, уютно. Сняв шапку, сказал:

- Сяду, с вашего позволения. - И опустился на стул.

Чуть откинув голову, она выжидательно смотрела на меня.

- Хотите повинную? - Я облизнул пересохшие губы.

- Не хочу...

- Уйти? - спросил, вкладывая в одно это слово неловкость, чувство вины перед ней.

Она помолчала, села напротив меня, оперлась ладонью на край табуретки. Заговорила не спеша:

- В ту ночь хотелось плакать - разучилась! - Секунду поколебалась. Мне казалось, что люди должны друг другу доверять, искать в человеке прежде всего хорошее...

- Что же с вами случилось?

- То же, что и со всеми... Ужас оккупации! Вы не можете себе представить - жизнь вне закона, "рабы" и "хозяева" с "новым порядком", а при них прихлебатели, да не с пустыми руками, с автоматами... А финал "оккупированная". Хоть плачь, хоть вой, но ты уже меченая...

- Старик, ваш сосед, знаете, что о вас?..

- Он гадина, мородер!.. Ходил на поле боя и грабил - убитых грабил. А сейчас грабит живых - доносами.

- Простите. Но вы вообще какая-то... н-неподходящая, что ли!...

Она грустно улыбнулась:

- И обижаться на вас трудно...

- Я солдат, обыкновенный солдат, привык напрямик...

- Не знаю, какими бывают необыкновенные солдаты. Но иногда вместо "напрямик" получается "напролом". - Вдруг спохватилась: - Который час?

- Без четверти двенадцать.

- Ой, опаздываю...

Выбежала в сени. Вернулась в комнату в пальто, в стоптанных туфлях, в своем пуховом платке, перекрещенном на груди и узлом завязанном за спиной.

Я поднялся:

- Останьтесь, Галина.

Отрицательно покачала головой.

Подошел к ней, торопливо прижал к себе... Сильным толчком отстранила меня:

- Не надо...

- Нет так нет! - Схватил ушанку.

- Не обижайтесь. Мне надо идти, а то попаду в неприятную историю...

* * *

До отхода поезда еще много времени. Как убить его?

Бродил по городу, сидел под своим дубом на берегу Кубани.

Медленно обходил базарные ряды - молочные, мясные, барахолку. Всего было много, но цены - моего месячного содержания хватило бы на три кило масла...

Вернулся на свою окраину, постоял у калитки, постучал - ни звука. Вспомнил, где Галина оставляет ключи. Перелез через забор, вошел в ее комнату, разулся и лег на кровать: напролом так напролом. Спал уютно, всласть...

Что-то заставило проснуться и насторожиться. Шаги, женские голоса. Скрипнула дверь.

- Кто здесь? - Голос испуганный, робкие шаги. - Ты, Виктор?.. Константин Николаевич? Боже мой, со мной золовка... - И с отчаянием: - Тут подполковник, мой квартирант... Такого еще не бывало!.. У него, правда, не топится...

Золовка ни слова. Угнетающая тишина: слышно, как за окном шумит зимний ветер.

Я готов провалиться сквозь землю.

- Извините, сейчас обуюсь...

Женщины вышли из комнаты.

Никак не могу засунуть правую ногу в сапог - подъем дьявольски узок. А тут хоть уши затыкай: за дверью приглушенные голоса.

Галина:

- Вот какая ты!.. Ну заболел, наверное, человек...

Золовка:

- Так бы и посмел забраться в чужую постель! Теперь понятно, почему на письма Виктора не отвечаешь. Он нас засыпал вопросами: где Галка, что с ней, почему не пишет?

Галина:

- Ты не смей. Ты мне не указ...

Первой вошла Галина.

- Как это понимать, Константин Николаевич?

- Прошу прощения - собачий холод загнал к вам. - Повернулся к золовке, щелкнул каблуками: - Тимаков Константин Николаевич... - Взялся за шинель.

Галина бросилась ко мне:

- Куда же вы на ночь глядя? Вот, возьмите хоть одеяло...

- Спасибо...

Посмотрела на золовку, потом на меня.

- Впрочем, ничего страшного не случилось. И мы будем рады видеть вас. Правда, Варя?.. Приходите завтра утром пить чай.

- Приду, спасибо...

Бродил под дождливым небом. Далеко перекликались сиплыми гудками паровозы.

Что делать? Поезд уже ушел. Все равно достанется от полковника Мотяшкина - опаздываю. Ладно: семь бед - один ответ!

Чертовски сырая комната, ворочаюсь и так и этак, а согреться не могу и под ее одеялом. Но усталость свое взяла: невольно прислушиваясь к голосам моих соседок за стеной - они, по всей вероятности, выясняли отношения, уснул...

Стол был накрыт празднично. Галину не узнать: в строгого покроя синем костюме.

- Просим к столу, Константин Николаевич.

- Доброго вам дня. - Я посмотрел на Варю.

- Здравствуйте, - сказала с холодком в голосе. Шелковое платье с прямыми плечиками подчеркивало угловатость ее фигуры.

Галина спешит наполнить бокалы:

- Выпьем за солдат и офицеров, наших воинов!

Тост приняла и Варя - залпом осушила бокал. Лед, кажется, трогается.

- Вы учитесь? - спросил ее.

- В десятом, товарищ подполковник. - Вино придало ей смелости. Ткнула пальцем в награды: - Вам бы гордиться...

- Варя! - попробовала остановить ее Галина.

- Ничего худого не сказала. Товарищ, видать, человек решительный...

У Галины дрогнули губы.

- Зачем ты казнишь меня? Если уж ты судья, то почему не своему брату?

- Его не трогай, он фронтовик. Молчи!..

- Я больше не хочу молчать!.. Ты прекрасно знаешь, кто виноват в том, что меня бросили. Твой разлюбезный братец служил в Тимашевке, в часе езды отсюда...

- Перестань! - Варя топнула ногой.

- Он вам с матерью подбросил грузовичок продуктов и улизнул в Новороссийск, а оттуда в Сочи, а потом еще дальше - в Поти. Фронтовик!.. Служит и не тужит... Бросил меня одну с

сыном. Вы все меня бросили и все меня судите. Почему вы - меня?

- Ты с немцами жила... жила!.. - Варя повернулась ко мне: - На той самой кровати, что и вы, вы...

Галина встала, упал стул. Выдвинула ящик стола, достала связку ключей и приказала:

- Бери и уходи в домик напротив, там дождешься поезда. И вот что скажу тебе и всему вашему куркульскому роду: не смейте, слышишь, не смейте переступать мой порог!

Я ждал от Вари новой резкой выходки, но, к удивлению, она молча взяла ключи, торопливо оделась и, не простившись, выскочила из комнаты. Хлопнула дверь.

Галина села, закурила, сигарета подрагивала в ее пальцах.

- Вы курите? - удивился я. - Выпьем?

- Не надо, Константин Николаевич. - Смяла в пепельнице окурок, откинула со лба прядь. - Скажите, зачем вы вернулись и... почему легли на мою постель?

- Так уж получилось... По-глупому, наверное, извините...

- Та ночь... Вы пришли ко мне насквозь промерзшим. С вас слетел напускной апломб, с которым вы впервые явились. Я была вам благодарна, так хотелось сделать приятное... И сперва ничего не поняла, почему вдруг ушли, а потом догадалась... Разве можно так? В оккупации оставались миллионы. Так что, всех под одну гребенку?

Я накинул на плечи шинель и не знал, что делать.

- Останьтесь, - сказала так тихо, что я скорее догадался, чем расслышал.

...Двое суток мы не выходили за стены домика. Ночью в окна заглядывала круглая луна.

Галина сидит, подобрав колени.

- Ты не спишь? - Нагнулась ко мне, подсунула руку под мою шею, другую запустила в волосы, - Ты никогда не полысеешь...

- Зато уже поседел...

- Вспомнилась мне та страшная ночь, когда ты кричал во сне. Я испугалась, побежала в твою комнату, у тебя было такое беспомощное лицо...

Я взял ее руку с ссадинами на пальцах, стал целовать, мысленно прося прощения.

- Ты что, милый?

- Не знаю, как мне уйти от тебя.

- И я не знаю, как расстанусь с тобой.. Тебя всегда ждут, И я хочу так жить, чтобы меня тоже ждали.

- Кто?

- До встречи нашей мне думалось, что все главное мною уже прожито. "Как на древнем, выцветшем холсте, стынет небо тускло-

голубое. Но не тесно в этой тесноте и не душно в сырости и зное"...Так я ощущала мир до войны. Но война... Оккупация...

- Что ты будешь делать? Я могу помочь тебе?

- Я должна сама... С двенадцати лет сама свою ношу тащу... Отец у меня - здешняя знаменитость, доктор-терапевт с частной практикой, большой барин. Женился давно, на казачке, учился, а она, моя мать, на него работала. Родилась я, потом брат появился, тогда отец и бросил семью. Я осталась при нем, а мать с братом в станицу подались. Там у нее сейчас и мой сын. Росла, ни радостей, ни горя особого не зная. Но помню день, когда отец сказал: "Ты большая, будешь хозяйкой дома". Приду из школы и скорей на себя передник: кухарка, уборщица, в воскресный день в отцовской приемной и только поздней ночью с книгой. Мы тогда жили на Базарной, в большом каменном доме. Каким-то образом отца покорил студент-медик Витюшка, как он его называл. Юноша-паинька, послушный, начитанный. Играют в шахматы, стихи вслух читают, а я чищу и мою докторский кабинет. "Галка, кофе!" - на весь дом отцовский голос. И кофе подавала, и окурки убирала. "Витюшка, не зевай - золотые руки!" - подмаргивал отец. Два года проучилась в медицинском, а потом замуж за этого самого Витюшку. Родила сына, и все мы жили на Базарной. Их теперь у меня стало трое: отец, муж и сын. Мне бы учиться дальше, а отец свое: "Успеешь, молодая. Чужих в доме не потерплю". За месяц до оккупации я похоронила его. Меня немцы выгнали на окраину в эту чужую халупу, а дом на Базарной перед своим уходом взорвали. Я и осталась здесь - всем на суд...

- Не ты одна, всем не сладко - война...

- Согласна... Но речь не об этом, не обо мне. Я хочу воспитать своего мальчика. Пусть будет мужчиной, настоящим, не как его родной отец, отбывающий войну под черноморскими пальмами. Но сына нет со мной. Не хочу, чтобы он был свидетелем того, как некоторые помыкают тут его матерью. - Ее глаза стали влажными.

- Что же ты надумала?

- Буду ходить в военкомат, пока не возьмут или не зашлют к черту на рога...

Рассвело. Галина хозяйничала, а я брился и думал. Впервые о том, о чем никогда по-настоящему не задумывался. Как накапливается опыт жизни? Как человек обретает высоту, с которой видит ширь и глубину жизни, тогда как другие видят только то, что торчит под их собственным носом?..

Мы позавтракали. Галина торопливо убрала посуду.

- Нам пора. - Горячо поцеловала в губы. - Жить тебе, солдату!

* * *

...Я в вагоне - старом, дребезжащем; за окном тополя,

равнина, запорошенная снегом, хаты, голые сады.

Еще ощущаю теплоту ее губ.

11

Дежурный по резерву смотрел на меня как на человека, которого вот-вот поведут на эшафот.

- Вы еще не знаете Мотяшкина. Состряпает такую характеристику, что до конца войны будете подпирать стены резервных команд! - Дежурный отскочил от окна - и к двери. Одернул китель. - Идет! - Руку под козырек, хрипло: Товарищи офицеры!

Полковник прошел мимо, не удостоив нас взглядом. Дежурный стоял как пригвожденный; бедняга, даже красные пятна на лице выступили.

- Подполковник Тимаков, прошу ко мне! - потребовал начальник резерва.

- Есть!

Доложил чин чином: мол, опоздал на поезд... Попутная машина не попалась... Полковник слушал, не глядя на меня. Я замолчал. А он взял со стола газету, уткнулся носом в сводку Информбюро.

- Наступаем, товарищ полковник? - спрашиваю от волнения, должно быть.

- Корсунь-шевченковскую группировку - в кольцо. Хорошо! Сделано грамотно.

- А мы застряли, товарищ полковник...

- Ошибаетесь, движемся. - Наконец-то посмотрел в глаза. - Вы меня поняли?

- Застряну?

Голосом задушевным, будто самому близкому:

- Сами не туда заехали, дорогу себе удлинили. Пока посидите под домашним арестом. Чтобы не скучали, проштудируете полевой устав от корки до корки - лично проэкзаменую. А там Военный совет и решит вашу судьбу, подполковник, - Он поднялся. - Извлекайте собственную занозу сами!

Украинские фронты. Первый, Второй, Третий... Армии на огромном пространстве - от Киева до Черного моря - двинулись на запад. Наш резерв таял, как снег под мартовским солнцем.

...Канун большой весны, благодатные дожди сгоняют последний снег в лесных чащобах, На солнечной стороне цветет мать-и-мачеха, набухают почки; щука вышла на мелководье метать икру. Мария Степановна ухаживает за мной с материнской жалостью. А я, как кулижка, что держится под столетним, дубом даже в жару, застрял в четырех стенах. Движение, которое пошло с начала марта по всем станичным улицам и унесло моих

соседей, не задело меня.

Мария Степановна спросила:

- Чи не захворалы? Клыкну я дида Яковченко - дюжий знахарь.

- Не надо, хозяюшка...

- Як знаете.

Каждый день на имя полковника по рапорту. Каюсь, умоляю: в любую часть на любое дело, хоть в штрафной батальон, только не безделье. Ни ответа ни привета, И устав вызубрил, что называется, назубок.

В старой казацкой хате время ползет тихо. На столе лежит устав, за дверью ходит Мария Степановна, поскрипывает колодезный ворот. В печке погуливает ветерок.

Жду, жду... Хочется махнуть туда, где над горами текут облака, а меж ними предвесенняя просинь.

Но вот на Ворошиловскую, пять пришел за мной дежурный по резерву:

- Срочно к полковнику.

Начальник резерва вежлив, предупредителен:

- Садитесь, Константин Николаевич.

"Константин Николаевич"! Каким ветром подуло?

Сижу словно на иголках, смотрю - он открывает сейф, достает из его чрева мое личное дело. Оно было в отделе кадров, а теперь почему-то здесь.

Мотяшкин садится рядом.

- Чтобы все было ясно: во-первых, на вас наложен двадцатисуточный домашний арест, о чем помечено в личном деле; во-вторых, кто вам разрешил через голову своих непосредственных начальников обращаться в Ставку?

- В Ставку?..

Не меньше меня удивлен и полковник.

- На вас прибыл персональный вызов. - Иван Артамонович вопросительно приподнял брови.

Я понял - Иван Ефимович! Это он, генерал Петров.

- Приказано откомандировать в распоряжение штаба Третьего Украинского фронта.

Любопытство не давало ему покоя, оно ощущалось в каждом его слове.

...Я богаче всех на свете! При мне проездные документы, куча денег, пакет с личным делом.

Ну, Галина, закатим на прощанье пир! На базаре накупил всякой всячины, иду на окраину, напеваю: "Нас побить, побить хотели. Нас побить пыталися..."

Вот она, калитка, нажмем плечом - сама поддается. Почему-

то заперта наружная дверь дома. Топчусь в нерешительности. Прямо на меня идет дедок с охапкой дров. Увидел меня, обалдел.

- Тащишь?

Дед, опасливо скосив глаза, шаг за шагом отступая, споткнулся, чуть не упал. Я поддержал его.

- Ну?

- Уси тащат, а мне и бог велит...

- Где Галина Сергеевна?

- Ге-ге, под ружьем увели.

- Как это "увели"?

- Шнель, шнель, як казали нимцы.

- Врешь, старый хрыч. Было б время, я бы показал тебе "шнель, шнель"!..

В горвоенкомате начальник первой части спросил:

- Кравцова - ваша жена?

- Нет.

- Может, сестра?

Я молчал. Он приказал дежурному офицеру выяснить все, что меня интересовало. Не успели обменяться с ним несколькими фразами, как вошел дежурный и доложил:

- Галина Сергеевна Кравцова добровольно мобилизовалась на фронтовые медицинские курсы.

...Стою на берегу Кубани. Глинистая вода валом валит в низовье. Напор - плотине не устоять. Слежу за потоком, его силой, неудержимостью. Шумит река, нещадно грызет свои берега. Вот-вот унесет она чернеющую здесь скамейку без спинки, стоящую под дубом, сердцевина которого спалена молнией...

* * *

Пассажирский миновал Тихорецкую. Впереди станция Сосыка. От нее сорок верст до моей станицы. За окнами лежит плодородная кубанская равнина - поле древних и недавних битв. Седые курганы перемежаются свежими солдатскими могилами. На телеграфных столбах следы автоматных очередей - чужих и наших.

К вечеру проехали Батайск, поезд замедлил ход и шел по насыпи. Стемнело. Приближались к Дону.

В годы детства я, бывало, стоял у вагонного окна, затаив дыхание смотрел, как впереди на высоком берегу Дона вырастает большой город с сотнями тысяч огней. Сейчас там ночь, разве мелькнет где синенький огонек путевой стрелки.

Через Дон ползем по временному настилу. Внизу река, слышно, как бьется вода о бетонные быки.

Как ни темна ночь, все же удается разглядеть черные проемы окон, полуразрушенные стены, устрашающе нависшие над Доном.

До Лозовой состав шел довольно сносно. Были, конечно, стоянки, но терпимые. Однако начиная с Ясиноватой все пошло вкривь и вкось, стоянки удлинились, народишка всякого ранга и всякого звания набилось - не продохнуть.

Фронт находился в движении - шло весеннее наступление. Фронтовой отдел кадров я нагнал в хуторе за высоким берегом Южного Буга.

- Вот и отлично! - сказал полковник, начальник отдела кадров, выслушав мой короткий рапорт и приняв от меня специальный, с сургучными печатями, пакет. - Приказ о назначении издавать пока не будем. Последнее слово за командующим Степной армией. Штаб ее между Бугом и Днестром, догоняйте.

...Фронтовые дороги весны 1944 года - бездорожье. Редко на попутном транспорте, а в основном пешочком на запад, на запад.

На пашнях торчат "тигры", "фердинанды"; пушки - от полковых до гаубиц резервных полков, задрав стволы к неуютному небу; шестиствольные минометы, "ванюши", как гигантские сигары, стянутые обручами на концах. И не счесть машин со всей Европы: "опели", "бенцы", "штееры", еще черт знает каких марок.

Здорово драпанули!

Дождевые тучи бегут над степью. В крутоярах гуляют сквозняки.

За Воскресенском стал нащупывать тылы Степной армий.

Вот следы совсем свежих схваток. Ни одно дело на земле не оставляет столько грязи и хлама, как война. Пушки, расколошмаченные прямой наводкой, раздавленные танками, снаряды, ранцы с ободранными надспинниками, продавленные чемоданы с грязным солдатским бельем. Подсумки, патроны и каски, каски... Битое стекло и бумага. Черт возьми, сколько бумаги! Словно ошметки снега запятнали мертвое поле. Канцелярия войны! Будто все эти листы и листочки, прибитые к жирной украинской земле недавним дождем, были путевками на тот свет...

* * *

Штаб Степной армии нагнал в Цебрикове - старинной немецкой колонии с домами, построенными, наверное, еще во времена Екатерины II, когда много чужеземцев селилось на русской земле.

Отдел кадров. Его начальник полковник Поляк принимает меня, надо сказать, без восторга, пожимает плечами:

- Не понимаю! Мы не запрашивали, у нас своих хватает. - Погладил начисто выбритую голову. Помолчав, подумав о чем-то,

спросил: - Нашего командира генерал-полковника Александра Николаевича Гартнова знаете?

- Генерал-полковник много раз упоминался в передачах Совинформбюро!

- Еще бы! Под Харьковом, потом на Днепре гремел. Ну а члена Военного совета Леонида Прокофьевича Бочкарева?

- Бригадного комиссара Бочкарева, начальника политотдела Отдельной Приморской?

- Генерал-майор действительно был в Севастополе, Лично знакомы?

- Я под Севастополем партизанил - общались.

Полковник стал любезнее и наконец-то посмотрел на меня заинтересованно. Достал из ящика талон, протянул мне:

- Идите пообедайте, а я займусь вашим делом.

День апрельский, теплый, солнце временами выглядывает из-за пухлых белых облаков. Неожиданно захлопали зенитки. Высоко-высоко курчавились шапки разрывов.

В столовой чисто. Покормили сытно, дали пачку папирос "Беломор". Богато живут! Покурил на воле и пошел к полковнику. Встретил хлопотливо:

- Ждать заставляете, Константин Николаевич! Пошли к хозяину.

Я машинально осмотрел себя. Все на мне более или менее в аккурате, только вот шинель солдатская.

Часовой пропускает без задержки.

Вхожу в просторную комнату. Моложавый майор приветствует меня, открывает дверь в кабинет командарма.

Навстречу - высокий пожилой генерал:

- Заходи, подполковник.

Он не дает доложить, как положено по уставу, а сразу усаживает напротив себя и, рассматривая меня, подвигает к себе мое личное дело.

- В резерве за что арест наложен?

- За дело, товарищ генерал-полковник.

- Ну-ну. - Он решительно отодвинул папку, поднял голову и с выражением, в котором ничего, кроме жесткости, не было, спросил: - Какую главную трудность испытывал в партизанском лесу?

- Не было точки опоры, товарищ командующий.

- Объясни.

- Не всегда знал, где свои, где чужие. Ни тыла, ни флангов.

Он свел седоватые брови, ребром сильной ладони рубанул по столу.

- Зато у нас все ясно! Впереди - враг, на флангах - соседи, а в

тылу военный трибунал.

- Понял, товарищ генерал-полковник.

- Не спеши. Боевой полк не дам. Назначаю командиром армейского запасного полка. Сложный организм, сразу в руки не дается. Подробности - у начальника штаба генерала Валовича. То, что сейчас скажу, запомни. Боевые дивизии должны получать от тебя маршевые роты в точно назначенный час. Чтобы все были обучены, одеты и обуты, как положено по уставу. Не забудь и другую задачу; дам приказ - и через пять часов обязан выделить из запасного полка боевой и повести его лично туда, куда прикажу. Справишься?.

- Постараюсь, товарищ командующий.

- Встретимся - приеду солдатские песни слушать.

Он проводил меня до порога.

Всего ожидал, только не этого. Запасный полк в десяти километрах от переднего края? А я думал, они, запасные полки, в глубине страны готовят спокойно маршевые роты, а потом пополняют ими боевые части.

- Вас ждет член Военного совета! - доложил майор.

В приемной - скромной комнатенке с географической картой, столиком, на котором два телефонных аппарата, - я остановился. В нос ударил аромат кофе. Предстоящая встреча с бывшим начальником политотдела армии, оборонявшей, Севастополь, не просто встреча с членом Военного совета. На меня как бы надвигалось все, что было связано с севастопольскими боями, переживаниями, страданиями - веем-веем тем, что выпало на нашу долю.

Из кабинета вышел Бочкарев - полный, с улыбкой, которая, однако, не скрывала волнения.

- Неужто Тимаков? В Степной армии ты двадцать первый севастополец!

- Так мало, товарищ генерал?

- Полегли у Инкермана, в Херсонесе, в Карантинной бухте и в походе к вам в горы. Вот так-то, партизан-севастополец. Как узнаю про участника тех боев, ищу встречи. Правдами-неправдами тащу в нашу Степную армию. Вот и про тебя мне Иван Ефимович позвонил... Кофе пьешь? - Разлил по чашечкам, положил в каждую по ломтику лимона. - Пей глоточками.

Пил, но удовольствия не испытывал.

- Ну как? - улыбнулся.

- Не дошло, - признался откровенно.

- Вкус на уровне питекантропа!

Он с непонятным мне наслаждением крохотными глоточками опорожнил чашечку, которая в его больших руках казалась

детской игрушкой. Поставил ее на столик.

- Доволен назначением?

- Да вот думаю... Все как снег на голову. Запасный полк - темный лес. Соображаю - как быть?

- Видите ли, соображает. - Генеральский взгляд стал строг. - Ему приказано командовать полком, а он "соображает".

- Есть принять полк! - сказал я, вставая.

- Сиди, не стой смычком - на другой случай сгодится. В Севастополе твои связные докладывали: в партизанском штабе был порядок - что всем, то и командиру, комиссару. Верно?

- Обстановка требовала.

- Вот это и вспомнилось, когда генерал Петров рекомендовал нам тебя. Здесь другие нормы жизни - много будет дано, но о тех днях не забывай. Генерал поднялся, подошел к окну. - Снова туча с Днестра ползет. - Зашторил окно, щелкнул выключателем - вспыхнул свет. Сел на подоконник. - Ты представляешь, что ждет тебя в запасном?..

* * *

...Дождь при сильном ветре шел до вечера. На ночевку напросился в комнату связных. Любезно предложили свободную койку. Не спится; пережевываю все, чем "напичкал" меня член Военного совета. Четыре часа слушал его, и чем больше узнавал, тем острее чувствовал себя в положении человека, оказавшегося в безвестном поле с дорогой, уходящей в туман.

Мой путь - в районный центр Просулово, куда на днях прибыл штаб запасного полка.

Дорога раскисшая, ветер попутный. Шагаю, земля под ногами - чвак, чвак, чвак... Нечто похожее было в отрочестве: по непролазной кубанской грязи шел в далекий от родной хаты совхоз наниматься в ученики слесаря...

Запасный полк - махина! Оказывается, в каждой боевой армии свой запасный полк. И каких только обязанностей на него не возложено!

Солдаты и сержанты из полевых госпиталей идут не куда-нибудь, а только в запасный полк. Здесь с них снимают накипь госпитальной вольницы и готовят по самой строгой программе к новым сражениям. Но это, может быть, десятая часть того, что требуется от запасных полков. Вместе со своими армиями они обороняются, отступают, наступают. Особенно трудно в наступлении: оно без потерь не бывает. Боевые дивизии требуют пополнения. Откуда его взять? Из тех резервов, которые выискиваются в освобожденных районах. Именно запасные полки занимаются срочной мобилизацией военнообязанных. И тут-то и начинается страда: тех, кто не нюхал еще пороха, обучить

солдатскому делу, а тем, кто позабыл, что такое ратное поле, напомнить о нем. И всех надо обуть, одеть, от каждого принять военную присягу, в точно назначенное время скомплектовать маршевые роты и доставить их туда, куда прикажут. А армия наступает, наступает, входит в глубокий прорыв, далеко отрываясь от своих тылов. Тут-то и держит экзамен запасный полк на оперативность, на умение выходить из положений, из которых, казалось бы, выхода никакого нет.

Раннее весеннее наступление на юге Украины в 1944 году. Рывок Степной армии от Криворожья до Днестра... Размытые и растолоченные дороги, взорванные мосты. В иных крутоярах машина по кузов увязала в топях. Вся фашистская боевая техника осталась в степях Украины - пушки, танки, машины всех марок оккупированной Европы. "А вот наши пушки, танки - с нами, на Днестре, - говорил мне генерал Бочкарев. - А они ведь тоже из металла и не по воздуху летели через всю Украину. Там, где не могли пройти "челябинцы", двухосные "студебеккеры", там все решали солдатские руки. Люди тащили на себе снаряды и пушки даже самых крупных калибров... А как справлялся со своей задачей наш запасный полк? Положим, маршевые роты приходили в точно назначенное время. Но были случаи, когда солдат одевали как попало... Командир полка - твой предшественник полковник Стрижак - докомандовался до того, что пополнял боевые дивизии плохо обученными и необмундированными солдатами. Для него, видите ли, солдатские штаны оказались тяжелее пушек... Батальоны растянулись на десятки километров, штаб, по существу, потерял управление. И каждый батальонный командир, а то и ротный был бог-отец, бог-сын и бог - дух святой... Стрижак отстранен от командования и наказан..." На прощание генерал, пожимая мне руку, сказал: "Иди, Тимаков, командуй. Не руби сплеча, не удивляй лихостью. Немалое предстоит тебе, партизан. Наломаешь дров - найдутся добренькие, простят: мол, что с него возьмешь, напартизанил. А другие пустячную ошибку твою раздуют, раскричатся: "У него партизанские замашки!" Иди, припрет - звони, но не по пустякам"...

Вот и иду, шагаю по вязкому тракту. За обочиной - обглоданные осколками акации. Ветерок жмется к земле, баламутит лужи. Темнеет. Вхожу в хуторок из трех хатенок, стучусь в первую - в окне женщина, разглядывает.

- Свои, тетенька.

- Та куда же вас, господи! И пустого уголоч,ка нет.

- В тесноте, да не в обиде, хозяюшка.

Вхожу - тяжелый, спертый воздух. В темноте раздвигаю

сонные тела, втискиваюсь между ними.

А утром - солнце, много солнца; дорога понемногу подсыхает, но кое-где колеи так глубоки, что бывалые "ЗИСы" кузовами лежат на размокшей земле. Тягачи не в силах стронуть их с места... Ребята в серых шинелях, подоткнутых выше колен, как муравьи, облепили кузов со снарядами: "Раз-два, взяли!" Задний мост поднимается, машина выкатывается на проходимый участок. Молодцы! Гуртом и батька можно бить.

Идут танки-"тридцатьчетверки", прямо по пахоте. Дуют себе на полной скорости, грязь из-под гусениц - до самого неба. В открытых башнях черномазые танкисты, и море им по колено.

Солдаты успели протоптать тропу от столба к столбу. Догоняю группу без оружия, с тощими вещевыми мешками за плечами. Замыкающий, ефрейтор, чернявый, шустрый, увидев на мне погоны старшего офицера, звонко крикнул:

- Брать нога, едренка вошь!

- Пусть идут, как шли.

Подошел к нему.

- Иди, как шла!

- Кто будешь? Кого и куда ведешь?

- Товарищ подполковник! Докладывает ефрейтор Касим Байкеев. - Тычет пальцем себе в грудь, потом указывает на молчаливых солдат: - Я госпиталь, он - госпиталь. Запасный полк идем.

- Значит, попутчики...

Шагаем. Спрашиваю ефрейтора:

- Ранен?

- Никакой рана! Бомба контузий дал.

- Отделением командовал?

- Какой отделений? Командиру полка сапоги чистим-блистим, обед варим, записка носим!

- Где семья?

- Шентала... Хороший баба, мальчик один, мальчик другой... Я повар: салма, беляш, перемечь, катлама. Хорошо делаю... А война плохо - баба нет!

Солдат, что шел рядом, засмеялся:

- Заливаешь, ефрейтор! Кто вчера к хозяйке подсыпался?

Касим гневно:

- Зачем так говоришь? Я ходил скаварода просить, масла просить, тебя, шайтан, кармить! - У ефрейтора раздулись ноздри.

- Он пошутил, - успокаиваю я.

- Дурной шутка!

Мужиковато согнув спины, солдаты удалялись, а я остался на горочке. Мне надо, как прыгуну перед разбегом, набрать полные легкие воздуха.

12

Сверху смотрю на уютный, умостившийся в долине поселок. Посредине высокая кирпичная труба, а под ней обшарпанное здание буквой "п", окруженное бочками.

Чем ближе к поселку, тем острее дух перебродившей виноградной выжимки.

Вышел на прямую улицу и увидел невооруженных мужчин, одетых кто во что горазд. Они кругом сидели на ярко-зеленой травке. В середине старший лейтенант, жестикулируя, что-то рассказывал. Потом зычно скомандовал:

- Во взводные колонны становись!.. Сержанты, строевая!

Четыре взвода: в одном безусые ребята, в других народ постарше. Есть и такие, что в отцы мне сгодятся. Кто они? Ребята, положим, понятно: подросли за годы оккупации. А кто постарше, у кого шаг строевой? Где они были, когда другие дрались под Москвой, отстаивали Сталинград, разбили врага под Курском, форсировали Днепр?

Слыша за спиной громогласные команды, я вышел на площадь, за которой виднелось кирпичное здание с коновязью у высокого крыльца. Штаб полка? Подтянул ремень на гимнастерке, шинель - на все пуговицы и пошел напрямик.

Пожилой солдат держал на коротких поводках дончаков чалой масти. Глаза его уставились на входную дверь, у которой стоял часовой с полуавтоматом. Из здания вышел майор лет сорока, в новеньком кителе, с орденом Красной Звезды. Скользнув по мне серыми глазами, приказал коноводу:

- Степан, лошадей!

Не слишком умело вдев ногу в стремя, он грузно бросил тело в седло. Часовой остановил меня у дверей:

- Вам в резерв, товарищ подполковник? Так он за трубой.

- Мне в штаб запасного полка.

Солдат крикнул:

- Товарищ дежурный!

Вместо дежурного появился подполковник, толстогубый, с

отечными мешочками под глазами.

- Чего расшумелся? - спросил у часового.

- Они в штаб просятся, - тот кивнул на меня.

Сизые, гладко выбритые щеки подполковника - на расстоянии ощущался запах трофейного эрзац-одеколона - дрогнули. Четко сдвинув каблуки сапог довоенного образца, приложив руку к козырьку, не столько растерянно, сколько удивленно спросил:

- Вы?.. Мы же за вами машину послали.

- Разминулись, значит.

- Разрешите представиться: начальник штаба армейского стрелкового запасного полка подполковник Сапрыгин Александр Дементьевич.

Пожатие у него короткое, сильное. Приглашая меня в штаб, на ходу заметил:

- Только что отбыл наш замполит товарищ Рыбаков Леонид Сергеевич.

- Встретимся.

- - Это конечно...

Часовой отдал мне честь, положенную командиру части, - отбросил полуавтомат вправо.

Кабинет начальника штаба скромный: стол с картой-километровкой, три венских стула, два полевых телефона. Я протянул Сапрыгину пакет с приказом о моем назначении. Наступила пауза; казалось, начштаба полка хотел вычитать в приказе то, чего там не было. Я предложил ему папиросу:

- Подымим?

- Это можно.

Сапрыгин плечист, складен, лицом бледен.

- Александр Дементьевич, доложите, пожалуйста, о личном составе полка, его вооружении и о том, о чем найдете необходимым.

Он докладывал не спеша, обдумывая каждую фразу. Чем больше я узнавал, тем больше становилось не по себе. Десять тысяч солдат! Мобилизованных по ходу наступления от Днепра к Днестру, прибывших из фронтовых госпиталей. Это же дивизия!.. Начштаба докладывать докладывал, но, как я успел заметить, пристально следил за тем, какое впечатление производили на меня его слова. Они потрясали, фразы доносились, как прерывистые выстрелы полуавтоматов: бах! бах! бах!.. Что он, хочет удивить или запугивает? Я прервал его:

- Вы давно в полку?

- Со дня основания. Вы пятый комполка.

Странно... Война застоя не любит, ни позиционного, ни служебного. На ней от лейтенанта до полковника порою шаг

короче, чем в мирную службу от одного звания к другому. Но на той же войне бывает и так: этот шаг еще короче от полковника до рядового штрафного подразделения...

- На улицах маршируют взводы полка?

- Так точно.

- Они кое-как обмундированы.

- Тыл отстал. Впрочем, за него отвечает ваш помощник по хозяйственной части майор Вишняковский. Прикажете вызвать?

- Потом разберемся. - Я откровенно потянулся, зевнул. - А сейчас бы баньку, да погорячее. Как насчет этого?

- Сообразим. - Посмотрел на ручные часы. - О, в нашем распоряжении минут сорок - пятьдесят.

Предбанник встретил нас... музыкой. Белобрысый солдат, склонив голову на трофейный аккордеон, шустрыми пальцами перебирая клавиши, наигрывал бравурный марш. Александр Дементьевич улыбался, обнажая зубы до самых десен:

- А ну рвани-ка нашу!

Мы раздевались под штраусовский вальс. Вошли в чистую просторную мойку. Начштаба уселся подальше от меня, - жаль, спину друг другу не придется потереть... Я залез на верхнюю полку, подставил бок под черное отверстие, из которого шел горячий пар. Хорошо! Рубцы на ране смягчаются, по всему телу расплывается приятная теплота...

В предбанник вышли вместе. Сапрыгин острым взглядом скользнул по моей ране:

- Здорово полоснули...

Я посмотрел на белобрысого баяниста:

- Хорошо играешь, парень. Спасибо, иди отдыхай.

Солдат ушел.

- Откомандируйте его в распоряжение замполита, подполковник, - сказал я.

- Будет исполнено!

Мне приготовили комнату недалеко от штаба, в три окошечка, на которые успели повесить казенные занавески. На столе, крытом клеенкой, полевой телефон и зачем-то школьный звоночек.

Только отдышался, как услышал тихий стук.

- Войдите.

- Здравия желаю, товарищ подполковник!

Солдат, поразительно похожий на Урию Гипа, стоял у по рога с подносом.

- Обед?

- Так точно-с.

Чинно положил на стол ложечки, вилочки, салфеточку. Из

ресторанного супника налил тарелку бульона, пододвинул поближе слоеный пирожок. И бульон и бефстроганов - объедение. Да я такого обеда в жизни не едал!

- Специалист!

- Москва. Ресторан "Иртыш". Оттуда-с взят. Что изволите на ужин?

- Что принесете.

Солдат аккуратно собрал посуду и тихо вышел. Всласть покурив, пошел к кровати - устал чертовски. Уснул. Долго ли, коротко ли спал, проснулся и увидел: у порога щерил клыкастый рот пожилой ефрейтор. Глаза его выжидающе глядели на меня.

- Кто вы?

- Ефрейтор Клименко, ездовой при вас, значит!

- Здорово, товарищ ефрейтор. - Я протянул ему руку. У него широкая ладонь, шершавая, мозолистая, - Кто под седлом?

- Конь Нарзан.

- Какой из себя?

- Сами побачите.

Нарзан - рослый, белой масти, с полноватым крупом. Сильные подплечья, венчики стянуты марлей, но копыта чуть раздавшиеся. А в общем, ничего.

- Стой! - крикнул я.

От холки до крупа пробежала дрожь. Лиловые глаза Нарзана уставились на меня.

Подогнал стремена по себе, слегка укоротил поводок, удобно уселся в армейское седло.

- Пошел! - дал шенкеля.

Нарзан с места взял рысью. Отлично шел, стакан воды на вытянутой руке держи - капли не выплеснется. Выскочили на толоку, и тут Нарзан словно хотел выложиться - чуть фуражку ветром не сдуло. Резко рванул поводья на себя - конь застыл. Молодцом, сукин сын!

Оглянулся - Клименко на три коня от меня, улыбается: доволен. Спрашиваю:

- Сами-то из каких краев будете?

- Воронежский хохол. В бригадирах ходыв. А вы?

- На Кубани проживал.

- Богата у вас земля. Мий браток старший у тридцать втором, в голодуху, подався у ваши края. Та помер уже - старый.

- А вам-то сколько годков?

- За пивсотни, а може, и бильше.

- Домой хотите?

- А кто не хоче...

Первый день на новом месте - как первая борозда на

непаханом поле.

Провел ли я ее? Разве узнаешь! Встречи, впечатления. Подполковник Сапрыгин, холящий телеса под штраусовский вальс. И... полк. Какой он? Как охватить его одним взглядом? А как охватывал твой командир полка там, на юге? Из отпуска, бывало, возвратится в самое неожиданное время - и полк по тревоге...

По тревоге?

Еще первый год солдатской службы научил меня подниматься без побудчиков. Приказываю себе: подъем в пять, а сейчас на боковую.

13

Ровно в шесть ноль-ноль с коноводом прискакал в штаб. Навстречу дежурный. Он пытается отдать рапорт, я останавливаю его:

- Из какого батальона? Фамилия?

- Учебного. Лейтенант Платонов.

Я посмотрел на часы.

- Полк поднять до тревоге!

Лейтенант обалдело смотрит на меня.

- Повторить приказ?

- Никак нет, товарищ подполковник!

- Подразделения построить на толоке, поближе к леску. Действуйте, лейтенант.

Платонов срывается с места и бежит в противоположную сторону от штаба. Догадываюсь: в музвзвод за трубачом.

Минут через пять в кальсонах с болтающимися штрипками, с трубой в руке чапал длинноногий солдат, а за ним дежурный по полку с его обмундированием. Слышу голос Платонова:

- Да сигналь же!

И вот над спящим поселком раздается тревожный зов: тата, ти-та-та, та-та, ти-та-та!

И - ни звука в ответ.

Только минуты через три недалеко от штаба, в домике под камышовой крышей, с хрипотцой голос:

- Та чуете же, сопляки, тревога!

В него вплетаются второй, третий голоса. Весь полк приходит в движение, а сигналист, войдя в раж: та-та, ти-та-та, та-та, ти-та-та...

Бежит секундная стрелка, за ней ползет минутная, а еще ни одного офицера в штабе, ни одного подразделения на улице. Только на двенадцатой минуте увидел подполковника Сапрыгина. Набросив на плечи шинель, крупно шагает ко мне, а за его широкой спиной, едва поспевая, с увесистым вещевым мешком за

плечами тот самый повар, которого взяли на военную службу из ресторана "Иртыш".

Начштаба, отдышавшись - от него несло винным перегаром, - встревоженко спросил:

- Фронт прорвали?

- Доброе утро, товарищ подполковник. Тревогу объявил я.

Сапрыгин заморгал белесыми ресницами:

- По какому же поводу?

Взглянув на него, тихо приказал:

- Выполняйте свои обязанности.

Уже через минуту начальник штаба кого-то раздраженно распекал в телефонную трубку.

К штабу шел майор с Красной Звездой на груди. Глядя на меня, приложив к козырьку полусогнутую ладонь, представился:

- Заместитель по политической части майор Рыбаков Леонид Сергеевич.

Я протянул руку. Он, улыбаясь - губы вытянулись трубочкой, запросто сказал:

- Вчера как-то неловко получилось. Приехал поздно, будить не стал.

- Хорошо поспал, спасибо.

Рыбаков засмеялся:

- Да, что там с начштабой стряслось? Понимаете, неделю выпрашивал аккордеониста, а тут на тебе - сам прислал. Вы, говорят, вместе парились...

- Спину друг другу не потерли. А что прислал - это хорошо.

Мы разговаривали, а наши глаза неотрывно наблюдали за тем, что делается в поселке. Кое-какой порядок уже намечался, но к положенному времени еще ни один батальон не был готов к маршу на толоку.

Рыбаков, как бы извиняясь, сказал:

- Полный ералаш, а минуты бегут...

- Пойдемте в штаб.

Замполит первым шагнул к крыльцу.

У полевого телефона бушевал Сапрыгин. Мы прошли дальше. Я спросил замполита:

- Что, начштаба пьет?

- К сожалению, случается. Но много тащит на своих плечах.

За окнами не утихали крики, команды. Левая щека замполита слегка подергивалась. Глухо начал оправдываться:

- Сорок дней марша по непролазной грязи... И чтобы всегда быть под рукой штаба армии. Офицеры полка по три часа в сутки спали, иные просились на передовую...

- Я уже наслышан, Леонид Сергеевич. Бог с тем, что было.

Важно, что есть, а еще важнее, что будет. Идет?

* * *

Одно дело самому стоять в строю, уставясь глазами на того, кто встречает батальоны, роты, взводы. Даже и тогда у тебя, затерявшегося где-то в глубине колонны, пробегают по спине мурашки. И совсем другое, когда на тебя глядят тысячи и тысячи глаз.

Землю под собой не чую, леденеет сердце, но шаг чеканю. Оркестр грянул встречный марш. Шаги сливаются со стуком сердца. Великолепным строевым, прижав пальцы ко швам брюк, приближается начальник штаба. Музыка обрывается под его голос:

- Товарищ подполковник! Вверенный вам отдельный стрелковый армейский запасный полк поднят по тревоге и по вашему приказу построен! - Сапрыгин лицом поворачивается к полку.

Здороваюсь, командую:

- Вольно!

Команда подхватывается офицерами и, как откатывающаяся волна, тонет в пространстве.

На правом фланге - колонна штаба полка.

- Товарищи офицеры! - зычно выкрикивает незнакомый капитан.

Не задерживаясь, одним взглядом охватив строй - успел заметить многих с нашивками о ранениях, - иду к ротам застывшего правофлангового батальона.

Капитан, с чубом, торчащим из-под фуражки, с шальными глазами, лихо вскинув руку к козырьку, рапортует:

- Товарищ подполковник! Учебный батальон в полном составе при боевом вооружении выстроен. Командир батальона капитан Шалагинов!

- Здравствуйте, капитан.

Смотрю в глаза. Взгляд выдерживает.

Солдаты, сержанты и офицеры... Они наблюдают за мной с тем пристальным вниманием, с каким смотрит человек под ружьем на того, от кого всецело зависит его судьба, примеряясь: кто ты, с чем пришел?

Впереди второй роты вытянулся в струнку старший лейтенант - богатырь, глаза голубые, будто слегка выцветшие, брови - как пучки пересушенного сена, губы сочные, по-детски приподнятые в уголках. На широкой груди алеет орден Красного Знамени. Представляется:

- Командир второй роты старший лейтенант Петуханов!

Небольшая припухлость под глазами. Болен или и этот пьет?

- Здравствуйте, старший лейтенант. Как ваши орлы?

- На все сто, товарищ подполковник!

В строю солдаты - рослые как на подбор.

Приглянулась и рота автоматчиков. Здесь все поскромнее - ни роста, ни ширины плеч, взгляды построже. Солдаты напоминали мне партизан-подрывников, умевших подбираться к железнодорожному полотну на самых опасных участках. Их командир, лейтенант Платонов, с нашивками за ранения. Награды ни единой.

- Представлялись?

- Не могу знать, товарищ подполковник. Ранят - в госпиталь. Подлечат на передовую. А там не успеешь оглянуться - опять шандарахнут. Так до запасного полка...

Батальон порадовал. Начштаба, улавливая это, заметил:

- Штаб полка непосредственно занимается подбором личного состава учебного подразделения.

Было ощущение, что шел не я, а на меня надвигалась темная масса колонн, уходящих до самого подлеска. Выстроены? Нет. Сколочены. На флангах колонн - офицеры в кирзовых сапогах, в солдатских гимнастерках. Ко мне шагнул майор, худощавый, с выпуклыми глазами и желтоватым лицом. Вид не бравый, но не придерешься.

- Майор Астахов, командир первого стрелкового батальона! Отрапортовав негромким голосом, он широко шагнул в сторону, как бы открывая поле обзора: смотри, перед тобой все и всё.

Я смотрел: первая рота, вторая, третья, четвертая, пятая, шестая...

- Да сколько же их у вас?

- Одиннадцать.

- Формируете маршевые?

- У нас главное - списки вовремя в штаб представить. - Острый взгляд на Сапрыгина.

- А учеба?

- Тяп-ляп, два прыжка, два скачка, три выстрела боевыми - и, как говорят моряки, товсь!

Сапрыгин с выдержкой:

- Майор Астахов любит в жилетку поплакаться. - Повернувшись ко мне, уточняет: - Для подготовки впервые призванных дается двадцать суток...

- Только формально, - дерзко перебивает Астахов. - Да и какая это, к чертовой матери, учеба! Ни тактического поля, ни стрельбища.

- Но марш закончился, - бросает Сапрыгин. - У вас шанцевый инструмент и сотни солдатских рук. Вот и действуйте. Или

нуждаетесь в няньке?

Обменялись любезностями, пора прекращать. Спрашиваю у Астахова:

- Сколько в батальоне необмундированных?

Он неторопливо расстегнул планшет, достал записную книжку, надел очки и сразу стал похож на сельского учителя.

- Требуется одна тысяча двести шесть комплектов. Заявка дана своевременно.

Астахов вытянул длинную шею, и взгляд его остановился на майоре с пухлыми красными щеками, в новеньком кителе, хромовых сапогах, с орденом Отечественной войны второй степени. Он шагнул ко мне, откашлялся и неожиданно высоким голосом доложил:

- Заместитель по тылу майор Вишняковский!

- Внесите ясность.

- Армейские вещевые склады за Ингульцом, товарищ подполковник.

- А наши?

- В Цебрикове, но в них...

- А вы?

- При штабе.

- Считаете, что здесь, именно здесь ваше самое нужное место?

Щеки хозяйственника еще сильнее покраснели.

...За ротой рота, за батальоном батальон. Подразделения, подразделения... Многие хорошо чеканят шаг. Восемнадцатилетние сбивают строй. Они еще не обмундированы. Вспомнился июнь сорок второго. К нам в партизанский лес однажды сбросили тысячу комплектов солдатской одежды. И, боже мой, как поднялся дух в отрядах! С какой хваткой проникали через заставы и секреты, как здорово лупили фашистов, идущих на штурм Севастополя. А тут - сорок четвертый и...

Рассеивался апрельский дымок, день светлел, Высоко в небе зарокотал мотор. Я посмотрел на Сапрыгина.

- Посты наблюдения за воздухом выставлены, - опередил он мой вопрос.

В начальнике штаба я стал замечать то, что в первую встречу не бросалось в глаза: внутреннюю собранность.

Замполит шел со мной рядом, молчал, но говорили его глаза: а не пора ли кончать?

Я встал лицом к полку:

- Батальоны, по местам!

Комбат учебного, встряхнув чубатой головой, звонко скомандовал:

- Первая р-рота пр-рямо, остальные... нале-оп!

Чеканя шаг, идет взвод за взводом, старательно бьет ступнями о землю, вот-вот толока затрясется. Сам комбат высоко вскидывает ногу, вытягивает носок, словно солист танцевального ансамбля. Рота Платонова шагает несколько грузновато, но по-солдатски слаженно. Батальоны, батальоны...

День прошел в тревожных хлопотах. Слушал доклад начальника штаба, читал бумаги - целые вороха, будто командир полка для того только существует, чтобы с утра до ночи штудировать приказы, распоряжения и прочая, прочая... Принимал начальников служб, подписывал похоронки на убитых на воскресенской переправе - попали под удар немецких пикировщиков... Не покидало беспокойное ожидание того, что вот-вот получу приказ о переброске маршевых рот на передний край.

Не спалось. Я пятый командир полка. Почему? Ведь здесь не убивают... В семнадцать лет я впервые попал в механический цех. Грохот, лязг, скрежет, вращающиеся колеса, гигантские стальные руки то к тебе, то от тебя, сноп искр, люди, люди в защитных очках и засаленных комбинезонах. "Эй, ворон не лови!" - задорный крик, белозубой девчонки, пронесшейся мимо меня на механической тележке с чугунными болванками. Оглушен, ослеплен, ошеломлен...

Сходное состояние испытывал я и сейчас.

Одним словом, попал как кур в ощип... Бежать? Куда? К кому? К командующему: мол, так и так, не сдюжу... Один, не на кого опереться... Стоп! Ты еще ровным счетом ничего не знаешь об офицерах полка. Рыбаков, Сапрыгин, Астахов, Платонов, Шалагинов, Петуханов... Они вели эту громоздкую махину по весенней распутице, пополняли рвущуюся вперед армию маршевыми ротами, недоедали, недосыпали. Ты им пока еще не судья!..

Правильно, не судья. Но командир. Так думай, наблюдай. У тебя свой опыт, у них свой. Объедини все это. Ты здесь новый человек; может, увидишь то, что они перестали замечать в силу привычки, в силу той обстановки, в которой оказались...

14

Разбудил телефон. Сапрыгин докладывал:

- Приказано в двенадцать ноль-ноль отправить три "ящика", - Готовы?

После небольшой паузы:

- Будут готовы.

- В назначенное время "ящики" на толоку! Туда же офицерский и старшинский состав всего полка.

* * *

Петуханов сегодня на коне. Дежурит по полку, подтянут, а посадка хоть на пьедестал. Нет-нет да и поглядываю на него. Красив мужик.

Нарзан идет рысью по утоптанной дороге. Маршевые роты и офицеры полка выстроены друг против друга. Нас заметили, и сизый табачный дымок над поляной стал рассеиваться, ряды смыкались под негромкие команды.

Клименко увел лошадей в укрытие. Петуханов докладывает:

- Мишени, лопатки, два чучела для штыкового боя. Все приготовлено, товарищ подполковник.

Этот большой, сильный мужчина сейчас напоминал ребенка, который собрал свои игрушки и теперь радуется не нарадуется. Спрашиваю:

- Начштаба приказал?

- Личная инициатива!

Стоят роты, напротив офицеры, а между ними я и мои помощники: Сапрыгин, замполит Рыбаков, внешне спокойный, но в глазах тревожная настороженность; майор Вишняковский в поношенной гимнастерке, в синих галифе, без ордена, с животом, туго стянутым широким армейским ремнем.

С первого взгляда на три плотные колонны заметил: часть солдат в приличных гимнастерках, хотя и в той же обувке, в какой выходили по тревоге. Ровнее, чем вчера, держат строй.

Сапрыгин, показывая на часы, настойчиво шепчет:

- Отправка задерживается.

Рука Рыбакова скользит по портупее вверх-вниз, вверх-вниз. Не может скрыть нетерпения.

Не торопясь обхожу роты, становлюсь так, чтобы все меня видели.

- Кто из госпиталей? Построиться на левом фланге!

Суматоха - и более восьмидесяти солдат образовали отдельную колонну. Подошел к ним:

- Недолеченные есть?

- У меня грыжа...

- Я подхрамываю...

Пятерых солдат увел на осмотр полковой врач.

Нажимаю на голос так, чтобы всем было слышно:

- У кого трое и больше детей?

- Пятерых ращу! - ответ издалека.

Легкий смешок вспорхнул над строем.

- Выходи, отец.

Щупленький солдат выскочил из строя:

- Тамбовский я... Бабы нашенские рожалые. Младшему годок

будет.

- А чего такой веселый?

- Живинка у середке, - ответил шустро и подморгнул.

- Встань в сторонку, отец...

Многодетные отцы выходили из строя. Набралось до отделения.

- Танкисты, командиры зенитных орудий, стрелки-радисты - в отдельный строй!

Голос из редеющей колонны:

- Почему запрещают возвращаться в часть, в которой служил до ранения?

- Кто запрещает? Выйти всем, кто хочет вернуться в свои части!

"Возвращенцев" набралось больше взвода.

Роты таяли на глазах. В сомкнувшемся строю остались одни парнишки. Им по восемнадцать-девятнадцать. Что они умеют? Стрелять, перебегать боевое поле, ползать по нему, встречать танки, скрываться от минометного шквала? Приказываю дежурному по полку Петуханову:

- Левофланговое отделение строя на линию огня!

- Есть!.. Слушай мою команду: отделение, на стрельбище шагом марш!

Солнце выползало из-за леса, краешком глядя на только что расставленные мишени. Застыли ребячьи глаза, винтовки прижаты к плечам. Петуханов зычно:

- Лежа, прицел четыре, заряжай!

Полуобороты - и на землю. Острые локотки выдавливают на сырой пашне луночки. Петуханов докладывает:

- Товарищ подполковник, отделение к выполнению первой стрелковой задачи готово!

- Трубач, сигналь!

Над затихшим полигоном рвется звонко: внимание!

- Огонь!

Нестройные выстрелы, отдававшие в хрупкие ключицы юнцов.

- Отбой!

Еще раз прозвучал сигнал "внимание!". И снова пули летели за молоком.

- Может, не пристреляны?

Беру у правофлангового винтовку, целюсь. Почему-то дрожит мушка. Палец не дотягивается до спускового крючка...

И тихо-тихо - все ждут.

После выстрела поднимаюсь, как водолаз, который пробыл на дне десятки минут, так и не обнаружив предмет, видный

невооруженным глазом с палубы корабля. Моя первая ошибка - винтовка в еще неокрепших руках.

Сапрыгин, взяв ее, прищурившись, осмотрел мушку. Прицелился стоя и все три пули всадил в девятку.

Оступился, из-под ног полетел камень - еще не обвал. Надо остановиться, оглядеться. А я пошел, пошел закусив удила, Услышал шепот замполита:

- Так у него же тяжелое ранение.

- Отделение, ко мне! - Я входил в раж. Теперь уж никакого внутреннего торможения, - как говорят, пошел-поехал...

Солдаты окапываются.

- Танки справа.

Тот уткнул голову в рыхлую землю, другой распластался, почему-то раскинув ноги, а этот подхватился и побежал. Ему вслед: "Ты убит!" - а он бежит, бежит...

Дальше тридцати метров никто не бросил гранату-болванку.

- Дежурный, боевую гранату!.. Внимание! Ложись! - командую, выдергивая чеку. - Раз, два, три, четыре! - Бросаю.

Граната взрывается в сорока метрах. Подбегает замполит:

- Вы с ума сошли!

- Отойдите. Встать!.. На Халхин-Голе, как известно, из ста гранат, брошенных японцами, шестьдесят вышвыривали обратно. Шестьдесят! Граната взрывается через шесть секунд. Запомните: через шесть секунд!

Сапрыгин негромко, но настойчиво:

- Роты не выйдут через час, приказ будет сорван.

- Роты скомплектуем новые. Срок - сутки. Всех по подразделениям. Посмотрел на коновода: - Лошадей, ефрейтор!..

Лежу на кровати в сапогах, уставившись в потолок. Вошел Клименко, невесело потоптался у порога.

- Ты чего?

- Поисты треба.

- Тащи.

Хлеб домашний, с хрустящей корочкой, а молоко пахнет свежей травой. Клименко не спускает с меня глаз.

- Жалеешь?

- Злякались, та бог миловав...

Ожил телефон. Сапрыгин упорствует:

- Приказано "ящики" отправить немедленно. Разрешите?

Иду в штаб. Вся тройка здесь: начштаба за столом, замполит у окна, а хозяйственник Вишняковский у самой двери. Сапрыгин, уступая мне место, докладывает:

- Больные, многодетные, специалисты заменены другими.

- А парнишки?

- Время... - Он разводит руками.

Замполит примирительно:

- Офицерский состав полка достойный урок получил. На роты должны уйти. Они у нас всегда уходили вовремя.

- Да, надо вовремя. Только роты маршевые не готовы к бою. Так или нет?

- Не понимаю, чего вы добиваетесь? - с раздражением спросил Рыбаков.

- Того, чего от нас ждут... Леонид Сергеевич, и вы, майор Вишняковский, останьтесь.

Сапрыгин сердито вышел.

- Садитесь, товарищ майор, - пригласил я Вишняковского, Тот примостился на краешке табуретки.

- Прежде чем снимут меня с полка, я успею отправить вас на передовую. Вы меня поняли?

Краска схлынула с лица майора.

- Или...

Вишняковский вскочил. Усаживать не стал.

- Или немедленно выполните приказ: из тыла доставите триста комплектов обмундирования - раз! Выпросите у армейских транспортников десять трехтонных машин, крытых брезентом, - два! Ясно? Срок - сутки! Идите!

Вишняковский не вышел, а выплыл, как рыба, оглушенная взрывом.

Замполит недоумевал:

- На что надеетесь?

- На то, что будем точно выполнять требования Военного совета армии. На опыт офицеров, полка, наконец...

- Мне нравится такая уверенность. Получается: одним махом семерых побивахом.

- Не каждый же день гранаты швырять...

- Дай-то бог!..

- Срочно формируем новые роты! За мной первый батальон, за вами второй. Начальника штаба пошлем в третий. Срок - двенадцать часов.

Маршевые роты, одетые по форме, из бывалых солдат, прибыли на машинах к месту назначения с опозданием на восемь часов.

15

Меня и замполита вызвали в штаб армии.

Идем стремя в стремя. Леонид Сергеевич спрашивает:

- А вы знаете, что машины Вишняковский достал со стороны и за это отдал бочонок спирта?

- Это по вашей части. Привлекайте.

- Так всю партийную организацию разгонишь!

Коснулись друг друга коленями. Вино, спирт... Значит, без них не обошлось... В хорошее дело опрокинули бочку дегтя.

- Ну и сволота! - вырвалось у меня.

- О ком это вы?

Молчу.

- Разрешите дать вам совет: сдерживайтесь, пожалуйста.

- Учите??

- Делюсь опытом. Как-никак я старше вас лет на десять.

- Разве только числом прожитых лет определяется опыт?

- Но и годы со счетов не сбросишь. С ними приходят удачи и неудачи. Если хочешь - и ошибки, но пережитые и, главное, понятые.

- Как говорят, намек вдомек.

Дорога сузилась, замполит поотстал. Скоро кончилась лесная полоса, и мы вышли на проселок, снова поравнялись.

- Я хотел сказать, что в запасном полку как-никак не первый год. Рыбаков натянул повод.

- Значит, привыкли отправлять людей чохом?

- Пришел, увидел, победил! - На щеках замполита выступил румянец.

- А я одного хочу - посылать в бой настоящих солдат.

Рыбаков промолчал, достал кисет, вышитый шелком, протянул мне:

- Давай покурим...

Табак у него душистый, с первой же затяжки напомнивший мне дюбек, что растет на южной стороне Крымских гор.

- Хорош, - сказал я.

- Земляки прислали.

- Издалека?

- Урал-батюшка. Прадед мой, дед, батя - металлурги. Сталь варили. И я с батей подручным. Потом учился, в инженеры выскочил. Вызвали в обком - и на партийную работу. Ни опыта, ни особых знаний... И сам дров наломал, и меня ломали... Всю жизнь жалею, что не в цеху остался!

- Тебе повезло: батя, цех. А я вот безотцовщина; чужая станица, нас презрительно чужаками звали... Появишься один на улице - ребра пересчитают. Мы ходили ватагой, сдачи давали - кровь из носу. А кто такие шибай, знаешь?

- Торгаши?

- Похуже. То ли турки, то ли персы приходили в нашу станицу, скупали овец. Мать отдавала меня в пастухи к ним. Как наберется голов пятьсот белый свет померкнет. Овцы из разных куреней и все норовят в свой баз. Гоняешься, гоняешься за ними

по степи, а потом плюнешь на все, залезешь на скирду и орешь во все горло: а-а-а-а-аа! Баранта моя на посевах. А мне порка.

- Обозлился?

- Нет, но и в добреньких не хожу... Леонид Сергеевич, только откровенно: почему часть осталась без командира? За что сняли моего предшественника полковника Стрижака?

- Он офицер кадровый... Стал на полк - порядок навел, без рывков действовал. И какой командный состав подобрал! Астахов, Шалагинов, Платонов, Петуханов, Чернов... Да разве всех перечислишь! Дела шли неплохо, маршевые роты сдавали в срок, нам троим - Стрижаку, Сапрыгину и мне - по ордену дали. Но когда все идет ладно, частенько срываются те, у кого слабинка... Стрижак и выпить не дурак, да и на женский пол падкий. Начались у него срывы, но такие, что в глаза не бросаются... Я лишь догадывался о них, хотел было пресечь... А тут началось наступление, фронт наш пошел, да так разогнался... Когда с рассвета дотемна на марше, когда на тебе тысяча обязанностей... За два месяца ни разу не выспался. Такие были дела... Рыбаков помолчал, а потом как бы про себя: - С ходу на строгий выговор и наскочил. Да бог с ним, с выговором" а вот как смотреть в глаза Георгия Карповича!

- А это еще кто?

- Как кто? Начальник политотдела нашей армии.

- А, полковник Линев...

- Мой однокашник, инженер-металлург. Мы с ним один институт кончали. И на партийную работу нас в одно и то же время взяли.

- Что же это ты на полку застрял?

- Кого куда. Его в боевые комиссары полка, а меня - на формирование. Я выскребаю воронежские военкоматы - набираю пополнения в полки, а он под Кременчугом немецкие танки бьет.

- Так-таки сам и бьет? Прямой наводкой?

- В точку попал: именно прямой. Полк, считай, разбили в неравном бою. Уцелели две пушки да горстка бойцов. А танки прут. Так вот, здесь Линев принял на себя командование. Да и сам стал за пушку, танк подбил...

После недлительного молчания я спросил:

- А зачем вам на полк нужен варяг? Сапрыгин чем не комполка?

- Высоты в нем нет, - с сожалением ответил замполит.

- Есть или нет - не знаю, а то, что всех вас под себя подмял, заметно.

- Ерунда! Это ты начинаешь с того, что с первого шага всех с ног валишь.

Остановили коней.

- Правильно я тебя понял: едешь в штаб армии с готовым мнением обо мне?

- Запасный полк нуждается в другом командире. Ноша не по тебе.

- Десятую часть той ноши, которую мы несли там, под Севастополем, на тебя бы и на твоего Стрижака... Ночи, говоришь, не спал, а брюшко-то откуда?.

Рыбаков побледнел, рванул повод, но я успел ухватиться за уздечку и потянул коня с седоком к себе.

- Извини, пожалуйста, это я сдуру.

- И заносит же тебя...

- Ну прости! Давай эту глупость раскурим. Ну?! - вытащил портсигар.

Рыбаков молча выкурил папироску до мундштука, потом повернулся ко мне:

- Трудно будет мне. С тобой... мне.

- А ты дави на все тормоза - не обижусь.

- Разве сразу затормозишь машину на полном ходу!

Едем молча. Я отпустил поводок - Нарзан тряхнул головой и пошел с дончаком шаг в шаг.

Поднялись на пригорок. Отсюда Малоешты казались большим вытянувшимся садом. Лишь приглядевшись, можно было увидеть крыши с дымарями из красного кирпича.

Мне влево, замполиту вправо - разъехались.

Начальник штаба армии генерал Валович занимал небольшую молдавскую хатенку в четыре окна, с крылечком и палисадником, в котором споро шли в рост мальвы.

- Заходи, герой. - Генерал поднял голову, бросил на меня молниеносный взгляд и снова уткнулся в бумаги.

Стоя навытяжку, жду, что скажет дальше мое непосредственное начальство. Оно немолодое, бритоголовое, молчит, будто меня здесь нет. Пишет, гладит голову, хмыкает, тянется к телефонной трубке:

- Ты, Иван Иванович?.. Источник информации? Из опроса жителей, значит? А где твои глаза? Через сутки перепроверенные данные ко мне на стол! Трубка кладется с силой. - Стоишь?

- Стою.

- Ну и стой.

По комнате ровно льется теплый свет, на спинке безукоризненно заправленной никелированной кровати играют два солнечных зайчика. Стены пересинены, кажутся декоративными. На подоконниках герань цветет. Два стола. Еще тумба с телефонами.

Генеральская рука водит карандашом по полукругу, легшему красной извивающейся линией на оперативную карту. Догадываюсь - плацдарм за Днестром. Генерал перехватывает мой взгляд:

- Чего глаза пялишь? Ты что это из-под носа автобазы машины уводишь? Партизанщина! Тревога, понимаешь, и всякие фокусы с гранатой. Сядь.

Сел, а генерал поднялся. Я за ним.

- Да сиди же... Докладывай. Я похожу - спина болит.

Выручил солдатский опыт: не исповедуйся, говори по существу и жди, что прикажут. Генерал остановился возле меня.

- Порассуждаем, подполковник. Положим, тебя назначают на боевой полк. Ты пришел, не успел пожать руку помощникам, как приказ: взять высоту, что торчит над позицией. Не знаешь ни людей, ни обстановки. Что будешь делать?

- Атаковать.

- Атакуешь, теряешь людей, а высота не твоя - приказ не выполнен. Как изволишь поступить с тобой?

- Снять с полка и отдать под суд.

- Верно. Так почему же ты, не успев показаться в запасном полку, нарушаешь мой приказ: маршевые роты доставляешь с опозданием? И как! На чужих машинах. Как с тобой поступить?

- Наказать.

- А почему не под суд?

- Жертв не было.

Генерал, поджимая бледноватые губы, шагал из угла в угол. Резко повернулся:

- Сам себе придумай наказание.

- Строгий выговор.

- А в полку оставить?

- Завелся, товарищ генерал...

Валович ухмыльнулся:

- Не было печали - заводного обрели. Так вот: за несвоевременное выполнение приказа, за автопарк и прочее получай строгача. Теперь подойди к карте. - Генерал карандашом обвел выступ за Днестром. - Кицканский плацдарм. Тут наши, дивизия на правом фланге, за болотом. А тут, - палец генерала приблизился к синему кружку, - противник скапливает силы. Короче: требуется двенадцать маршевых рот. И таких...

- Ясно, товарищ генерал!

- Не перебивай! Срок - неделя. И чтобы без фокусов. Экзамен на командование полком. Заруби на носу.

Зазвонил телефон.

- Ты, Георгий Карпович? Здоров... У меня... собственной

персоной... Хорошо, хорошо! - Положил трубку. - Иди в политотдел, получишь по партийной линии, герой...

Полковник Георгий Карпович Линев встретил меня у порога:

- Здравствуйте, здравствуйте, подполковник. - Его сильные руки ощупали мои бока. - Рыбаков, одни костяшки у человека. Подкорми!

- Постараемся, Георгий Карпович.

- Только смотри не перекачай, как своего Стрижака. А то ведь человек в седло забраться не мог. Впрочем, довольно о нем. - Лукавые смешинки из полковничьих глаз будто ученической резинкой стерли. Он уселся за дощатый стол. - Сколько в полку коммунистов? - спросил меня.

- Не успел узнать, товарищ полковник.

- Обязаны были с этого начинать, а не с гранатой в руке красоваться. Вы единоначальник, с вас главный спрос. - Посмотрел на Рыбакова. - Вы коммунисты. А что у вас делается? Да знаете ли вы свой полк? Ты, товарищ Рыбаков, - погрозил пальцем, - с тебя мало взыскали, но за этим дело не станет. Случаи пьянства искоренить, чтобы и духу не было. Армия становится на плотную и длительную оборону. Так сделайте же полк полком! Военный совет армии знает, сколько коммунистов в каждой боевой роте. В каждой! Перетрясите комполитсостав. Кто засиделся, забыл, где находится, - в армейский резерв. Там разберутся, кого куда. Коммунистов - по ротам. С полка глаз спускать не будем. И вы, комполка, не теряйтесь и номера там всякие не выкидывайте. На молодость ничего не спишем. Наведаюсь к вам. Всё, друзья.

16

У подполковника Сапрыгина длинные уши. Мы не успели появиться в штабе полка, а он уже развил бурную деятельность: взвод писарей срочно составлял списки маршевых рот. Встречает докладом:

- Товарищ подполковник, мой предварительный расчет: с каждого батальона по две роты, а с учебного три...

- Учебный не трогайте, Александр Дементьевич.

- Я понял вас!

Мы расположились в комнатенке начштаба. Я закурил, за мной задымил Рыбаков. Сапрыгин, кашлянув, спросил:

- Разрешите освободить шею, жарко.

- Что вы, Александр Дементьевич, мы же ваши гости!

Он расстегнул два верхних крючка на кителе, по-хозяйски умостился на венском стуле, улыбнулся:

- Беда, вашего заместителя по хозчасти Вишняковского найти не можем. Словно сквозь землю провалился.

- А склады?

- На месте, да что толку! От силы роту оденем, а одиннадцать маршевых...

- Поступим так... - сказал я. - У вас, Александр Дементьевич, и у тебя, Леонид Сергеевич, опыт. Вам и формировать роты. И напоминаю: шестые сутки - день нашей проверки по стрельбе и тактике.

- И тут же присяга, - подсказывает Рыбаков.

- Само собой разумеется. А я на этот раз возьму на себя обязаности интенданта. Александр Дементьевич, во что бы то ни стало разыщите Вишняковского и пришлите ко мне...

* * *

Ординарец Сапрыгина, что из ресторана "Иртыш", бефстроганов больше мне не носит. Клименко - и коновод, и повар, и связной. Повар, правда, из него как из меня псаломщик. В меню галушки размером с кулак. Клейкие, скользкие: зажмешь меж пальцев - со свистом летят. Десяток проглотишь - в глазах потемнеет. Глотаю, а Клименко переминается с ноги на ногу.

- Вот что, старина, пойди в приемно-распределительный батальон и разыщи ефрейтора Касима Байкеева.

- Ась?

- Запиши: ефрейтор Касим Байкеев.

- Та запишу. - Из кармана достает огрызок карандаша, слюнит его - на губах остаются две лиловые полоски, - пишет на листке из ученической тетради: "Касим Байкий".

Я прилег, задремал. Сквозь дрему услышал робкий стук.

- Заходите.

Вишняковский; вид убитый.

- Прошу отправить меня в армейский резерв...

- В отставку?

- Так точно...

- Не выйдет, майор.

- Двенадцать рот не одену.

- Через пять дней доложите о том, что полторы тысячи комплектов солдатского обмундирования лежат на полковом складе. Не сделаете - резервом не обойдетесь. Работали в Одессе?

- Заведующим обувным магазином.

- Как торговали?

- На доске Почета бывал...

- Почетную доску не обещаю. У вас сын, Валерий Осипович?

- Шестнадцать годков, товарищ подполковник. В Самарканде сейчас.

- Вы отец. Вы должны понять, все понять!

Вишняковский как-то по-домашнему спросил:

- Мне присесть?

- Садитесь, Валерий Осипович.

Сидел он на краешке стула, пальцы по-стариковски лежали на округлых коленях.

- Так почему не оденете? Тылы же армейские подтянулись.

- Идут эшелонами, но расхватывают все доставленное в момент.

- А вы ждете, пока вам на блюдечке преподнесут?

- Нахальства не хватает, да и запасному полку в последнюю очередь...

- Запомните, товарищ майор, тот бочонок спирта и бут вина я прощаю, но если повторится нечто подобное - под суд. Идите к армейским интендантам, кровь из носа, но все, что положено солдату, дайте. Отправили бы вы своего сына на смертный бой разутым и раздетым? Между прочим, китель на вас, брюки, сапожки - картинку рисуй!.. Вы меня поняли?

- Понял, - убитым голосом сказал Вишняковский и тихо прикрыл за собой дверь.

Не справится. Надо подключить тяжелую артиллерию. Иду в штаб, связываюсь с членом Военного совета армии.

- Ты, Тимаков? - голос генерала Бочкарева. - Как там еще у тебя? Гранаты перестал кидать?.. Слава богу!.. Замполит - помощник?

- Сработаемся, товарищ генерал.

- Уже легче. Так, что тебе нужно?

- Полк раздет и разут. Армейские интенданты снабжают нас в последнюю очередь. Я не выпущу ни одного солдата без положенного обмундирования.

- Меня в интенданты просишь, что ли?

- Помощи прошу, товарищ генерал.

- Ладно. - Он положил трубку.

На другой же день к нам прибыл начальник отдела вещевого снабжения армии полковник Роненсон, рыжий, длинный как коломенская верста. Глаза косят.

- Ты знаешь, кто такой майор Вишняковский? - спросил меня. - Нет, ты не знаешь!

Исподлобья смотрю на тыловое начальство.

- Да, да, Вишняковского любой комполка... Ты знаешь, за что он получил орден? Думаешь?

- Я думаю о гимнастерках и солдатских кальсонах со штрипками. Гарантируете?

- На войне гарантируют одно - подчинение младшего старшему.

- Только потому и имею честь лицезреть вас у себя в полку!..

Благодарю за это генерала Бочкарева.

- Э, а мне говорили, что в Крыму веселый народ. - Шея полковника побагровела, рыжие ресницы часто заморгали. Однако нервы у него крепкие. Улыбнулся: - В германскую воину я делил селедки. И, понимаешь, никто не хотел хвосты. Так они оставались у меня. И кормил господ офицеров свежим мясом, поил смирновской водкой. Ты же кумекаешь: мужик любил селедочные хвосты.

- Это что, притча о спирте и вине?

Роненсон тяжело вздохнул.

- На этот раз обойдемся без селедочных хвостов. И заметь, у полковника Роненсона пять тысяч дел и еще одно. Роненсон у тебя, - значит, будут кальсоны со штрипками!

* * *

Полк одевался и обувался.

Весна поднимает небо. Оно голубеет, голубеет, и солнце медленно плывет над кудрявыми холмами. От Просулова во все стороны разбегаются молодеющие лесные полоски, оберегая черные дороги от палящих лучей.

На западе темнеет туча, четко отделенная от неба, никакой опасности пока не предвещая.

Маршевые роты получают сухой паек. Солдаты сбились кучами, курят. Парнишки в новеньких гимнастерках, в обмотках, которые то и дело разматываются. Младшие командиры, незлобно поругиваясь, учат солдат азбуке.

С Леонидом Сергеевичем лежим на травке. Я держу на вытянутой ладони божью коровку и все хочу, чтобы она добралась до кончика пальца. Так нет, проклятущая, ползет в противоположную сторону.

- Дай-ка мне, - замполит протянул руку. Он сел, подобрав под себя ноги по-турецки, стал причитать: - Божья коровка, полети на небо. Там твои детки кушают котлетки.

Полетела.

- Счастливый!

Он доволен.

- А ведь польет. - Смотрю на запад.

- Не думаю.

- Я знаю такие тучи. Стоят-стоят, а потом захватят все небо - и как сыпанет! Эх, нет плащ-палаток...

- Тебе все мало, мало!..

...Двенадцать колонн по сто солдат в каждой, по одному офицеру меж ними, а я и замполит впереди.

Туча надвигается, уж охватила полнеба; ветер, налетевший сбоку, бросил в лицо тугие пригоршни дождя.

- Раскатать шинели!

Шаг не сбавляю. Дождь разыгрывается, ноги вязнут в земле.

- Привал! Пали махру!

Иду вдоль колонн, слышу тяжелое дыхание. Устали, но больше пяти минут отдыха не дам. Надо на рассвете быть у переправы.

- Шагом арш!

Замполит пыхтит, как перегретый самовар. Видать не ходок, да и жирка многовато.

- Запорем ребят, - умоляет он.

- Злее будут.

Мне, горному ходоку, шагать по равнине все одно что телеге с хорошо смазанными колесами катить по наезженной дороге.

Вышли на асфальт. Дождь перестал. Повеселели.

Замполит прихрамывает.

- Ногу натер, что ли? Давай назад и садись на коня. Проследи за отстающими, подгони...

Скоро рассвет.

- Шире шаг! - И у меня перехватывает дыхание Но как учили в горном полку: два шага - вдох, четыре - выдох.

Стремительной лентой блеснул Днестр. За ним в светлеющее небо взлетели ракеты и медленно-медленно падали. С фланга татакал пулемет. Я застыл фронт. Вот он!

Увидел темную полоску переправы. За ней купол монастырской церкви. Гудели в отдалении машины, медленно втягиваясь в лесную чащобу. Вдруг затрясся воздух: со свистом пролетели снаряды, а через секунду-другую за рекой поднялись столбы черной земли.

Вдоль реки тянулась лесная полоска.

- Сопровождающие, ко мне!

Колонну разделил на три части и приказал рассредоточиться.

С Рыбаковым - он догнал нас - спустились к переправе; нашел коменданта - подполковника, оглядывавшего небо.

- Пропустишь нас? Двенадцать рот.

И вдруг крик:

- Воздух!

Бежим к ротам. Часто захлопали зенитки. Заметил девятку пикировщиков. Они шли на солнце.

- Ложись, Леня!

Рыбаков плюхнулся в лужу.

- Давай ко мне! - кричу ему.

Он поднялся. Лицо белее полотна. Я подбежал, с силой потянул за собой. Мы легли на межу, отделявшую виноградник от прошлогоднего чернобыльника. Самолеты были над нами, из них

вываливались бомбы. От бомбового удара сотрясался берег, но зенитные орудия участили стрельбу. В промежутках между взрывами я слышал "ура". Горящий самолет рухнул в Днестр. Стрельба оборвалась, только приторный запашок тола напоминал о коротком воздушном налете.

Я поднял колонны и бегом бросил к переправе. Солдаты бежали мимо матерившегося коменданта, просачиваясь менаду машинами, скапливаясь на том берегу. В лесу выстраивались роты. Недоставало девяти человек. Но посланный офицер привел всех живыми и целыми.

Леонид Сергеевич молчал. Губы его заметно подрагивали.

- Впервые, что ли?

- Нехорошо как-то получилось.

- Не кайся, не такое бывает. - Я понимал: ему тяжело. - Леня, ты посмотри вправо.

Целая полоса леса была выбита немецкими бомбами.

Я не стал задерживать Рыбакова, отпустил в полк. Уехал он с поникшей головой. Напрасно.

Пополнение принимал рослый генерал Епифанов. Он вглядывался чуть ли не в каждого солдата.

- Ты, Гаврилюк? Ба, кого вижу! Здоров, Тахтамышев! - Генерал повернулся ко мне: - Откуда моих хлопцев набрали?

- Сами напросились.

- Уважили. А то обкатаешь солдата, обстреляешь, а как попадет в госпиталь - пиши пропало. А вы уважили - хлопцы на подбор!

В генеральской землянке уютно: ковры, кровать с периной, электричество. Генерал рассмеялся:

- Натаскали, сукины сыны! Как у солдата? Хоть день, да мой...

Вошел молоденький лейтенант:

- На проводе генерал Валович.

Епифанов взял трубку:

- Седьмой слушает... Получил. И, скажу тебе, порадовал... Не учи, не учи - сберегу. Передаю. - Он протянул мне трубку: - Требуют вашу милость.

Голос Валовича был деловым:

- Загляни ко мне. Жду в двенадцать ноль-ноль.

Штаб армии находился в старинном молдавском селе. Белые хаты, крыши под камышом, местами под дранкой, окна с наличниками, стены снаружи, как и внутри, пересиненные.

Генерал пожал руку и без церемоний заявил:

- Остаешься в полку. А теперь слушай повнимательнее. Простоим в обороне долго, сколько - не знаю, но долго. Армии нужны грамотные младшие командиры. Много нужно. Когда

сможете дать?

- Через два месяца, товарищ генерал.

- За три месяца лейтенантов готовят. Полтора, не больше. Учти, сам командарм будет принимать!..

17

Я с ненавистью смотрел на трубу, торчавшую над поселком, на ряды бочек с выжимкой, тянувшиеся вдоль длинной стены винодельческого завода. Бочки убывали - их крали: из выжимки гнали самогон. Представитель Винтреста, которому принадлежал завод, старался встретиться со мной не менее двух раз в день: утром, когда просыпался полк, и вечером, когда над поселком лихо перекликались солдатские гармони. Он пытался доказывать очевидное: что сырье для производства винного спирта растаскивается, что из подвалов исчезают бочки с уксусом. Мне очень хотелось убрать из поселка батальон Краснова. Но куда? Где найдешь более удобное место для подразделения с таким громоздким хозяйством: банями, дезинфекционными камерами, вещевыми складами?

Я, Рыбаков и Сапрыгин подыскивали поле для тактических занятий. Молодой лесок, который раскинулся за толокой, от майского тепла забуйствовал, и под его кронами можно спрятать целый батальон. Чуть поодаль, за оврагом, еще лесок. Чем не лагерь?

- Ну что, товарищи офицеры, поднимем полк на летнюю стоянку?

Сапрыгин даже головой замотал:

- Никак нельзя. Ни воды, ни света...

- Сколько же вы, Александр Дементьевич, в армии прослужили?

- Двадцать с хвостиком, Константин Николаевич.

- И всегда над вами электрический свет полыхал и в кранах вода журчала?

- А разве это предосудительно?

- Я совсем о другом. - Посмотрел на кирпичную трубу, торчавшую над поселком. - Мой комполка в мирные дни поднимал полк по тревоге и после сорокакилометрового броска приказывал разбить лагерь. Строили его - ладони в кровавых мозолях. А потом жили - не тужили, из растяп солдат делали. И воздух был над нами чист. - Я посмотрел на часы. - К шестнадцати ноль-ноль прошу собрать офицерский состав полка. А пока, - я натянул повод, - на рекогносцировку!

Весна! Да неужто передо мной те же офицеры, что были на толоке? Белые подворотнички, отутюженные брюки, сапожки надраены - хоть смотрись в них, как в зеркало.

Расселись в учительской, ждут, что скажет начальство.

Не успел я и рта раскрыть, как вошел старший лейтенант Петуханов, посмотрел на часы.

- Прошу прощения, товарищ подполковник. Опоздал на четыре минуты, ровно на четыре...

Он стоял по всем правилам, только в глазах предательский блеск.

- Вы пьяны?

- Никак нет! У меня, так сказать, день ангела...

- Выйдите, старший лейтенант.

- А меня гнать не надо. Мне сам генерал Толбухин орден вручал...

- Дежурный по полку, попросите старшего лейтенанта Петуханова удалиться, - приказал я, сдерживая себя.

- Сам уйду, чего уж. - Поворот кругом, слегка наклон вправо - и с силой хлопнула дверь.

Нависла неловкая тишина.

- Комбат Шалагинов!

- Есть Шалагинов! - Шагнул ко мне, откинув непокорный чуб, который тут же улегся на прежнее место.

- Давно стриглись, капитан?

- Так растут же, товарищ подполковник...

Кто-то в зале хихикнул и тут же замолк.

- Старшего лейтенанта Петуханова от командования ротой отстранить и направить в армейский резерв.

- Лучший офицер батальона...

- Садитесь, комбат. Товарищи офицеры! С завтрашнего дня - лагерная жизнь...

* * *

Расходились молча. Кое-кто косо поглядывал на меня. Рыбаков шел рядом, угрюмо помалкивая.

- Перегнул, что ли?

- Ну выговор бы, а то бац - в резерв! Размахивать кнутом не самый лучший прием.

- Ну хорошо, хорошо, подумаю... А сейчас пойдем ко мне. У меня ефрейтор - чудо! Да пошли же, - потянул Рыбакова за собой.

Касим Байкеев с таким усердием взялся за службу, что я уж и не рад был, что вспомнил о нем. Хозяйничал, без зазрения совести командовал ефрейтором Клименко. Тот, бедолага, вытаращив глаза, выбегал из нашей хатенки и возвращался то с охапкой сушняка, то с двумя цибарками, доверху наполненными водой. В моей комнате навели такой порядок, что я боялся и шаг ступить. Нечаянно швырнешь окурок на пол, встретишься со взглядом Касима и скорей поднимать.

Нас ждал накрытый стол и Касим с полотенцем в руках. Мы с удовольствием умылись.

- Кури одна-другая минута, я сичас.

Мы сели на завалинку, подставив лица солнцу.

- Разбитной парнишка, - сказал Леонид.

- Да, хлопотливый.

- Вот у Стрижака был специальный повар, столичный.

- Из "Иртыша", что ли?

- Шнебель-клопсы делал - пальчики оближешь.

- Шнебель-клопсы, выезды, медички... Давай, замполит, разоружаться.

- Начать с меня хочешь?

- Сам начнешь.

Леонид Сергеевич замялся, что-то хотел сказать, но в это время появился Касим:

- Пожалуй, командир, пожалуй, комиссар, иди салма кушать.

Салма - лапша на густом курином бульоне, со свежим укропом - сама просилась в рот. Потом Касим подал еду под диковинным названием перемечь вроде беляши, но вкус, вкус! Сок по подбородку так и течет. Леонид Сергеевич, видать, едок отменный. Касим едва успевал подавать перемечи и откровенно радовался, что его кухня пришлась нам по вкусу.

Поели, покурили всласть. Леонид поднялся с места и посмотрел в окошко:

- Иди-ка полюбуйся.

Под тополем в выжидающей позе стоял капитан Шалагинов. Чуб укорочен, сам подтянут, собран.

Я распахнул окошко:

- Капитан, шагайте к нам!

Вошел, лихо щелкнул каблуками.

- Садись, комбат.

Он несмело опустился на краешек табуретки, продолжая держать руки по швам.

- Ты и у себя так сидишь? Командир батальона, черт возьми! Восемьсот подчиненных...

Умостился поплотнее, одним духом выпалил:

- Прошу старшего лейтенанта Петуханова оставить на роте!

- Как поступим, комиссар?

- Как решишь, ты командир.

- Пусть командует... пока. Приеду к нему в гости - решу окончательно.

- Есть! - Шалагинов козырнул и выскочил из хатенки.

- Дети, честное слово, - улыбался Рыбаков.

* * *

Сколько же в сутках минут? Двадцать четыре на шестьдесят. Десять на шестьдесят - шестьсот, а потом...

Клюю носом в седле, то и дело спотыкается мой дружок Нарзан, а бедолага Клименко свалил голову на шею коня и откровенно храпит.

Неделя - кошмар... Лица, лица, лица. Господи, со сколькими же я переговорил! Сколько солдатских судеб прошло. В полку восемь тысяч личного состава, а отобрать тысячу оказалось труднее, чем из одной необученной роты сформировать учебный взвод. За эту неделю офицеры мои сбросили вес, как сбрасывают после стакилометрового марша. За своей спиной я как-то услышал: "Бешеный"...

Еду инспектировать Петуханова, хотя тело просится в землянку, на лежак со свежим сеном. Блеснул родник. Я с коня - и голову под струю. Ух как обжигает!

- Старина, давай-ка под прохладу!

- Та вона щекоче...

Километровый аллюр окончательно сбил с меня сон, в роту Петуханова прибыл в форме.

- Смир-рно! Товарищ подполковнкк, вторая рота учебного батальона на пятиминутном раскуре! - громогласно докладывает Петуханов.

- Построить!

Слежу за бегом стрелки секундомера. Пятьдесят пять секунд. Молодцы! Иду вдоль строя, заглядываю каждому в глаза. Подтянуты, плечо к плечу. Спросил у ротного:

- Чем собирались заниматься?

- Штыковым боем.

Взводы рассыпались по отделениям. Раздаются команды: "Коли!", "С выпадом вправо, коли!" Голоса молодые, задорные. Двигаются споро, с жаром. Среди всех выделяется огромная и в то же время легкая, пружинистая фигура Петуханова. Вот он взял винтовку и прямо-таки атлетическим приемом показал, "как надо".

Обедал с курсантами, и надо сказать, что набившие оскомину американские консервы с гречневой кашей оказались вкусными.

Передохнули с часок, потом приказал выстроить роту в полном боевом; Ни шума, ни толкотни. Пятикилометровый марш за час, отставших не было. Подкачали позже - в стрельбе. Петуханов не отчаивался:

- Дайте неделю - гвоздить будем по черному кругу!

Вернувшись в лагерь, после чистки оружия пели строевые песни. Не очень ладно, но от души. Запевал сам Петуханов.

Остался до отбоя - хотелось поближе узнать его. Он не

удивился, сказал как равный равному:

- Сварганю ужин - на сто богов!

Интересно: все у него как по писаному.

- Готовился к встрече, Петр Иванович? - Смотрю в глаза. - Знал, когда явлюсь?

- Никак нет.

На фанерном ящике появилась крохотная клеенка, консервы, вскоре писарь внес жареную картошку. Ротный аппетитно потер ладонь о ладонь, спросил:

- Ну как?

- Обойдется. - Я понял, что стояло за его вопросом.

- В гости со своим уставом не ходят, так, товарищ подполковник?

- Нажимай на еду.

Лицо моего хозяина стало обиженным, как у ребенка, которому неожиданно отказали в сладком. Мне было его жаль, и я томился симпатией к нему.

- Ну и повар у тебя - пальчики оближешь.

- Так сам подбирал.

- А ты все же хвастун.

- Я волжанин, у нас - размах. Стерляжью уху едали?

- Не приходилось.

- Жизнью обойдены, товарищ комполка. Бывало, под грозу сети закинешь есть рыбка! Уха тройная, Ее в деревянную посудину, с лучком, с чесночком, ну и водочки, конечно. А как же! Объедение! Вот кончим войну - к нам на Волгу, в Жигули. И женка у меня - во! А пацанки - волосы чистый лен. У нас народ веселый, озорной; фамилии: Грабановы, Аркановы, Разгуляевы, Петухановы. Иной как свистнет - оглохнешь. Живут у нас весело и рассеянно...

- А без водки можешь? - перебил его идиллические воспоминания.

- Все могу. Могу даже быть счастливым от самого себя!..

А что? Вообще-то, товарищ командир, я тут подзастыл...

- Потому и куражишься?

- Шут его знает - многие пьют, а я попадаюсь. Натура подводит. Мы жигулевские, у нас на пятиалтынный квасу - на рубль плясу. Просторные. От Волги, чать...

* * *

Не спится, думаю о Петуханове. Крепкий мужик, притягательный. "Живут у нас весело и рассеянно". Рисуется или вправду "подзастыл"? Четвертый год войны, краснознаменец, а вот дальше роты не пошел. Почему?.. Повернулся на бок, ладонь под подушку и незаметно уснул.

- Ой, начальник, беда!

Я вскочил от крика. Касим протягивал мне телефонную трубку.

- Что такое? В чем дело?

- Докладывает командир приемно-распределительного батальона старший лейтенант Краснов, На винном заводе на посту убит наш часовой.

- Убит? Кем? Как?..

Молчание.

- Кто убил часового?

- Старший лейтенант Петуханов...

- Что-о?!

18

Ночь темная, звезд нет. Нарзан тянет повод. Копыта зацокали по мостовой. Под черным силуэтом трубы мелькнул огонек, выхватил из ночи ряды бочек, часть заводской стены, упал на склонившегося человека.

- Сюда, товарищ подполковник, - позвал встревоженный голос.

Спешился. Медленно иду по каменистому настилу, освещенному узким пучком света, который тянул меня как на веревке.

Молча расступились, свет упал на молодое солдатское лицо. Оно смотрело в черное небо и было до удивления спокойным. Кто-то за спиной шепнул:

- Одним ударом, наповал...

- Где Петуханов? - спросил у Краснова.

- У меня в штабе.

Резко толкнув дверь, я вошел в полутемную комнату. Свет от шестилинейной керосиновой лампы косо ложился на сгорбившегося Петуханова. Он даже не поднял головы.

- Встать!

Покорность, с которой он стоял передо мной и которая была так несвойственна ему, сразу же меня обезоружила. В его осунувшемся, посеревшем лице, во всей как бы сразу уменьшившейся фигуре была полная отрешенность от всего, окружавшего его. Я физически ощутил, как на меня накатывает непрошеная жалость.

- Закури, - протянул ему пачку папирос.

Он отрицательно качнул головой.

Я вышел в ночь, все такую же беззвездную и тихую. Старший лейтенант Краснов подвел мне коня.

- Вызовите полкового врача и обеспечьте необходимую охрану.

Вдев ногу в стремя, я с трудом поднял отяжелевшее тело в седло. Отпустил повод. Нарзан сам привез меня в лагерь.

Клименко, набросив на плечи одеяло, ждал меня у порога землянки. Взяв повод, увел коня в стойло.

Светлели оконные проемы, под пробуждающимся ветерком качалась пышно расцветшая белая сирень...

Двое суток шло следствие, а на третьи в полк прибыл армейский военный трибунал.

Зал суда крошечный, но без толкотни вместились в него все офицеры полка. На возвышении, за столом, крытым красным полотнищем, сидел военный трибунал во главе с председателем - полковником. Он сказал:

- Введите подсудимого.

Петуханов внешне казался спокойным, но в его глазах было то, что бывает в глазах русского человека, когда он, смирившись со своей участью, приготовился принять все неминуемое. На вопросы отвечал ясно, коротко, ни в чем не выгораживая себя"?

- Я вас не понимаю, что значит "пропустил на радостях"?

- Выпил, значит.

- И что же это были за радости?

- Командир полка инспектировал роту, похвалил нас.

- И вы ему преподнесли подарочек?

В зале никто не улыбнулся.

- Что же дальше?

- Пошел к хозяйке, у которой жил до лагеря. Выпивки у нее не нашлось, а нутро жгло. Пошел к винзаводу...

- А что вас повело туда?

- Слышал, что там припрятан винный спирт...

...Окрик часового: "Стой, стрелять буду!" - остановил его. "Слушай, парень, я на минутку, я только..." - умолял его Петуханов. "Не подходи, выстрелю!" - щелкнул тот затвором.

"Ах ты, сопляк, в кого стрелять?! В меня?!" Слепая, неудержимая сила бросила его к постовому, стоявшему у стены. Он вырвал из его рук винтовку ее нашли метрах в двадцати, развернул плечо и пудовым кулаком ударил в висок... Часовой медленно ничком повалился на землю. Петуханов перевернул его на спину, лицом к небу - тело было тяжелым, неживым - и крикнул: "Эй, люди, люди!" Побежал к той части здания, где спал комбат Краснов, забарабанил в дверь: "Митя, Митя... Я убил человека"...

Читали приговор военного трибунала.

Расстрел!

Офицеры расходились. Многие шагали молча, угрюмо...

Утром меня и замполита вызвали к командующему. Генералы

Гартнон, Бочкарев, полковник Линев молча смотрели на нас, стоявших навытяжку перед ними.

После долгого молчания Бочкарев с горечью сказал:

- Перед нами выбор: расстрел или штрафная рота.

Командир полусогнутым костлявым пальцем ударил по столу.

- Пусть и они думают! - кивнул на меня и Рыбакова. - Завтра в десять ноль-ноль быть здесь. Скажете свое мнение: расстрел или штрафная рота.

Тянусь к очередной папиросе.

Петуханов... Волгарь, красив как черт, не из робких. Кое-кто из офицеров уверен: не поднимется на него карающий меч, смягчат приговор пошлют в штрафное подразделение. А там он не пропадет - не из таких!

А из каких? Что я знаю о нем? Инициативный дежурный по полку, опытный ротный офицер... А под глазами мешки - пьет... И та ночь... Молоденький солдат, мертвым лицом уставившийся в небо. Молоко еще на губах не обсохло. В атаку таких с умом посылать надо - их часто убивают в первом бою...

Ничто не остановило Петуханова... "Меня гнать нельзя - мне сам генерал Толбухин орден вручал... Могу быть счастливым от самого себя!" Не это ли преувеличенное представление о значении собственной личности, о том, что ему все позволено, все доступно, и полное равнодушие к чьей бы то ни было судьбе, кроме своей, привело его к такому трагическому финалу? Ведь он не только человека убил, нет - он замахнулся на полк, на своих товарищей офицеров-фронтовиков, многие из которых пролили кровь на поле боя, а теперь учат солдат военному мастерству...

Думаю, думаю... На руке тикают часы. Снял их, сунул под подушку. Затихли все звуки, лишь где-то далеко за балкой ухает сова... Не спится. Сел, обняв колени, смотрю в черный угол землянки. Сижу так долго-долго, в смутном состоянии между явью и сном.

Торопливо накидываю на плечи шинель и выскакиваю на полковую линейку. Метрах в пятистах - землянка майора Астахова. По годам он старше меня, опытнее. Тогда, на толоке, показался мне человеком независимым, мыслящим самостоятельно. Как он решает судьбу Петуханова? Его он наверняка знает лучше меня.

- Разрешите, Амвросий Петрович.

- Одну минуту, оденусь.

- Ненадолго загляну. - Откидываю плащ-палатку, закрывающую вход в землянку.

Астахов зажег свечу. Он в гимнастерке, которую наспех

натянул на себя, в кальсонах; тощие ноги свисают с высокого лежака.

- Позвольте одеться, я так не могу.

- Извините. - Я отвернулся.

Он быстро оделся.

- Все в порядке, Константин Николаевич.

- Трудно, Амвросий Петрович... Завтра ждут, что я скажу о Петуханове. Вот побеспокоил среди ночи, не обессудьте...

- Я закурю, пожалуй.

Он пальцем вытер запекшиеся уголки губ, потянулся к кисету, скрутил козью ножку. Докурил ее до конца, смял окурок. Молчит...

- Я, конечно, понимаю, - начал я, - то, что совершил Петуханов...

- А если понимаете, товарищ подполковник, так в чем же тогда сомневаетесь?

- Боюсь высказать поспешное, неправильное мнение...

- Считаете, что трибунал допустил ошибку?

- Но тогда почему некоторые офицеры сочувствуют Петуханову?

- Их не так уж много. Одни за себя стоят - за право застольного приятельства. Другие жалеют. У нас любят жалеть. Жалеть куда легче, чем понять, что стоит за таким трагическим случаем, и принять правильное решение... Прошу прощения, товарищ подполковник, но уже далеко за полночь...

На рассвете услышал голос замполита:

- К тебе можно?

- Заходи.

Лицо у Рыбакова серое, под глазами черные круги.

- Что сегодня скажем, командир?

- А вот так: у командарма каждый выложит свое. Ты - свое, я - свое.

- Разве так можно? Мы же в одной упряжке...

- В одной, верно. Только ты к своему хомуту давно притерся, а на моей шее кровавые ссадины...

Рыбаков взял со стола стакан с водой, отхлебнул глоток и поперхнулся. На глазах выступили слезы.

- Я со всей ответственностью заявляю: мы обязаны дать Петуханову возможность кровью искупить свою вину. Главное в жизни каждого человека не совершить ошибку, исправить которую невозможно! - Замполит со страстью, которой я в нем не подозревал, наступал на меня. - Ты же знаешь Петуханова. На нем нельзя ставить крест!

- А поймут нас те, кому завтра шагать в бой, простят нам

того, убитого? Штрафной - это ведь все-таки помилование...

- Я лучше тебя знаю полк!

- Знал бы - человека в полку не убили бы.

- Вали все на меня, давай! Только настанет час, когда ты пожалеешь, что пошел на такой шаг. Сам себе не простишь.

- Запугиваешь? Все ходишь кругами, кругами... Иди к себе! - Я выскочил из душной землянки.

Шагаю по росистому полю. На северо-востоке натужно выползает мутный солнечный диск. На окраине линейки т - у палатки дежурного по полку - на скамейке сидел лейтенант Платонов. Вскочил, пытается отдать рапорт.

- Не надо. Садись, лейтенант, покурим лучше.

По-разному сидят офицеры перед начальниками. Одни на краешке стула, готовые тотчас вскочить; другие умащиваются поплотнее, довольные тем, что их усадили. Платонов сидел с достоинством. Серые, чуть навыкате глаза смотрели серьезно, умно.

Он докурил. Молчание затягивалось.

- Раны у тебя тяжелые?

- Разные...

- Водку пьешь?

- Бывает...

- Петуханов говорил: "Многие пьют, а я попадаюсь".

- Попадается тот, кто глаза мозолит... - Посмотрел на часы. - Через десять минут побудка. Разрешите выполнять обязанности?

Я спешу в свою землянку - скоро нам с замполитом подадут лошадей.

Ясно одно: личные симпатии и антипатии к Петуханову оставь при себе.

Мы молча ехали вдоль лесной полосы, цвирикали какие-то птички. Далеко за Днестром ворочался фронт.

В кабинете командарма были Бочкарев, Линев и Валович, который, опершись локтями на приставной столик, что-то вычерчивал на карте.

Гартнов, рассматривая меня и замполита, кашлянул в кулак.

- Думали? Говорите! Ты, командир?

- Расстрел!

Валович удивленно поднял голову.

- А ты?

Рыбаков, вобрав воздух, выдохнул:

- В штрафной! Так думают многие офицеры полка.

Гартнов ладонью ударил по столу:

- Митинговал!.. Расстрел! В присутствии офицеров полка расстрел! Всё, идите!

У меня не было сил тронуться с места.

- Еще что, подполковник?

- Прошу привести приговор в исполнение не в зоне части.

- Выполнять приказ! - Командующий надел очки, по-стариковски уселся, посмотрел на Валовича. - Прошу оперативную сводку...

...Солнце - кубачинский медный таз - плыло в небе, исподволь подсвечивая акации, молодо пляшущие вокруг огромной травянистой поляны.

Офицеры полка собирались под деревьями. Молчали. Не курили.

Приглушенный сапрыгинский голос:

- Товарищи офицеры... Ста-а-а-нови-и-ись! - Он вытянул вперед правую подрагивающую руку.

Выстраивались бесшумно.

Над поляной птичий гомон. Строй до колен утопал в высокотравье.

Головы всех без команды повернулись влево: на излучину полевой дороги выползала плоская телега. На ней на клоке сена сидел Петуханов. Длинные ноги его качались в такт ходу упряжки. Телега остановилась метрах в ста от строя. Комендант штаба полка с автоматом навскидку подошел к Петуханову. Тот соскочил, заложил руки за спину, не спеша оглянулся вокруг.

Его поставили перед строем - выбритого, с порезом на верхней губе, аккуратно залепленным бумажечкой.

Майор из военного трибунала четко и громко прочитал утвержденный командармом приговор...

...На рассвете Нарзан нес меня степной дорогой. Невольно взгляд мой остановился на свежей могиле. Сопровождавший меня Клименко украдкой перекрестился.

19

Подъем, зарядка, завтрак. Все минута в минуту, как и положено по распорядку дня. По полковым сигналам часы сверяй.

Усердные команды взводных и старшин раскатывались по полям, на солдатских спинах выбеливались гимнастерки. В двадцать два ноль-ноль батальоны засыпали. От мощного храпа, казалось, шевелились листья на деревьях. Меж землянками и лагерными палатками тихо шагали дневальные стерегли покой.

Порой мне казалось, что здесь работает хорошо смазанная и налаженная машина и я будто знаю, как действует каждая ее часть. Но было и такое ощущение, что этот мощный механизм вертится-крутится независимо от того, нахожусь я при нем или нет.

Знаю: под лежачий камень вода не течет. Дело делать -

главное. Замполиту - свое, Сапрыгину - маршевые роты, а мне - поле, стрельбище, строевой плац. В боевых полках ждут грамотных младших командиров. Ты помнишь, кем был для тебя, солдата-первогодка, отделенный? На всю полковую жизнь ты смотрел его глазами до тех пор, пока он, твой самый непосредственный начальник, не научил поле переходить, окоп вырыть в полный рост, все три пули положить в черный круг мишени. Только тогда ты увидел и понял, как по фронту разворачивается взвод, как шагает рота на встречный бой.

Светает, на кленовых листьях роса. Спят солдаты молодым сном, в землянках свежо, пахнет цветущей акацией. Дежурный по батальону, придерживая кобуру нагана, останавливается в трех шагах, тихо рапортует:

- Товарищ подполковник, второй батальон спит, дежурный - лейтенант Карпенко.

- Здравствуйте, лейтенант.

- Разбудить комбата?

- Я здесь! - кричит капитан Чернов, на ходу застегивая ремень. - Через пять минут подъем, товарищ подполковник.

- Здравствуйте, капитан.

Ответное рукопожатие крепкое; улыбается, обнажая редкие зубы:

- Вот и к нам пожаловали, а то все мимо да мимо.

Вдали - на левом фланге лагеря - полковой сигналист затрубил побудку. Раздались команды:

- Выходи на зарядку! Быстрей, быстрей! Отделение, за мной бегом!..

Я не вмешиваюсь, но мое присутствие сказывается: младшие командиры надрывают голоса, много суеты. В первой роте кто-то задевает пирамиду падают винтовки.

- Растяпы, запорют мушки! Только-только пристреляли! - Комбат срывается с места.

А по всей поляне уже несется:

- Вдох! Выдох!.. Выше ногу!.. Бегом к умывальнику!

Возле умывальника - узкого корыта из оцинкованного железа, вытянувшегося под молоденькими кленами, толпятся солдаты. Кому удается холодной водой облиться до пояса, напором выбирается из толчеи, вафельным полотенцем докрасна растирает молодое, еще не задетое войной тело.

Минут через десять выстраиваются во взводные колонны, старшины рот требуют: "Выправочку! Разгладить гимнастерки!" Дежурный офицер, отдав команду: "Смирно! Нале-оп!" - докладывает:

- Товарищ подполковник, второй стрелковый батальон

выстроен. Разрешите вести на завтрак.

- Ведите.

- Поротно, с песнями, шаг-гом ар-рш!

Запевалы без азарта размыкают голоса, роты подхватывают недружно, сбивается строй.

- Песни отставить, шире шаг! - приказывает комбат громко и, повернувшись ко мне, как бы оправдываясь: - Всему, в том числе и песне, есть время и место...

Роты скрываются за леском, шагая к низине, где стелется дымок полевых кухонь.

- А мы в мою землянку, подкрепимся чем бог послал, - приглашает Чернов по-хозяйски.

- Пойдем лучше посмотрим, что бог послал в солдатский котел.

Каша пшенная жиденькая, кружок заморской колбасы невелик, чай пахнет веником.

- Капитан, подкормить бы солдат, а? Неплохо бы зелень и еще что-нибудь. - Смотрю в неподвижные рыжие зрачки Чернова.

- Личного капитала нет, а менять кильку на тюльку, - приподнимает острые плечи, - можно угодить, куда - сами знаете...

Сейчас в его глазах множество оттенков, при желании можно прочитать и такое: уж вы, дорогой товарищ, оставили бы нас, сами справимся.

- Так что там у вас по распорядку учебного дня? - спрашиваю.

- Десятикилометровый бросок с полной выкладкой, затем боевая стрельба по первой задаче.

- Действуйте, считайте, что меня здесь нет.

- Зрение и слух не обманешь. - Он улыбнулся.

- Работайте, капитан.

Строятся роты на вытоптанной пустоши. На солдатах вещевые мешки, скатанные шинели, саперные лопаты, по два подсумка и по три гранаты без запалов. Тут собираются совершать; тяжелый марш. Солнце еще невысоко, но припекает. День будет знойным. Колонны рота за ротой потянулись к дороге.

Батальон быстро удалялся, поднимая пыль, которая тут же оседала. Клименко спешит ко мне, ведя на поводках коней.

- Обождем, старина, пусть возьмут разгон.

Медленно двигалось к зениту раскаленное солнце. Небо без птиц, без голубизны; в мглистом чреве его гудит одинокий самолет.

Нарзан просит повод. Идем по стерне, на подъем, под копытами, шныряют юркие темно-зеленые ящерицы. Батальон, окутанный пылью, стремительно движется на юго-запад, туда, где

в колышущемся мареве проглядывается узкая лесная полоска. Вот и хвост колонны... Кто-то, прихрамывая, тащится по обочине; отстающие, заметив меня, рывком догоняют замыкающих. Лица красные, в глазах усталое напряжение, на гимнастерках черные пятна пота. Солдат сидит на стерне и разматывает портянку. Рядом конь с седоком, с головы до пят покрытым пылью.

- Говорю, в строй, немедленно!

- Та не могу я, рана у меня распарилась. Глядите, - солдат поднимает оголенную ступню.

- Подошлю фельдшера, но смотри, ежели волынишь, к самому комбату представлю! - Верховой стременами горячит коня.

Вот те и на, да здесь целая кавалерия! Взводные и ротные без походной выкладки носятся на лошадях, с боков сжимая строй.

Я спешиваюсь, приказываю Клименко вести лошадей, а сам обгоняю взвод за взводом, пока не добираюсь до головы колонны. Командую:

- Реже шаг! Держать дистанцию!

Ко мне пристраивается комбат, молча идет нога в ногу. Минут двадцать я сдерживаю марш, а потом набираю привычные сто двадцать шагов в минуту.

- Привал!

Останавливаю колонну возле большой лужайки со старой ветлой посередине, защищающей от солнца степной колодец с воротом.

- Капитан, пошлите за фельдшером.

Чернов отдал распоряжение, вернулся и, спокойно выдержав мой взгляд, ответил на не заданный ему вопрос:

- За всех отставших наказание понесут кому положено.

- Ваши офицеры уже спешились?

- Многие фронтовики, после госпиталей...

- А солдат в батальоне после госпиталей разве нет? Или одним поблажка, другим поклажка?

- В том, что офицеры в седлах, прямой расчет. На одном деле поблажка, на другом - сто потов.

Подошел пожилой старшина с санитарной сумкой через плечо.

- Чепе есть? - спросил я.

- Откуда они у нас, товарищ начальник... Трое потревожили раны, а два дурня пилотки поснимали, вот солнышком их и прихватило...

Комбат слушал фельдшера спокойно, без смущения.

Четвертый час в батальоне, а ощущение такое, что я здесь лишний довесок. Комбат и офицеры его поступают и живут так, как жили и поступали день за днем, месяц за месяцем. Это

хорошо или плохо? Не излишне ли требователен комбат?..

Раздался сигнал "внимание!".

- Разрешите начать стрельбы?

- Начинайте, капитан, если время.

В самый зной, под едва доносящиеся издали раскаты грома захлопали винтовки. Слышны отрывистые команды, бегут старшины, чтобы поправить сбившиеся мишени; стрелковые отделения на линию огня ползут по-пластунски; по сигналу "отбой!" офицеры спешат к мишеням и, возвращаясь к комбату, докладывают о результатах стрельб. Кто-то не попал в мишень - его ведут к комбату.

- Из чего отлита пуля? - спрашивает Чернов.

- Из свинца, товарищ капитан.

- Ее вес?

- Девять граммов.

- Как же ты двадцать семь граммов дорогого металла послал в никуда? Еще промажешь - штрафная...

Стрельбы завершились под сильным ливнем, роты уходили в лагерь. Мы с Черновым, обогнав колонны, доскакали до штаба батальона.

- Обсушимся, товарищ подполковник? - Он позвал ординарца. - Вынеси наши плащи и... сообрази.

- Мне бы чайку погорячее, - попросил я.

Мелкими глотками отхлебывая из кружки, я посматривал на комбата. Сидит увесисто, независимо, широко расставив ноги, курит.

- Давно в запасном, Аркадий Васильевич?

- С основания, с товарищем Сапрыгиным прибыл.

Я отодвинул кружку, встал.

- И подъем и марш со стрельбой - в основном не придерешься. Но какой все это ценой? На износ работаете, капитан.

- Так вся война на износ. - Чернов поднялся и стоял подчеркнуто по стойке "смирно".

- Не хотелось бы вам самому поднять роту в боевую атаку?

- Я не страдаю оттого, что меня не посылают на передний край. Мой опыт нужнее здесь.

- А вы не забыли еще, комбат, куда отскакивает гильза после двадцатого подряд выстрела?

- Застревает в канале ствола...

20

Полк работает. Испепеляющее солнце, внезапные ливни, которыми богато нынешнее парное лето, изнуряют. Кожа на мне задубела, от частого курения пожелтели зубы. А коновод старина

Клименко до того загорел, что стал похож на кочующего по степям цыгана. Бедолага, порой ждет меня и ждет, чаще всего на солнцепеке, не смея спросить, как надолго задержусь, не решаясь напомнить, что давно пора "подзаправиться".

Возвращаемся в лагерь, нас встречает сердитый Касим, с укором поглядывая на Клименко, будто он и есть главный виновник того, что "товарищ командир" вовремя не позавтракал, не пообедал... Слышу диалог:

- Шайтан, зачем командиру не сказала - кушать надо?

- Який смилый, поди сам и скажи.

- Ты боялся, да?

- Тю, дурень! Работы у нас богато.

- Большой курсак - большая работа.

Я крикнул:

- Эй, Касим-ага! Чем угостишь?

- Курица есть, молоко есть... За твои деньги купила.

- Тащи на стол. Старина, присаживайся.

Клименко, стыдливо зажав подбородок, отвел глаза:

- Та я вже поив...

- Слушать начальство!

Вдвоем так разошлись, что от курицы и костей не осталось - зубами перемололи.

- Спасибо, Касим-бей.

- Одна минута обожди. - Выбегает из землянки и возвращается с миской, полной спелых вишен.

- Ай да молодец! Откуда?

- Капитан Чернова давала, сказала: "Корми начальника, а то худа спина".

Чуть не поперхнулся. Ну и ну!..

Утром задержался в штабе, просматриваю личные дела офицеров второго батальона. Капитан Чернов... Кадровый, в боях не участвовал, награжден орденом Красной Звезды... Его подчиненные - фронтовики, но есть и такие, что в запасном полку со дня его основания.

Вышел на крылечко и столкнулся с майором-порученцем от генерала Валовича.

- Весьма срочно, товарищ подполковник! - Вручил пакет.

Требуют четыре маршевые роты, сегодня же. Связываюсь с Сапрыгиным, тот с готовностью отвечает, что ждет нас в Просулове. На рысях идем на площадку перед винным заводом, где прощаемся с уходящими на фронт солдатами.

Роты уже выстроены, и оркестр на месте. Сапрыгин шагает к нам навстречу, докладывает, что все готово на марш.

Поражаюсь: каким манером ему удается опережать события?

Обходим строй. Солдаты одеты по форме, обуты в кирзу; в вещевых мешках двухсуточный запас продовольствия. Ни жалоб, ни претензий. Вглядываюсь чуть ли не в каждого, хочу понять, что унесут они от нас на линию огня.

Играет оркестр. Роты, разворачиваясь вправо, выходят на дорогу. Пошли ребята нога в ногу - в бой пошли!.. Не свожу с них глаз, пока замыкающая шеренга не скрывается за горбящимся холмом.

Ушел оркестр. Мы с Сапрыгиным вдвоем на пустоши.

- Сколько, Александр Дементьевич, можно еще выставить маршевых рот?

- Трудно сказать. По мере поступления солдат из госпиталей.

- Значит, полк вчистую вымели. Пора, наверное, кое-какие итоги подводить. Хорошо вы поработали, Александр Дементьевич. Я уж и не знаю, как бы мы без вас...

Сапрыгин с удивлением посмотрел на меня.

- Непривычно, Константин Николаевич, слышать из ваших уст такие слова. Признаюсь откровенно, последние дни я жил с банальнейшей мыслью: вы хотите избавиться от меня...

- Было такое желание, не скрою... Но вот шагают наши ребята по пыльной дороге на фронт обученные, одетые. Верю, что командиры боевых частей не предъявят вам претензий.

- Почему мне? Всему полку, наверное...

- Пусть будет так. Позавчера я весь день провел в батальоне Чернова. Как он, соответствует занимаемой должности?

- Трудный офицер, но знающий. И спуску никому не дает.

- Он строг или жесток, как вы думаете?

- Со дня рождения части он у всех на глазах, и, кажется, никто не примечал, чтобы он превысил свои полномочия.

- Спасибо, постараюсь узнать его поближе.

Сапрыгин, широко улыбаясь, вытащил из кармана безукоризненно отглаженных галифе серебряный портсигар с выгравированной надписью.

- Именной? - спросил я.

- От Военного совета за службу приднепровскую. Угощайтесь.

Я понюхал папиросу с длинным мундштуком.

- О, высший сорт.

- Из генеральского буфета. Впрочем, Константин Николаевич, почему вы им не пользуетесь? Как-никак командир отдельной части, положено.

- Я привык к "Беломору". До войны керченская фабрика давала отличные папиросы этой марки с ароматом крымского дюбека.

Александр Дементьевич дружелюбно улыбался. Его упругая

шея блестела от пота.

* * *

...Тропа пошла в лагерь, а лесополоса свернула на север. Я побрел по ней. Прошагал километра два, а может, и больше, присел на пенек. Меж деревьями виднелась проселочная дорога. На ней появилась взводная колонна, за ней вторая, третья... Слышу, как дружные голоса певуче рассказывают об атамане Сагайдачном, "променявшем жинку на тютюн та люльку".

Я в тени, меня никто не видит. Песня оборвалась, раздалась команда какая, не расслышал, - и взводные колонны исчезли с моих глаз. Только пристально всмотревшись, понял: батальон ползком, по-пластунски, медленно разворачивался фронтом на запад. Вскоре метрах в двадцати от меня показался солдат лет за сорок, кряжистый. Он полз, прижимаясь к траве, остановился, ладонью смахнул со лба пот, стал оглядываться. Приметив бугорок, пополз к нему, снял скатку, положил ее впереди себя, на нее винтовку. Сам улегся бочком, вытащил саперную лопатку, поплевал на ладони и воткнул ее в землю по самый черенок. Отрытую землю укладывал рядом со скатанной шинелью. Копал, отдыхал, перевернувшись на спину, снова копал. Потянулся к кустику клевера, сорвал цветок, пожевал и выплюнул. Из окопа уже можно было скрытно вести огонь. Но солдат скатку и винтовку отодвинул в сторону и стал еще энергичнее выкладывать землю на бруствер, тут же маскируя ее травой.

Вправо и влево от него окапывались соседи. Весь батальон выполнял труднейшую тактическую задачу: занимал позиции "под огнем противника".

Я не видел майора Астахова, но слышал его басовито-глуховатый голос то на флангах, то в центре. Доносились негромкие офицерские команды: "Ниже голову! Маскировать землю!"

Прошло часа два, а батальон все копал, копал. Мой кряжистый сосед вырыл окоп больше чем вполроста. Наконец-то над полем появилась фигура комбата:

- Перекур!

Поплыли клубочки густого махорочного дыма, как случайная россыпь облачков. Я вышел из засады. Многие, увидев меня, повскакали с мест.

- Отдыхайте, товарищи. - Я пошел навстречу Астахову. - Здравствуйте, Амвросий Петрович. Что вы тут нарыли, показывайте.

Ничего не скажешь - позиции грамотные, на месте противотанковые гнезда, хорошо продумано огневое обеспечение на флангах. Повсюду астаховский почерк - разумная

неторопливость. Подумалось: более пятнадцати лет в кадровой армии и начал с рядового, а под командованием лишь батальон. Никто, решительно никто не подумал: Астахов чем не комполка?..

При сильном ветре мне нравилось стоять где-нибудь у моря в затишке, смотреть, как волна за волной накатывается на берег. Считал: первый вал, второй, третий, четвертый... А где же тот, "роковой" - девятый? Долго, бывало, я ждал его, но так и не дождался. Не было грозного девятого вала шла волна за волной то с высоким пенистым гребнем, то стелющаяся по берегу...

Астахов - на высокой рабочей волне.

Роты с песнями возвращались в лагерь. Мы с Астаховым замыкали батальон. Я рассказывал ему о том, как мы с Александром Дементьевичем провожали сегодня маршевые роты на фронт - обученные, одетые, обутые. Астахов слушал и молчал.

В лагере солдаты чистили оружие. На толково сколоченных длинных столах - пакля, оружейное масло. Отделенные командиры стояли у пирамид, тщательно осматривали каждую винтовку и только после этого ставили ее в гнездо.

Вечерело. Менялись краски, темнел лес, тускнели вокруг вытоптанные поля. Астахов провожал меня. Взявшись за луку моего седла, негромко сказал:

- Не узнаю нашего Александра Дементьевича - совсем другой человек, хоть икону с него пиши!..

- Что же тут удивительного? Стоянка нашей части затянулась, все и всё приходит в норму. Люди работают. Ведь не отнимешь от начштаба ни его знаний, ни опыта.

- Вот это точно, товарищ подполковник, от него ничего не отнимешь!

- У вас есть к нему новые претензии?

- Новых? Никаких. - Он козырнул и откланялся.

* * *

С утра опять ливень с крупным градом. Но вот гроза наконец удалилась за Днестр и там погромыхивала вкупе с глухими артиллерийскими залпами. Платоновская рота совершает форсированный марш; блестят лужи, высоко в небе вьются ласточки. Выглянуло жаркое солнце, и мокрые солдатские спины запарили.

- С левого фланга огонь станковых пулеметов! - кричу, приподнявшись на стременах.

- Первый взвод налево, второй - прямо, третий - направо! Расчленись! командует Платонов. - По-пластунски!

Солдаты, без году неделя сержанты, приподняв стволы автоматов над землей, оставляя за собой подмятую рыжую стерню, упорно ползут. Позже, после перекура, под палящими

лучами солнца совершили пятикилометровый бросок, выполняя команды: "Танки с тыла!", "Воздух!"...

Мы вошли в прохладную лесополосу, где нас маняще ждали полевая кухня с борщом и бочка с ключевой водой. Почистили оружие, пообедали, и я дал всем час на отдых. Солдаты разлеглись в тени под густыми кленами.

Мы с Платоновым нашли зеленую лужайку, плотно укрытую зарослями акаций. Я ослабил поясной ремень - прохлада, пробравшаяся под потную гимнастерку, приятно освежала.

- Рассупонивайся, лейтенант! - С удовольствием упав на траву, смотрел, как мелко подрагивают на деревьях листья.

- Разрешите размяться? - спросил Платонов.

- Бога ради.

Он высоко поднял босые ноги, стал медленно сгибать и разгибать колени.

- Отекают?

- Рана... как тугой резиной стягивает. Промнешься - отпускает.

Мы молчали; я прислушивался, как вдалеке отбивала время кукушка.

- Хотел было удрать из полка, - прервал молчание Платонов.

- Что же помешало?

- Младших командиров учим - это важно. Я-то знаю, как дорого стоит грамотный сержант в бою. Только жаль, что не все работают как положено...

- Кто же не работает?

- А те, кто шушукается за вашей спиной, кто цепляется за петухановское несчастье, - Платонов не спускал с меня глаз.

- Договаривайте.

- Вам сверху должно быть видней.

- Лейтенант, не ходите вокруг да около. Давайте начистоту, коль начали.

- Да вот вы сами: сидите на коне как на смотру каком - не шелохнетесь. Седло покинете - опять по команде "смирно". Не всякий осмелится к вам подойти, даже ваши ближайшие помощники...

- Так что - барьер?

- Да. Выходит, так!

- И многие так считают?

- Те, кому это выгодно...

* * *

Нарзан просит повод, хлещет себя хвостом по крупу - слепни.

- Иди! - ударил плеткой.

Он вздрогнул, пошел крупной рысью.

Не помню, как проскочил степь и оказался в лагере. Клименко увел потного коня.

- Не давай сразу воды! - крикнул вслед.

- Та хиба ж я не знаю, товарищ подполковник? - обиделся старик.

Я спустился в яр, где было прохладно и темно, уселся у тихого родничка.

Барьер? Никакого барьера нет! Я - как натянутая пружина, никак не могу, да и не должен расслабиться. Платонов - и, наверное, не только он видит это. А может быть, я в роли Мотяшкина, а они, подчиненные, как я сам тогда на майдане у разрушенной церкви, на все лады клявший беспощадно требовательного полковника?..

Может быть, меня считают виновным и в гибели Петуханова? Кому-то, должно быть, невыгодно понимать, что финал петухановской жизни был предрешен накоплением бесчисленных обстоятельств, сложившихся еще до моего появления в полку. Ведь существовали в полку какие-то связи, которые я пресек, а кое-кому и на мозоль наступил. В сложных условиях жизни полка каждый проявлял себя в меру своего воспитания и нравственной высоты. Астахов, Платонов и другие сумели понять необходимость той трагической расплаты, которую понес полк. Некоторые не сумели. Или не захотели...

21

Не за горами контрольные стрельбы.

Покидаю уютную землянку за час до подъема, лежу на росистой траве, ловлю в прицеле мушку карабина. Поймал, затаил дыхание: огонь! Выстрел без раската - влажность воздуха съедает звук. И на этот раз "завалил мушку" не могу без напряжения дотянуться до спускового крючка. Тренирую раненое плечо: рука назад до отказа и вперед до пояса. Десять раз, двадцать... пятьдесят... Отдышался и снова: лежа заряжай!

А вот и полковой трубач: подъем! подъем! Заворошился лагерь, зачастили команды на всех лесных закуточках.

Из землянки выскочил Рыбаков в трусах, босой, энергичными движениями рук разминал полные плечи, прыгал то на одной ноге, то на другой. Увидев меня, остановился:

- Здравия желаю, Константин Николаевич.

- Здравствуй, Леонид Сергеевич.

- Как успехи? - Он посмотрел на карабин.

- Помаленьку. А ты в какие края сегодня?

- В райком партии. Командир, они просят нас помочь в уборке урожая.

- Надо, конечно, помочь. Используй хозяйственные команды.

Наши отношения изменились с тех пор, когда командарм, ударив ладонью по столу, крикнул на Рыбакова: "Митинговал!" Здороваемся, перестав замечать, холодны или горячи наши руки. И, встретясь, оба спешим, спешим куда-то... Меня по-прежнему тянет к нему, чувствую: носим в себе боль, но каждый по-своему, и слить ее в одно нам что-то мешает.

Ходко идет Нарзан вдоль перезрелого пшеничного поля, балует - я только что напоил его ключевой водой, угостил кусочком сахара; мягкие розоватые губы осторожненько подобрали с ладони лакомство. Вдали сверкнули штыки это на марше батальон Чернова. За спиной - топот, оборачиваюсь: меня догоняет на коне дежурный по полку.

- Что случилось?

- К нам прибыл начальник политотдела армии полковник Линев. С майором Рыбаковым отбыл в подразделения.

В штабе полка - дремотный покой. Я связался по телефону с учебным батальоном:

- Гости у вас?

- Десять минут тому назад ушли к капитану Чернову.

Вошел помначштаба Карасев:

- Почта, товарищ подполковник.

Капитан из своей папки выуживает очередную бумажку: требуют десять сержантов с семилетним образованием в нормальную военную школу связи. Нормальную! До сих пор посылали на скоростные курсы, а теперь вот в нормальную, на трехлетнее обучение. Здорово!..

Отпустил штабиста. За окном на плетне сушатся хозяйкины горшки и горшочки, рыжий петух бочком-бочком обходит нахохлившуюся курицу.

Где же они? Может, на коня и вдогонку? Зачем? Понадоблюсь - найдут.

В землянке пообедал, послал Касима в лавку военторга за куревом и улегся с газетами. Должно быть, вздремнул. Вскочил, услышал голоса у порога. Первым вошел Линев:

- Ты смотри на него, Рыбаков, с нас сто потов льется, а он схоронился от начальства и газетки почитывает. Здравствуй" те, подполковник. Кваском угостите?

- Не угощу. После обеда крохи подбираем...

- Оно и видно. Что так нещедро кормите солдат?

- Паек тыловой.

- А инициатива? Лето красное! Фу, как у вас душно.

Мы вышли из землянки, Линев оглянулся, увидев на взгорке раскидистое дерево, размашисто зашагал к нему. Фигура у него плотная, кряжистая, можно сказать - строевая.

- Тут свежак, располагайтесь, хлопцы, и дышите поглубже. - Он расстегнул китель и бросился на землю. - Красота, а как полынью несет! У, смотрите. - Потянулся рукой, сорвал пучок травы с желтыми цветочками. Знаете, что это такое? Чистотел. Чис-то-тел! - Он сломал стебелек темно-рыжая капелька упала на его ладонь. - Эликсир жизни! В старину братья славяне молились на него, и не зря. Ну, как живется, комполка?

- Нелегко, товарищ полковник.

- Вы командовали партизанской бригадой. Как жили со своим комиссаром?

- Дружно.

- И что же вас сближало?

- Многое, но прежде всего его личная храбрость.

- Весомо.

Рука Рыбакова заерзала по портупее вверх-вниз, вниз-вверх.

- Это он в меня прямой наводкой палит.

- Значит, конфликт на почве: комполка храбр, замполит недостаточно храбр, - Линев резко выбросил руку в мою сторону, потом в сторону Рыбакова.

- Если бы! Мы не можем найти с замполитом общего языка с того дня, когда в кабинете командарма выложили разные решения...

- Решали не вы, а Военный совет армии, - оборвал меня Линев. - Что вам мешает сейчас?

- Я отвечу, - проговорил Рыбаков. - Командир полка до сих пор не вписался в часть, хотя времени прошло вполне достаточно. Вот, к примеру, был он в батальоне капитана Чернова. С какой пользой? Собрал офицеров, поговорил с ними по душам, похвалил достойного, указал на ошибки того, кто их совершил? Ничего этого не было. Отхлестал, как мальчишку, опытного комбата и умчался аллюром. Тимаков даже не замечает, что политсостав полка порой вынужден выступать в роли пожарников - заливать холодной водой его огненные вспышки.

- Ты что же это меня при начальстве хлещешь? - воскликнул я. - Не нашел время сказать мне об этом один на один!

- Да, Рыбаков, действительно, почему ты ему все это не высказал раньше? - строго спросил Линев.

- Так он же бежит от меня!

- Я? Бегу?.. Это ты чуть свет на коня и то в райком, то в политотдел, то еще бог знает куда.

- Слушаю вас и удивляюсь. Здесь полк, а не детский сад. Как мне прикажете доложить Военному совету? Кого из вас надо отзывать?

- Меня нельзя, - выпалил Рыбаков.

- Это почему же?

- Я в петухановской трагедии не сторонний человек. Недоглядел многого.

- Красиво сказано, даже слишком. Однако ты-то здесь не одну пару сапог износил, а расплачиваешься скупо. Или под крылышком Стрижака полегче было? В нем-то ты признавал единоначальника. Ты, бывало, ни шагу без него. А сейчас, - Линев поднялся, застегнул на все пуговицы китель, - вон мы какие, оказывается: разыскать никак друг друга не можем. Свести ваши руки прикажете? У вас, командир, есть ко мне вопросы?

- Пока нет.

- Вы эти "пока" придержите при себе. Решительно отсекайте накипь в полку, но властью, вам данной, пользуйтесь с умом и сердцем.

Проводили начальника политотдела, стоим на обочинах дороги друг против друга. Черт возьми, как трудно сделать первый шаг, сказать нужное слово!..

- Замполит, так что там было сегодня в солдатских котлах?

- А, перловка да сало лярд, сало лярд да перловка. - Рыбаков пересек дорогу. - Заглянул вчера в хозроту, и представляешь - там борщ с салом и свежее мясо с капустой.

- Да ну, откуда?

- Пошли к Вишняковскому, спросим.

На окраине Просулова большой кирпичный дом с длинной пристройкой-сараем. Двор аккуратно выметен. У коновязи с корытом сытые лошади хвостами отмахиваются от слепней. Хр-рум, хр-рум - налегают на свежее сено. От распахнувшейся двери спешит навстречу Вишняковский.

- Здравствуй, Валерий Осипович. Хорошо у тебя тут. - Я пожал ему руку.

- Приглашай в дом, что ли, - подтолкнул его Рыбаков.

Комнатушка была маленькая, пахло свежим хлебом.

- У меня есть квасок, товарищ подполковник, - робко предложил Вишняковский.

- Тащи, о чем речь.

Рыбаков выпил, поставил стакан, крякнул:

- Ну и напиток, царский!

- Сушим остатки хлеба, вот и...

- Остатки, говоришь? А почему наш солдат в строевых ротах как Иисус в пустыне? - спросил Рыбаков.

- Все, что положено по рациону, до грамма...

- А на каких харчах пухнет твоя хозяйственная рота? - наступал Рыбаков.

Вишняковский открыл планшетку, закрыл ее и отбросил

назад. Заморгав, выпалил одним духом:

- Обмен, честное слово!

- А может, обман? - Я подошел вплотную к хозяйственнику.

- Никак нет! Операция... - Слово вырвалось неожиданно.

- Операция? Какая такая операция? Выкладывай как на духу.

- Дохлые кони кормят. Виноват... Мыло то есть, кони...

- Мыловарня? - догадался Рыбаков.

- Ну-ка, ну-ка?

- На переправе дохлых лошадей, битюгов... Сюда - и на мыло. Мыло - в Цебриково, на восток, сто километров, в обмен на мясо, сало, картошку...

- Масштаб?

- Крохотный.

- Что требуется?

- Разрешения ваши, товарищ подполковник, товарищ майор.

- Так получай мандат, можем самый большой! По четырнадцать часов в сутки солдаты пузом землю гладят, на пять верст вокруг изрыли ее. Соки выжимаем... Нюх у тебя, бедовая голова, есть? Чем пахнет?

- Наступлением.

- В точку! Так подкорми, христом-богом прошу! Весь передний край Степной армии твой и переправа твоя. Подбирай дохлых битюгов, тащи в мыловарню!

22

Комбат Чернов встречает меня и замполита вежливо, официально. Не распахивает своей замкнутости, даже когда мы с Рыбаковым откровенно радуемся слаженному маршу курсантской роты "на встречный бой".

Короткий привал, и батальонная труба уже зовет на строевой плац с препятствиями. Чернов с секундомером стоит на возвышенности - плотный, с фуражкой, слегка надвинутой на прямой лоб, - и негромким голосом отдает самые неожиданные команды. Воспринимаются они будущими младшими командирами с готовностью: ползут по-пластунски, в полном боевом берут с ходу бум, перепрыгивают через заборы, выкладываются до последнего, будто и не знают усталости.

Прощаясь с Черновым, говорю ему:

- Спасибо, капитан.

- У меня просьба, товарищ подполковник: после выпуска сержантов откомандируйте меня в боевую часть.

- За этим дело не станет - не за горами дни, когда весь полк станет боевой частью!

Вечерело, было душно. Мы наискосок пересекли площадь. Навстречу женщина с полными ведрами. С доброй улыбкой

провожает нас.

- К счастью, командир!

- А ты какого счастья хочешь, Леонид?

- Сию минуту - самого маленького: искупаться в ставке.

- Ого, давать чуть ли не пятиверстный круг!..

- Что ты, можно напрямик переулком, там мостик наладили.

- Тогда айда!

Идем, хатенки сжимают нас с двух сторон, ветки хлещут по лицам. На самой окраине Рыбаков придержал дончака.

- Слышишь, поют? - Показал на хатенку с закрытыми ставнями.

Рвется наружу песня "Ой ты, Галю, Галю молодая, пидманулы Галю, забралы з собою...".

- Ведет никак Шалагинов? - Я спешился.

- Куда ты? Постой, потом выясним!

- Ну, знаешь! - Я перемахнул через забор, поднялся на крылечко, тихо налег на входную дверь.

В небольшой комнате с нависшим потолком за столиком, крытым клеенкой, при желтом свете свечи сидят Шалагинов и Краснов. На почетном месте, под иконами, начальник штаба полка Сапрыгин. Закрыв глаза, он густо басит.

- Товарищи офицеры! - вскочил Краснов.

Песня оборвалась. Головы, как по команде, повернулись к нам. Первым пришел в себя Сапрыгин:

- Милости просим, Константин Николаевич, и тебя, Леонид Сергеевич.

На столе бутылки с мутноватой влагой, закуска - не объешься: репчатый лук, редис, сухари. Я взял бутылку, плеснул самогон на стол, поднес свечу вспыхнуло синее пламя.

- Крепак!

- Точно, с налета берет! - Встряхнув укороченным чубом, из-за стола вылез Шалапшов.

- А как похмеляться, комбат?

- Рассольчик, как рукой...

- Что же вы нас с замполитом обошли?

- Да вот поминаем нашего друга Петра Петуханова... Сороковой поминальный сегодня...

- Капитан Шалагинов, сядьте! - крикнул Сапрыгин!

- Нет, я скажу... Вам, товарищ подполковник, подавай шагистику да дыры в черных мишенях...

- Приказываю всем разойтись! - с неожиданной твердостью сказал Рыбаков.

- Начштаба и комбату Краснову остаться! - приказал я, Только захлопнулась за Шалагиновым дверь, я повернулся к Краснову:

- Где самогонный аппарат?

Он подавленно молчал.

- Я сейчас по тревоге вызову роту и прикажу обыскать винный завод. Где самогонный аппарат? Ведите!..

Краснов молча повернулся к выходу и как-то не по-военному засеменил вперед нас...

* * *

...Мы шли в три коня - Рыбаков, Сапрыгин и я. Небо затянуло тучами, посыпал мелкий дождик. Молчали до самого лагеря.

Сапрыгин, прощаясь, сказал:

- Ну и лихо вы взяли в оборот Краснова, Константин Николаевич, в один момент раскололся!

Я молчу.

- Чего дурачком прикидываешься? Ты-то про все знал, - оборвал его Рыбаков. - Неужели так-таки ничего не понял.

- Понять-то понял, но не все принять могу.

- Довольно, начштаба, - потребовал я. - За организацию пьянки...

- Какой же пьянки?.. Подумаешь, собрались трое друзей...

- За организацию пьянки, за допущение производства самогона - вы же знали, знали об этом! - я отстраняю вас от должности начальника штаба полка!

- Это мы еще посмотрим!..

- Нечего смотреть, Сапрыгин. На вашей совести кровь Петуханова, отчеканивая каждое слово, сказал Рыбаков.

Сапрыгин пришпорил коня и скрылся в темноте.

Старший лейтенант Краснов сдал батальон и приказом командующего был назначен командиром штрафной роты, куда и отбыл без промедления.

23

Их - одна тысяча, живых, молодых, радующихся и порою грустящих, устающих донельзя, с сильными телами, здоровыми желудками, жадными озорными глазами. Они втянулись в ритм полевой жизни, загорелые и поджарые, шагают по стерне, выбивая тучу пыли. И думка у всех одна - скорее к финалу.

Их надо выстроить на полковом плацу, показать самому командарму: вот они, тысяча сержантов. Вчера они еще были солдатами. Трудно им было, ох как трудно! Но они не жаловались - понимали. Торопились. Сам видел, как делали зарубки - еще день учебы прочь!

Ах, как мне хочется отправить их на фронт - одетых по форме! В полковом складе есть для них все. Только вот обувка - обмотки с ботинками. Где же мне взять тысячу пар хотя бы кирзовых сапог? Из Вишняковского больше ничего не вытрясешь.

Слава богу, в котлах приварок.

Роненсон?

Вишняковский шепнул мне:

- У товарища Роненсона есть в заначке настоящие курсантские сапоги, еще довоенные.

Как бы его разоружить? Попытка не пытка, уха не откусят - поехал на поклон.

- Крымская твоя душа, за счастьем приехал? - встречает меня Роненсон.

- Знаете, о чем я думаю, товарищ полковник? - Горячо пожимаю ему руку.

- В той артели, откуда ты, нет шикарных сапог?

- Да вы же провидец!

- Что ты с меня хочешь? Я уже волнуюсь.

- Всего тысячу пар яловичных.

Роненсон ухватился обеими руками за рыжую голову и оглашенно закричал:

- Ты, Тимаков, думаешь, что я из Ленинграда еще до войны перекачал к себе фабрику "Скороход"? У него тысяча мальчиков, и каждый хочет быть красивым, а с Роненсона - три шкуры! Как в Одессе, да? Так вот, будут твои мальчики фигилять в новых сапожках, И не потому, что ты такой красивый.

- Так почему же?

- Потому что знаю: сейчас ты сядешь на свой драндулет и, как челночное веретено, туда-сюда, пока не вытряхнешь из меня душу...

- Не представляете, как обрадуются выпускники. Спасибо!

- Присылай своего помпохоза с девичьими щечками...

* * *

Рыжее, с кустами засеребрившейся полыни поле, а вокруг деревья тополя, акации, запыленные до самых макушек. Десять дышащих и одинаково зеленых, как клеверные делянки перед косовицей, колонн, щедро залитых лучами сытого августовского солнца, застыли в ожидании. От надраенных до ослепляющего блеска медных труб отскакивали лучи, словно выстрелы.

Я волнуюсь и проклинаю Касима, перекрахмалившего подворотничок, обручем стянута шея.

Секундная стрелка еще раз обернулась вокруг своей оси.

- Едут! - крик издалека.

Мгновенно одернув китель, шагнул к колоннам:

- Равняйсь!

"Виллис" остановился под ближайшим деревом. Из машины вышли командующий и член Военного совета.

- Смир-рно! Товарищи офицеры!

Ступнями ощущая такты встречного марша, глядя прямо на генерал-полковника, замечая на его морщинистом лице мельчайшие складки, даже седой волосок на кадыке, иду навстречу, В трех шагах замираю:

- Товарищ генерал-полковник! Выпуск младшего командного состава армейского запасного стрелкового полка в составе тысячи сержантов по вашему приказу на смотр выстроен! Командир полка подполковник Тимаков!

Лицо генерала хмурилось. Он сухо поздоровался с командованием полка и шагнул к колоннам.

От шеренги к шеренге, от сержанта к сержанту, чуть ли не каждого - с головы до ног. И ни слова. Лишь бросил:

- Ишь ты, в яловичных сапогах, черти!

Солнце бьет под лопатки, подворотничок до удушья стянул шею, объятое тревогой и усталостью тело отяжелело, а конца молчаливому смотру не видно, как и генеральской силе, которая будто и не расходовалась: гартновские глаза зорки, шаг твердый, фигура - как несгибающийся ствол сосны.

Потеет генерал Бочкарев; мой Рыбаков ни жив ни мертв.

Обойдена левофланговая колонна. Командующий кашлянул в кулак, отошел в сторону.

- Что умеют?

- Что положено по программе ускоренного курса!

Бочкарев, потирая рукой усталое лицо, спрашивает у меня:

- Далеко учебное поле?

- Ты, Леонид Прокофьевич, обожди. - Худое лицо генерала разглаживается, молодеет. - Поют, подполковник?

- Поют, товарищ генерал.

- Строевую обожаю, но настоящую, чтобы... Взводом споешь?

- Споем.

- И ротой?

- И ротой.

- А может, батальоном грянешь?

- И батальоном!

Я уже перехватываю через край. Триста солдат и чтобы голос в голос так не пели. Что ж, коль нырнул в глубоком месте, не тонуть же. Отсек от строя три первые колонны, шепнул капитану Чернову:

- Выстройте в единый строй, в шеренгу по восемь. Интервалы плотнее обычного. Ясно?

- Яснее быть не может. - Чернов поднял на меня спокойные умные глаза.

Слышу голосистые команды. Только бы не заколготились, не сшибались друг с другом - чуть не молюсь. Впрочем, чего уж

теперь терзаться!..

- Сержант Баженов и ротные запевалы - в середину строя! - командует Чернов. - Р-равняйсь!.. Смир-рно! На месте шагом арш! Выше ногу, еще выше!.. Аз-два! Аз-два! Запевай!

Голос сержанта Баженова врезался в знойную застылость дня и сразу же взлетел выше деревьев:

За морями, за горами
Гэ... э-эй! В дальней стороне
Трубы песню заиграли,
Песню о войне.
Молодец!
И триста сержантов одним хватом:
Трубы песню заиграли,
Песню о войне...

И уже не душил подворотничок, уже и дышалось привольно. Я не удержался и крикнул во весь голос:

- Слушай мою команду! Правое плечо вперед, шагом арш! Пр-рямо! Запевай!

Баженов повел, а подголоски подхватили главную песню времени:

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна!
Идет война народная,
Священная война...

Сержантские лица посуровели, мощный голос батальона клокотал неукротимой жесткой силой.

Колонны, провожаемые генеральскими глазами, с песнями уходили к полевым кухням. За леском скрылась последняя, а генералы молча стояли на том же месте. Потом командующий отошел в сторону, остановился под раскидистым кленом, сорвал с дерева небольшую ветку и слегка похлопал себя по голенищу. Глаза смотрели на запад, где едва дышал на месяцы застывший фронт.

О чем думал генерал?

Может, о том, что ждет армию, значит и всех нас, в ближайшее время? О судьбе ребят, которые так широко раскрывали души на этом смотровом марше?

Бочкарев тронул меня за плечо:

- У него, Николая Александровича, свой подход. Есть строй и песня есть солдат! Побаивался я за тебя, севастополец. Хотел отвести на привычное - стрельбу, перебежку...

Командующий подошел к нам:

- Солдат кормишь так, как они того заслуживают?

- Хозяйственники стараются, товарищ генерал.

- Хвастунов не люблю. Солдат начинается с песни, а полк с котла.

У полевых кухонь жарко, кашевары в белых колпаках. Тут же Вишняковский, затянутый на все ремни.

Командующий остановился, потянул носом:

- Аромат, Леонид Прокофьевич, а?

- Поедим - поглядим, - улыбнулся член Военного совета.

Сержанты сидят друг против друга, уминают из котелков украинский борщ. Немало их, ждущих очереди у кухонь.

- Как хлеб насущный? - громко спросил Гартнов.

- В достатке, товарищ генерал.

Хлопотливо подскакивает Вишняковский, застывает, держа руку у козырька. Он долго не может выговорить ни слова, выручает Бочкарев:

- На пробу приглашаешь?

- Так точно!

Командующий с лукавинкой в глазах:

- Не проведешь. Твой комполка хвастун, и ты туда же, а?

Генерал зыркнул на очередь и пристроился в ее конце. Впереди - сержант Баженов. Генерал сразу же спросил:

- Ты запевал?

- Запевал, товарищ генерал.

- Откуда такой взялся?

- Полтавский.

- Богатый край, щедрый и на людей и на хлеб.

Баженов протянул котелок - его очередь.

- Прими в напарники, а? - неожиданно напросился Гартнов.

- С удовольствием, товарищ командующий!

Пятидесятилетний генерал и двадцатилетний сержант, раскинув ноги, сидели глаза в глаза, дружно работая ложками.

-_ Черти!.. Я-то, старый вояка, поедываю неживую заморскую колбасу. Подполковник, возьми на довольствие!

- Продаттестат - и милости просим!

- Вот какой ты! Но обожди, с тобой разговор особый. А за хлеб и соль низкий всем поклон.

Два генерала и я уселись в холодке. Командующий распахнул китель, в зубах у Бочкарева соломинка, он ее перебрасывает то в одну сторону, то в другую.

Генералы переглянулись. Командующий застегнул китель на две пуговицы, насупившись посмотрел на меня. Я хотел подняться, но он приказал:

- Сиди!.. Из каких запасов свежее мясо?

- Все законно, товарищ генерал.

Командующий погрозил пальцем:

- Я тебе покажу "законно"! Армия на консервах, сухарях, а у него райская жизнь, скажите пожалуйста! Докладывай, откуда твое богатство?

Рассказ мой уместился в ладошку: подбираем дохлых лошадей, варим мыло, мыло меняем на продукты.

- Колхозы раскулачиваешь? - настаивает Бочкарев.

- Обмениваемся с частным сектором...

- "Сектором", слово-то какое выколупал! Нет частного - война! Партизанская самозаготовка, и даже без спроса. И вообще... Самогон гнали? Сам комполка побывал на поминках...

Меня глушили, как рыбу гранатами, вот-вот всплыву наверх.

Бочкарев:

- На солдатах яловичные сапоги!

Гартнов:

- Вытурил из полка опытного начальника штаба... Не полк, а боярская вотчина!

Бочкарев:

- Не признает политсостав, всему сам голова!

Обида душила.

- Помалкиваешь? Как, Леонид Прокофьевич, будем на полку оставлять?

- Прикинем, подумаем...

Генералы снова переглянулись, поднялись. Идут к машине, я рядом, земля из-под ног куда-то уплывает. Неужели наветы Сапрыгина сильнее того, что видели генеральские глаза, слышали уши? Это же несправедливо...

- Не согласен, никак не согласен!

- С чем? - Командующий уставился на меня.

- С вашей оценкой жизни части. Хоть в военный трибунал - не согласен!

Командующий хлопнул меня по плечу, улыбнулся:

- А теперь скажи по секрету: откуда на сержантах яловичные сапоги?

- Полковника Роненсона упросил...

- Гм... Как это тебе удается? - Посмеиваясь, генералы уселись в машину, она рванула с места...

Я устал. Ах как я устал!..

* * *

Полк спит. На горизонте - малиновый солнечный диск: быть, наверное, ветру. На акации верещит одна-одинешенька кургузая птичка. Свистнул улетела. Пошел по лесной поляне. Призывное ржание, остановило. Нарзан, вытянув шею, скосил на меня глаза.

- Здоров, дружище.

Он фыркнул, бархатистые губы умостились в моей раскрытой ладони.

- Подсластиться хочешь? У меня, брат, одна горечь. Мне нужна шагистика да дыры в черных мишенях... А ты как думаешь? Головой мотаешь, жалуешься, что и тебя замордовал. Вон как бока твои подзапали. Что ржешь?.. Покажи-ка зубы... О, ты стар, как и твой поводырь Клименко. По твоим лошадиным годам - полная отставка. Вот погоди, дружище, перемахнем границу, я и тебя и Клименко на гражданку. Топайте себе в мирную жизнь, в колхоз. Еще поработаете. Верно ведь?.. За вами и я подамся... Только куда? Есть в одном городе домишко на окраине, а ключей вот мне не оставили. И бог знает где сейчас хозяйка...

- Константин Николаевич! - окликает меня Рыбаков, подходит, крепко жмет руку. - Как ты?

- Более или менее...

- Мне не спалось. Куда ты исчез после смотра?

- Бродил. Свежим воздухом дышал.

- Ну, что там генералы?

- По головке погладили!..

Высокого роста майор с пустым левым рукавом, конец которого засунут в карман кителя, вошел в землянку.

- Не помешаю? - спросил очень уж по-граждански.

- Садитесь, гостем будете.

Он сел, правой рукой достал из кармана брюк домашней белизны носовой платок, вытер лицо, улыбнулся - глаза восточного разреза, с лукавинкой.

- С кем имею честь?

- Майор Татевосов Ашот Богданович, назначен на должность начальника штаба вверенного вам полка.

- Вы? - Невольно посмотрел на пустой рукав.

Майор улыбнулся, мелкие морщинки густо набежали на загорелый лоб.

- Понимаете, домой гнали. Как - домой? С Перемышля до Волги, с Волги сюда, Румыния под носом, а меня - домой. Справедливо?

- Садитесь, Ашот Богданович. И меня вытуривали. Значит, мы два сапога пара!

Он обнажил белые зубы:

- Очень хорошо - мы два сапога пара.

- Так с прибытием, Ашот Богданович.

- Скажите, что такое запасный полк - какой цвет, какой вкус?

- Поживете - попробуете. Всего не расскажешь, но кое-что все же послушайте.

И за своими словами я видел Сапрыгина, холящего телеса под штраусовский вальс, бесконечный строй парнишек, Петуханова, лежащего в июньской траве ничком. Но странно - я разглядывал пережитое будто со стороны. Пришло желание высвободиться от ежедневной напряженной жизни... Внутренняя пружина, которая гнала меня от одного дела к другому, сейчас ослабевала.

Не знаю, может, причиной самовысвобождения был человек с сабельно-острым носом, которому легко говорилось о том, о чем вообще никому не собирался рассказывать; может, потому, что он слушал, как слушают дети, не избалованные откровенностью взрослых. Что-то в нем было распахнуто настежь.

- Ах, какая беда! - Он вскинул здоровую руку, вскочил, заходил по комнате. - Стреляю из пушки, из автомата, умею при самом трудном бое держать связь... Что еще умею, а?

- Садитесь. Покурим...

Поглядывая друг на друга, крепко затягиваясь, дымили.

- Разрешите, товарищ подполковник? - Вошел капитан Карасев, худой, синегубый, глотающий соду, глядящий на мир

уныло - уж такой характер.

- Вот наш помначштаба, - сказал я Ашоту. - Все грехи - в его гроссбухах. Капитан, представляю вашего непосредственного начальника майора Татевосова Ашота Богдановича. Любите и жалуйте.

Карасев не улыбнулся, посмотрел на Ашота и как заведенный спросил:

- Как прикажете сообщить родным о смерти старшего лейтенанта Петуханова?

- А как вы думаете сообщить?

- Думаю... Все-таки трибунал...

На лице Ашота я заметил нетерпение.

- Ваше мнение? - спросил я, обращаясь к нему.

Он вскинул руку.

- Зачем семье страдать? Послать солдатскую похоронку.

Карасев повернулся ко мне, в глазах вопрос.

- Вы не поняли решения начштаба или не согласны с ним? - спросил я у него.

Ашот с удивлением смотрел в спину уходящего помначштаба.

- Ба... какой сердитый!

- Он работяга и думающий офицер. На него можно положиться...

- Прошу двое суток на знакомство со штабом полка.

- Сутки! Нужно немедленно сформировать боевой полк, обучить, обстрелять.

- Сколько у нас на это дней?

- Сам бог не знает, наверное.

- Понимаю!

* * *

На следующий день в полковом штабе все задвигалось, закачалось, заволновалось. Служивые писаря спинами обтирали глинобитные стены старой украинской хатенки, лупя глаза на низенькую дверь, за которой сидел "безрукий" и решал судьбу каждого из них. Одни выскакивали от него, словно оглушенные взрывной волной, растерянно искали помощи, бросаясь от одного штабного офицера к другому, а другие - с жесткими складками на лицах, собранные, готовые беспрекословно подчиниться своему начальнику штаба.

* * *

...Идем "трясти" вишняковские команды. Нас сопровождает молоденький лейтенант в новеньком кителе, сапожках, в лоск прилизанный, - начальник вещевого довольствия. Заладил одно: "Виноват!"

- Другие слова знаешь? - спросил Татевосов.

- Виноват, знаю!

- Веди в портняжную.

- Виноват, что касается мастеров, отбирал лично сам майор товарищ Вишняковский.

В бывшем просторном амбаре немца-колониста прорублены высокие окна. Столы, а за ними солдаты: кроят, шьют, утюжат. Нас встречает небольшого роста кругленький губастый старшина.

- Мастера! - командует он.

- Пусть работают. Как живется-трудится? - спрашиваю я.

- Дела, как у старого башмачника, товарищ подполковник: есть молоток нет шпилек, есть шпильки - дратва гнила...

На вешалках кители, гимнастерки. На столах наметанные раскрои, и, похоже, из дорогого заморского сукна.

- Кому?

- Мы не имеем права знать. Мы шьем тем, у кого личная резолюция самого товарища майора.

- Покажите эти резолюции.

Старшина переминается с ноги на ногу, смотрит на лейтенанта, на лице которого, кроме готовности еще раз сказать "виноват!", ничего не прочтешь.

- Старшина, повторить приказ?

- Никак нет, товарищ подполковник.

Он неохотно протягивает мне замусоленную папку. Я беру ее, раскрываю бумаги, бумаги, на многих следы машинного масла. "Дорогой Валерий Осипович! Я думаю, что и на этот раз не откажешь в пустячной просьбе. Прикажи, пожалуйста, сшить три кителя и шесть пар портков подателям сей записки. Навеки твой, Иван Копалкин". Или: "Слушай, ты, мудрец. Сваргань нужному человеку сапоги с высокими халявами, а еще брюки по-кавалерийски обтянутые кожей. Твой рыжий". Резолюция Вишняковского: "Старшине Артему Пыпину. Сшить! В. В.".

Татевосов качает головой, кончик носа у него бледнеет.

- Старшина Пыпин, вы хорошо из винтовки стреляли?

- Я закройщик, меня Крещатик на руках носил. Стрелял я только по голубям из рогатки.

- Ничего, научим! - Татевосов резок.

Тыловиков выстроили во взводную колонну.

* * *

Чуть свет едем к генералу Валовичу. Ашот зевает.

- Не выспался? - спрашиваю.

- Тут у меня слабинка, понимаешь. Дрыхну - хоть из пушек пали.

- И на гражданке так?

- Не поверишь - всем кланом будили...

В домике генерала даже воздух наэлектризован. Ждем в крохотной приемной. К Валовичу заходят усталые штабные офицеры и, не задерживаясь, спешат к своим рабочим местам. А то забежит запыленный с головы до ног порученец. Ашот шепчет:

- Дело на мази.

- А у нас худо, боевую обкатку не прошли.

- Будем просить, будем уговаривать, - успокаивает меня Ашот.

Ждем второй час. Генеральский адъютант обнадеживает:

- Непременно примет.

Правильно говорят: штабисты выигрывают или проигрывают бой до его начала. Судя по напряженному генеральскому лицу, по твердому его взгляду и решительным жестам - он как-то уж очень быстро спрятал оперативные карты, которые лежали на столе, - тут проигрывать не собираются.

Валович откинулся на спинку венского стула:

- Что нужно?

- Прошу придать на день-другой артиллерию, танковую группу и разрешить совместное учение с боевой стрельбой.

Генерал погладил бритую голову, чихнул.

- Где, когда?

- За Просуловом, пять километров восточнее лагеря.

- Не разрешаю. За каждый выстрел отвечаешь головой. В тылу тишина. Запомните - тишина!

- Обкатка необходима, - вставляет слово Ашот.

- Согласен. - Генерал достает карту. - При тебе, подполковник, двухверстка? Разворачивай. От Просулова веди линию на север до отметки сорок восемь и семь десятых. Нашли? Тут можете пострелять сколько душе угодно.

- Там тылы другой армии и даже другого фронта, товарищ генерал.

- Это уж наша забота. Танки не дам, а с артиллерией так: свяжитесь с командиром Шестой бригады РГК и с командиром Двести тридцать четвертого иптаповского{1} полка. Они жаждут взаимодействия с пехотой. Все!

...Мы пробились через скучные заросли ивняка и вышли на поле с пологим скатом в нашу сторону, напоминавшее правый берег Днестра. Струи воды стекали с плащ-палаток - только что отбарабанил дождь. Начштаба Татевосов откинул капюшон, осмотрелся.

- По-моему, то, что надо нам, товарищ подполковник.

- А как артиллерия? - спросил я у командира гаубичного полка РГК.

- По мне что ни хата, то и кутья, - стреляю с закрытых

позиций. Что скажет мой собрат по оружию? - Он кивнул на командира иптаповского полка майора Горбаня.

Горбань, с ног до головы закутанный в плащ-палатку, посмотрел на небо, будто там и была самая главная позиция для его шустрых пушек. Покосился на всех и промолчал.

- С тобой не соскучишься. - Полковник-артиллерист подтолкнул Горбаня в бок.

Мы тщательно выбирали поле для учения с боевой стрельбой. Еще раз согласовали взаимодействие и решили к рассвету сосредоточиться на "позициях".

...Полевой телефон связывал меня со всеми подразделениями полка, а рация - с артиллеристами. Торопится минутная стрелка. Рыбаков, присев на корточки, поглядывает на меня. Его волнует мое решение: я приказал пехоте идти за огневым валом, держа минимальную дистанцию от него - метров сто. Он умолял:

- Может, двести, а? Черт его знает, как стреляют эти пушкари...

- А ты у них узнай, Леонид.

- Узнаешь! Один хвастун, другой молчун...

Я еще раз в бинокль рассматриваю поле - ни души; подразделения хорошо замаскировались.

Рыбаков делает еще одну попытку:

- Увеличьте дистанцию, христом-богом прошу!

Ашот смеется:

- Как говорит цыган: небитый - серебряный, битый - золотой!

Минутная стрелка приближается к двенадцати... Я швыряю в небо красную, затем синюю ракеты. И все поле сразу же вздрагивает от рева семидесяти пяти орудий - от полковой пушки до гаубицы РГК.

Снаряды ложатся все ближе к "переднему краю". Огневой вал плотнеет, выравнивается, становится сплошной стеной.

Десять минут дрожит древнее поле, потом я, прижимая телефонную трубку к уху, командую:

- Первый, в атаку!

- Есть! - Это голос комбата Шалагинова.

Захлебываются станковые пулеметы, а черная завеса над "передним краем" растет, растет...

- Пошли, пошли! - кричит кто-то рядом.

Я вижу первую цепь - изломанную, кое-где разорванную.

- Первый! Что они у тебя, кисель хлебают? Перебьешь людей! Выравнивай!

Слежу в бинокль: комбат Шалагинов выскакивает с наблюдательного пункта, от него связные бегут в роты.

Приказываю артиллеристам:

- Перенести огонь на сто метров в глубину!

Огневой вал медленно-медленно начинает уходить дальше, а первая цепь пехоты, ускоряя ход, "штурмует" вал. За ней идет вторая, черновская.

В считанные секунды артиллеристы меняют прицел, и снаряды ложатся между первой и второй цепями.

Напряжение нарастает. Все бинокли - на атакующих.

- Молодцы артиллеристы! - кричу от души.

Майор Горбань молчит, и не понять, доволен ли он работой своих пушкарей, которые лупят прямой наводкой и с завидной быстротой меняют позиции, таща орудия на себе. Он временами лишь что-то бубнит в телефонную трубку.

- Ур-ра-а-а! - разносится голос пехоты.

- По своим бьете, слышите?! - вдруг заорал Рыбаков.

Вижу в бинокль: снаряд разорвался метрах в тридцати от второй цепи. Связываюсь с командиром гаубичного полка:

- В солдат швыряешь снаряды!

- Это твою пехтуру заносит!

Замполит настойчиво просит:

- Прекратите учения, слышите?

Я в трубку:

- Астаховцы, вперед!

Солдаты Астахова идут сомкнуто, словно это убережет их от случайного снаряда. Сам комбат по-журавлиному вышагивает впереди. Надо ему за это всыпать!

С дальнего поста воздушного наблюдения докладывают:

- Курсом сто восемьдесят пять, на высоте четыре тысячи метров немецкий разведчик.

- Унюхали, сволочи! - Ашот вскинул голову.

Высоко-высоко в небе блеснули крылья вездесущей "рамы".

Командую:

- Отбой!

Сразу же пресекается огонь, лишь смрадный дым ползет над учебным полем. Замполит протягивает мне телефонную трубку:

- Докладывает Чернов, что в его батальоне легко ранили двух тыловиков... Я же предупреждал!..

- Проследи, - говорю ему, не беря трубку, - чтобы их вовремя отправили на медицинский пункт.

- И это все? - Рыбаков смотрит мне в глаза: ждет раскаяния, что ли?

- Дорогой Леня, - Ашот дружески подтолкнул его, - я понимаю твои заботы, но зачем сейчас на мозги давишь? Сам видел, как батальоны выполняли задачу. Как шли за огневым, валом, а?

Рыбаков шмыгнул носом. Это мальчишеское шмыгание заглушило во мне те резкие слова, которые хотелось сказать; ему.

- Иди-ка, Леонид, к Чернову и во всем разберись... Сам знаешь как.

В КП вошел майор Горбань, по-прежнему закутанный с ног до головы в плащ-палатку, уселся подальше ото всех и запалил махру. Вот кто заслуживает похвалы. Его солдаты дружно облепляли свои длинноствольные пушки и, как муравьи, что тащат ношу в десять крат большую, чем они сами, волокли; их по крутым склонам.

- Спасибо, майор Горбань.

Он пожал каждому из нас руку и сел в свой "виллис".

- Веселый человек, - усмехнулся Ашот.

25

Далеко на севере - в Белоруссии - гремели фронты. Там окружали дивизии и армейские корпуса немцев. Москва салютовала наступавшим частям и соединениям. В сводках Информбюро - новые города и новые направления. Вспыхнули жестокие бои у Вислы, а позже за Вислой - на Сандомирском плацдарме. Только наш 3-й Украинский фронт от Григориополя до Черного моря прилип к Приднестровью, обжился в удобных окопах, выше головы зарылся в землю.

Здесь над фронтом густела тишина, в садах алел шафран, остро пахло шалфеем. Тишина была августовской, когда палят стерню, поднимают зябь, снимают ранний виноград, когда под яблонями вянет падалица... Одинокий коршун плавно кружит над древними скифскими курганами, а степь под его крыльями лежит перезрелая, усталая от плодородия. Вот эту самую степь, на которой пылятся наши дороги, где мы солдатскими лопатами перебросали с места на место миллионы тонн ржавой приднестровской земли, много веков назад топтала восьмисоттысячная армия персидского царя Дария. Утомленный бесплодной погоней, Дарий умолял скифского царя вступить с ним в битву: "Странный человек! Зачем ты бежишь все дальше и дальше? Если чувствуешь себя в силах сопротивляться мне, то стой и бейся, если же нет, то остановись, поднеси своему повелителю в дар землю и воду и вступи с ним в разговор". Скифский царь отвечал: "Никогда еще ни перед одним человеком не бегал я из страха, не побегу и перед тобою; что делаю я теперь, то привык делать и во время мира, а почему не бьюсь с тобой, тому вот причины: у нас нет ни городов, ни хлебных полей, и потому нам нечего биться с вами, страшась, что вы их завоюете или истребите. Но у нас есть отцовские могилы: попробуйте их разорить, так узнаете, будем ли мы с вами биться или нет..."

За Днестром в 1944 году у немцев было столько же солдат, сколько было их у Дария. Окопались, ждут...

Ждем и мы. Нет скирды - а их раскидано бог знает сколько, - под которой не затаился бы наш танк. Свернулись армейские и фронтовые госпитали, под прикрытием темноты двинулись к самому Днестру. А ночью на Днестровской переправе на первый взгляд тише, чем днем, даже махонький огонек не блеснет. Кажется, что все спит и комендант видит третий сон. На самом деле льется здесь в три ручья солдатский пот. Уже за километр до реки машины выключают моторы. Толкают их солдатские руки.

Команда еле слышная:

- Раз-два, взяли!

Тащат машину по выщербленному настилу моста, тужатся, выталкивают на тот берег в кусты, а то и подальше - в лес. Машина за машиной, а меж ними скользящие, тяжело дышащие тени: артиллеристы несут на плечах снаряды до самых позиций, накапливая боекомплект за боекомплектом.

Меня срочно вызвали к командующему.

Дежурные офицеры направили мою машину куда-то за поселок, на четвертом километре остановили. Майор с повязкой на рукаве придирчиво сличал мое лицо с маленькой фотокарточкой на первой странице офицерского удостоверения, посмотрел в свой список.

- Машину остановите под кленами, а сами шагайте от маяка к маяку.

Через каждые сто метров - офицер. Снова проверка документов.

Иду долго, прохожу кустарник и оказываюсь на широкой поляне, прикрытой сверху кронами старых дубов. На свежих сосновых скамейках - генералы, старшие офицеры.

Кто-то тянет меня за рукав:

- Садись, комполка.

Генерал Епифанов, комдив, радушно принимавший пополнение за Днестром.

- Здравия желаю, товарищ генерал.

- Ну и поджарили вас! Слушайте, по знакомству подбросьте-ка мне полсотни сержантов, - толкнул он меня в плечо.

- Мы за каждым сержантом сами гоняемся.

- Вымели, значит, начисто? Жаль. Тимаков, пойдете ко мне на полк?

- С удовольствием, да хозяин не пустит.

- А просился?

- Боюсь даже заикнуться.

На поляне затихло - появились командарм и генерал

Бочкарев, потом начштаба Валович со свернутой картой. Мы поднялись. Командующий взмахом руки велел нам сесть, а сам посмотрел поверх голов:

- Комендант?

- Здесь комендант!

- Обеспечение?

- На триста метров вокруг ни души.

- Всё. Идите и сами за линию. - Командарм оглядел нас каждого в отдельности. - Товарищи командиры соединений, отдельных частей, начальники служб, - наступление!

Вздох облегчения: наконец-то! Командарм степенно продержал:

- Где, когда, кто и как - узнаете в положенное время, в положенном месте. О противнике. - Он подошел к карте, которую успел развернуть начальник штаба. - Внимательно приглядитесь. - Он кончиком указки очертил позицию за Днестром... - Решается судьба Балкан, судьба сателлитов врага Румынии, Венгрии! - заканчивал командарм. - Возможно, противник не верит в нашу наступательную силу. Сколько можно наступать! Наступлениям нет конца! Мы, по его расчетам, должны выдохнуться... Есть немало доказательств тому,, что противник, ожидая наступления на нашем фронте, недоучитывает его мощи, считает: у него достаточно сил, чтобы не пустить нас дальше Прута и Дуная...

Я возвращался в полк, вспоминая генеральскую карту, старался зрительно представить местность, на которой развернется сражение, может быть одно из величайших в этой гигантской войне. Леса, дороги, холмы, города, поселки. Странный рельеф - противник почти всегда будет над нами. Это его преимущество. Но мой партизанский глаз видел и кое-что другое: буераки, балки, перелески - есть свобода для внезапного маневра усиленных подразделений.

По приказу генерала Валовича наш полк форсированным маршем подошел к главной переправе через Днестр и рассредоточился в прибрежном районе вправо и влево от дороги. От моего наблюдательного пункта, с которого хорошо проглядывается во всю глубину Кицканский плацдарм, в батальоны и спецподразделения потянулась телефонная связь. Полк окапывался по линии, лежавшей вдоль Днестра.

26

Душные августовские ночи с ароматом вянущих трав стояли над позициями. С деревьев в окопы падали перезрелые яблоки.

Несмотря на тишину и кротость небесного купола с круглой, картинной луной, невозможно было изгнать навязчивую мысль, что смерть и жизнь уже стоят с глазу на глаз. Хотелось, чтобы все

началось как можно скорее, но проходила еще одна ночь - и новый день приносил лишь прежнюю тишину и прежний покой. В топях на том берегу Днестра квакали лягушки, на пустых дорогах шальной ветерок взвихривал пыль, рассеивая ее по степи.

В десять часов утра 19 августа 1944 года узнали, что наступление назначено на завтра.

Солнце, как и вчера, катилось по знойному небу, на позициях - наших и немецких - шла обычная перестрелка. Но теперь время мчалось на всех парах. Ночь подкралась внезапно. Никто не спал: на наблюдательных и командных пунктах, на артиллерийских позициях и полевых аэродромах, в окопах и землянках тысячи офицеров еще раз уточняли ориентиры, стыки между частями, сигналы взаимодействия различных родов войск; солдаты писали письма. Кто тайком уговаривал судьбу, молясь богу, кто менял белье... Что же готовит завтрашний день?

Наш запасный полк вкапывался в землю на левом берегу. Я обошел батальоны и долго стоял, вглядываясь в Заднестровье, - хотел предугадать, когда же грянет артиллерийско-бомбовый удар по немецким позициям. Но там, как и вчера, шла обычная пляска сигнальных ракет, вспыхивала редкая перестрелка; на переправе - безлюдье.

- Распластался на земле, еще не остывшей от дневного зноя. И река и кусты на берегу были залиты густым лунным светом и казались неживыми. Сейчас у меня не было той отчаянной занятости, которая еще вчера и позавчера захлестывала. Теперь время есть и подумать, но мозг мой будто заключили в панцирь, через который не просачивалась ни единая живая мыслишка. Гулко стучит сердце - отдается в висках. Пытаюсь вернуться к прошлому, к чувствам, которые владели мною у материнской могилы, на полустанке, откуда открывались мглистые дали Пятигорья, и на берегу Кубани, где стоял я у дуба с выжженной сердцевиной.

Кто-то приближался ко мне.

- Ты, Ашот?

- Это я. - Рыбаков улегся рядом. - Ну как, командир?

- А черт его знает... Будто на полном ходу с седла выбросился...

- Ты? Удивительно... Что-то сегодня у всех не так, как вчера. Ходил из окопа в окоп и людей не узнаю. Даже самые шумливые попритихли.

- Так всегда, Леонид. Бывало, в партизанской землянке допекают друг друга - кажется, и врагов злее нет. А в засаде из смертельного огня один другого вытащит.

- А верно!.. У моего бати присказка была: "На межах - до

грани ссоры да брани, а волка гуртом бьют"...

Над нами бесшумно планировал самолет, казавшийся гигантской ночной птицей. Мы следили за тем, как он со снижением шел на восток. Рыбаков сел по-турецки.

- И я вроде сам себе чужой... Как бы с лету в яму не угодить.

- Перескочишь, замполит.

- Дай-то бог!..

- Я малость вздремну, Леонид, а ты присмотрись-ка к медикам - как у них там?

Он скрылся за кустом можжевельника, а я еще постоял на берегу, потом шагнул в сторону землянки и... замер: ночная тишина раскололась на тысячи кусков, на землю и небо обрушились гул и рев такой страшенной силы, что берег под моими ногами закачался.

Началось!

На левом фланге плацдарма что-то запылало. Густые полосы огня бегут на запад и, кучась, поднимаются багровой стеной. Гулкая горячая волна с Днестра размашисто катится в степь, за ней еще одна, еще...

Пушки бьют впереди, слева, справа, даже из-за спины летят горящие стаи реактивных снарядов.

Ровно двадцать минут грохочет ночь, разрываясь на части, а потом внезапно затихает, лишь воздух перенапряженно дрожит.

Взлетают в небо ракеты, и через считанные секунды доносится приглушенное расстоянием солдатское "ур-ра". Ночная атака? Солдатский крик заполняет пространство с левого фланга до самых болот.

На линии немцев густеют вспышки выстрелов, стаи трассирующих пуль летят на нашу сторону. Я улавливаю басовитый язык пулеметов "МГ-42".

"Ур-ра-а" еще кричат, но тише, тише, тише... А пулеметный перестук у немцев набирает силу, в небо вплетается ухающий гранатный перекат, словно по мокрой ухабистой земле волокут только что сваленные деревья.

Полностью умолкает артиллерия, и на плацдарм возвращается прежняя тишина. Но оживает переправа: крики, лошадиное ржание, вой моторов, надвигающиеся с того берега.

Спускаясь к реке, останавливаю первую попавшуюся пароконную повозку:

- Старший есть?

- Вроде я - ездовой.

- Что там, на левом фланге?

- Наши пушки дюже по ихней стороне молотили, значит. А как пошли мы в атаку - мать честная! Ждали, гады...

- Оборону-то прорвали?

- Куда там, не подпустил фриц, вот какая штука. Пшел! - стеганул кнутом: лошади натянули постромки.

Еще повозки, санитарные машины. Многовато раненых. Что же там надумали? Ночная разведка боем?

Бежит ко мне Ашот:

- Захлебнулась атака?

- Пока не ясно.

Идем в землянку - поближе к телефону.

Ашот зажал подбородок единственной рукой, потом рубанул ею по воздуху:

- Что мы гадаем? У Толбухина какой запас, знаешь?

Входит помначштаба капитан Карасев, докладывает:

- Вас ждет на проводе Четвертый.

Беру трубку:

- Двадцать первый слушает.

- Семья на месте? - Голос у Валовича спокойный, обыденный.

- Так точно.

- К утру двадцать второго со всеми потрохами быть в моем доме.

- Через порог не пустят, товарищ Четвертый.

- А ты проскочи!

- Понятно.

Ашот прислушивается к интонации моего голоса.

- Порядок? - Весь подался ко мне.

- Валович в норме.

- Хорошо! Ночная разведка боем, не более того.

Я понемногу успокаиваюсь; прилег и сразу же крепко засыпаю. Сплю без сновидений. Открываю глаза_день и... тишина.

- Проспал? - вскочил на ноги.

Ашот недовольно махнул рукой:

- Седьмой час, а молчок. Когда же начнется, командир?

Странно: приказа об отмене решающего наступления не было. Может, он до нас не дошел?

Вдали, на плацдарме, купол монастырской церкви. На нем играет солнце, и видно даже, как голуби летают. Начинался зной; на дороге, спускающейся к переправе, поднялся смерч, кружась двигался к Днестру, но не дошел - угас, лишь медленно кружились над землей обрывки бумаги.

Я пошел к берегу, выбрал удобное для наблюдения место, поднял бинокль... Ей-богу, ничего за ночь не изменилось, кроме леса на левом участке - он потемнел и еще дымил.

Пришел с судочками Касим, расстелил на сухой траве салфетку.

- Кушать надо, командир.

Неожиданно над нашими головами послышался пронзительный, какой-то скулящий визг. Инстинктивно распластались на земле. И тут же ахнуло одновременно с берега, на плацдарме и в степи за спиной. Все вокруг начало окутываться густым дымом и исчезало из поля зрения. Видимой осталась часть неба, где в несколько этажей шли на запад самолеты: звеньями, эскадрильями, целыми полками.

Звуки слились, ощутимо вздрагивала земля, не столько услышал, сколько почувствовал уханье тяжелых гаубиц. Сериями летят на запад огненные "сигары" - бьют реактивные установки. Взрывы десятков тысяч снарядов и авиационных бомб сжирали кислород, и вскоре трудно стало дышать. Ткнулся лицом в землю, хватая запекшимся ртом пропитанный пороховым угаром воздух. Грохот, треск продолжались целую вечность, земля качалась, как палуба в зыбком море. Артиллерийско-бомбовый удар длился пятьдесят минут, затем оборвался, и глухая тишина показалась куда страшнее кромешного ада.

- Начинается атака! - заорал Ашот, ударив кулаком по земле.

Гул надвигался исподволь, будто из глубины земли. Снова надрывно заголосили батареи, бросая теперь снаряды в глубину немецких укреплений.

- Идет пехота! - Ашот приложил ладонь к уху. - Точно, пошла, матушка!

Я не слышал криков атакующих, но как-то ощущал движение на линию немцев и то, как пехота вклинивается в оборону, - после такого артиллерийско-бомбового удара там, у немцев, не должно быть ни одной живой, огневой точки. Уже пора идти танкам. Жду: вот-вот завоют моторы и залязгают гусеницы. Ну!

Что-то случилось. Может, я оглох? Нет, хорошо слышу, как наши пушки молотят второй эшелон врага. Но почему так близко рвутся снаряды? За монастырской стеной черные фонтаны земли.

- Беда! Яман-беда! - закричал Касим.

Немецкие пулеметы и пушки усиливали удар, вся линия нашей обороны в огне и дыму. Метрах в ста снова рявкнули наши гаубичные батареи; в воздухе стало темно от самолетов; штурмовики летели на запад низко-низко, задевая, казалось, верхушки деревьев; визг реактивных снарядов дошел до критической точки и уже слухом не воспринимался. Да что за чертовщина!

Полная глухота. Лишь зрением улавливаю все происходящее и догадываюсь, что наш фронт начал еще один артналет.

Устав от всего, не уловил момента не ложного, как в первом случае, а настоящего переноса огня в глубину линии вражеской

обороны, не понял, когда пехота пошла на штурм.

* * *

Танки входили в прорыв, лязгом и воем заглушив все другие звуки. За танками пошел конный корпус, потом покатила мотопехота, а за нею еще танки, танки. Переправа дугой прогибалась от тяжести мощных машин, ни на минуту не оставаясь свободной.

Появились первые раненые, наперебой и возбужденно рассказывали о ложной атаке. Солдат, вышедший из боя после ранения, охоч на слово. Черноглазый сержант, с рукой, наспех уложенной в лубок, с подсохшей кровью на гимнастерке и брюках, возбужденно рассказывает:

- Ну и смехота, елки-палки!.. Обдурили фрицев, как ягнят. Как заорем "ур-ра", а сами ни с места!

Санитар, сопровождающий, перебивает:

- Да не так, кореш. Как наши, значит, огонь в глубину перенесли, тут и показали чучела.

- Ты был, да? Ты соображаешь, тюха-матюха! Не показали, а двинули вперед по ложным проходам. Ну и умора, как зашпарили они по чучелам ошметки летели!

- Во-во, тут-то их снова и накрыли наши.

- И амбец! В окопе одного гада только и нашел, так он в упор, подлюка, - и тр-рах! - кивнул на лубок.

Десять тысяч чучел было "поднято в атаку". Их двигали на немцев по заранее подготовленным и замаскированным траншеям. Противник все, что сумел сберечь от первого артналета, бросил на передний край. Тут-то наша артиллерия и штурмовая авиация смешали все живое с заднестровской землей!..

Слежу за переправой - уже скоро вечер, а потоку войск не видно конца. Идут полки резерва Главного Командования, машины с боеприпасами...

Наши батальоны замерли и ждали сигнала на марш на тот берег. Они хорошо скрыли себя, даже комендант переправы не подозревал, что под носом у него сосредоточился целый стрелковый полк, который, напружинившись, ждет момента, чтобы броситься на тот берег. На рассвете я подошел к нему, немолодому подполковнику, оглохшему и охрипшему. Он не понимал, чего я добиваюсь. А когда понял, попятился:

- Ты в своем уме?

- Мой полк должен быть к утру на позициях.

- У меня график, понимаешь? Сам командующий фронтом подписал, а ты лезешь... Ну что за народ! - Показал мне спину.

Я отошел в сторонку, но не спускал глаз с дороги, по которой

сползали к переправе машины, повозки. Около часа шли дивизионы гаубичного полка. И вдруг - никого, тихо! Я просигналил, и через минуту-другую батальон Шалагинова мчался на переправу рота за ротой.

- Астахов, давай!

Бежали солдаты, смыкаясь затылок в затылок, по деревянному, настилу тарахтели повозки.

Комендант застукал нас тогда, когда на том берегу были все три батальона, а на помост вступила полковая батарея.

- Кто позволил? - заорал он оглушительно и, надвигаясь на меня, стал вытаскивать пистолет.

В запале я схватил его за руку, выбил пистолет, который упал в воду.

- Ты?! Ко мне! - крикнул он.

Прибежали автоматчики, подхватили меня под руки, поволокли по мосту. Привели в полутемную просторную землянку.

- Товарищ уполномоченный командующего фронтом, разрешите доложить! обратился комендант к худощавому полковнику.

- В чем дело?

- Подполковник самовольно занял переправу! - О пистолете он умолчал.

- Как смели? Под суд отдам! - накинулся на меня уполномоченный.

- За что? Я воспользовался паузой и перебросил полк на тот берег.

- Откуда пауза? - Он повернулся к коменданту.

- Девяносто шестая танковая бригада запаздывает по неизвестным причинам, товарищ полковник...

- Тогда в чем дело, комендант?

- Мы оба виноваты, товарищ полковник, - говорю я.

- Идите - и чтобы через десять минут ни одного вашего солдата на переправе, ни одной повозки!

Вышел вместе с комендантом.

- Ты уж извини, виноват, - сказал я ему.

- Где это ты научился драться?

- Да ладно тебе, сказано - виноват.

- Не завидую твоим подчиненным...

С того берега набегал горький и влажный ветерок. Под копытами Нарзана сухо гремел настил...

Мы двигались за наступавшими частями. Деревья вокруг почернели от гари, на них ни листьев, ни плодов.

Попадались пленные. Они сдались сразу же после вторичного

переноса огня в глубину их обороны. На запад путь им казался страшней, чем к нам. Они медленно брели, немцы и румыны, с застывшим в глазах страхом.

Наступление продолжалось при тридцатипятиградусном пекле. Тысячи трупов лежали от Днестра до Селемета, который сейчас брался штурмом. Над ним стояло ржавое марево солнца и огня. Не счесть покалеченных и разбитых машин, уже обобранных армейской шоферней. А лошадей, лошадей... Бедолаги, позадирали мощные копыта в стальных подковах в небо...

Санитарная служба фронта падала с ног от усталости. Повсюду запах хлорки. Пленные румыны роют глубокие ямы.

А войска - на запад, на запад...

Сады, земля, дома, изуродованные шквалом огня. Рыжая, рыжее глины, пыль на дорогах.

Наши части ворвались в Селемет. Здесь оказался оперативный центр 6-й немецкой армии. Окрестности начисто изрыты, в добротных блиндажах ковры, домотканые рядна.

Танковые части выскочили на простор и уже завязали бои у самого Прута, а войска соседнего фронта вышли на реку севернее и захватили западный берег. Под угрозой окружения оказались главные силы группы армий противника "Юг".

Через день роты, батальоны, полки, всю нашу Степную армию облетела весть: за Прутом сомкнулись мотосоединения двух Украинских фронтов. 6-я немецкая армия, бывшая армия генерала Паулюса, снова оказалась в окружении. В гигантском котле на восточном и западном берегах реки - пять немецких корпусов. На юге, у Аккермана, одна из армий нашего фронта завершила ликвидацию главных сил 3-й румынской армии.

27

Нетерпение! То самое нетерпение солдата, когда кажется, что на главную битву не попадешь, что самые значительные события обойдут тебя.

25 августа в шестнадцать часов меня вызвали к Гартнову. Я прискакал к едва приметному домику, притаившемуся под древним корявым дубом, спешился и вошел в низкую комнатенку.

Командующий встретил улыбкой.

- Небось думаешь, на шапочный разбор?

- Никак нет.

- Ну и хорошо. Каждому свое дело и на своем месте. Садись, подполковник, кури, а я свяжусь, - Потянулся к полевому телефону.

Сел, а сердце мое - бах, бах...

Как сквозь ватные тампоны, доносится генеральский голос:

- Дай мне Семнадцатого... Ты? Еще раз здоров. Как там у

тебя?.. Да, я о ней знаю - авиаразведка подтверждает. Держись и смотри в оба. Фланг?.. Ты Тимакова знаешь? Ну и слава богу. Так вот, он будет у тебя. Всё. Командарм положил трубку, расстегнул ворот кителя - мелькнула белоснежная сорочка. - Подойди к карте, - позвал меня.

Оперативная карта испещрена красными и синими стрелками. Котел, в котором оказались полуразбитые немецкие дивизии, обведен жирной волнистой чертой. Он напоминал по форме яблоко с выпиравшим боком. Оттуда, из него, летели синие стрелы, но тут же загибались за фронтовую черту - обратно к себе.

- Контратакуют, - сказал командарм, кончиком карандаша обвел юго-восточную часть котла. - Здесь немцев держат полки генерала Епифанова, изрядно потрепанные. У него жидковат левый фланг. Но это еще не вся беда. Немцы группируются. Собрали кулак - до полка пехоты, остатки штабов трех дивизий с генералами во главе, танки и самоходная артиллерия. Отчаянные! На все пойдут...

- Ясно, товарищ командарм.

- Торопыга, слушай. Куда ударят - неизвестно, проясняется только общее направление - Прут. Там единственная переправа. Противник вокруг нее держит свежие части, танки. Значит, и прорываться будут туда, на переправу. Но... маршрут?.. Могут пойти вдоль однопутки, но это на юг, а им нужен запад. На запад дорога короче, но там лес, болотце. Думай. - Командующий отошел, подпер спиной бревенчатую стену, по-стариковски потерся о нее; стоя у открытого окна, закурил.

Я не отрывал глаз от карты, стараясь как можно подробнее запомнить обстановку; засек: на западе наши войска лишь севернее болотца, а там резко пересеченная местность, Куда пойдут немцы? Пока не ясно.

Командующий подошел ко мне:

- Ну?

- Позвольте решение принять на месте?

- А я его и не требую тотчас. Приказываю, - палец в левый фланг епифановской дивизии, - занять боевую позицию от отметки девяносто пять и шесть десятых до болотца. Сосредоточиться сегодня же к двадцати двум. Задача: удержать позицию, не выпустить из кольца ни одного вражеского солдата, разведать группировку и уничтожить ее. Придаю... Впрочем, узнаешь об этом в штабе генерала Епифанова. Тебя там ждут.

Трофейный "кнехт" шел вдоль заброшенной однопутки. Машина без амортизаторов, бросает - матушку вспомнишь.

Перескочили полотно дороги, и тут же нас задержал часовой.

Прибежал дежурный офицер, спросил:

- Подполковник Тимаков?

- Да, к генералу.

Шел за дежурным офицером, приглядывался. В стороне, возле разбитой железнодорожной будки, догорал бензовоз. От глубоких воронок несло тошнотворным перегаром.

- Бомбили?

- Недавно, тройка налетела, - ответил дежурный.

Вошли в землянку. Генерал Епифанов поднялся во весь свой большой рост, протянул ладонь, в которой уместились бы оба моих кулака.

- Ну вот, Тимаков, гора с горой... а человек с человеком - всегда... Располагайтесь. - Пожав мне руку, он дважды хлопнул ладонями. - Входите! пригласил своих офицеров и, позвав всех к столу, на котором лежала развернутая карта, начал вводить нас в обстановку.

Почему-то всегда ждешь, что тебе скажут обо всем и все. А на деле оказывается: получишь тютельку информации, а дальше уж сам соображай. Узнал не более того, что знал: дивизия стоит на месте, противник помалкивает, но что-то надумал. И всё. Позже, когда фронт стал мне понятен, как был понятен партизанский лес, я обнаружил некоторую закономерность: передний край трудно узнать через чье-то посредство, его можно познать лишь самому.

- В двадцать два ноль-ноль я снимаю с отметки девяносто пять и шесть десятых свой полк. К приему готов, подполковник? - спросил меня Епифанов.

- Два батальона рядом, у подножья отметки девяносто пять и шесть десятых, товарищ генерал.

- Вот и добро. Ну, еще что?

- Точнее о противнике.

- Загвоздка! Фашисты прикрыли тропы густым пулеметным огнем, носа не кажут. Группируются вот тут, у спаленного кордона. Контратакуют наверняка. Мы взяли одного гуся. Русский в немецкой форме. Говорит, что ночью двинутся. Куда - не знает.

- Что придается нам, товарищ генерал?

- Истребительно-противотанковый полк, гаубичный дивизион. Всё.

- А танки?

Генерал лишь руками развел:

- А если главный удар будет не на левом, а на правом фланге?

- По тактическим соображениям, удар немцев обрушится на наш полк!

- Посмотрим, посмотрим... А с танками решим так: будем держать их на нашем стыке. Вот все, что я обещаю.

Я понял - генерал не изменит решения. Под прикрытием сумерек наши роты двинулись на позиции.

Связной, присланный Ашотом, повел меня на полковой наблюдательный пункт. Он уже оборудован, между подразделениями установлена тройная связь: живая, телефонная, радио. Номера батальонов закодированы. Ну и Ашот, когда только успел? Он спокоен, нетороплив, и все здесь ему привычно - он в своей стихии. Связывается с комбатами, не повышая голоса, осаживает излишне горячащегося офицера.

- Дорогой, зачем так надрываешься, как мальчик бегаешь из окопа в окоп? У тебя есть адъютант, пошли его к самому переднему караулу, пусть послушает ночь. Много услышит - тебе скажет. Понял? Ай да молодец! - Он подошел ко мне с картой: - Наши караулы здесь и здесь. А этот, - кончик отточенного карандаша ложится на перекресток троп, - этот совсем под носом у кордона и слышит, как передвигаются машины, моторы на тихих оборотах...

- Меня интересуют артиллерийские позиции. Что успели?

- Противотанковые пушки смотрят на танкоопасные дороги, гаубичный дивизион - за насыпью, а его наблюдатели у Астахова. - Ашот убирает карту. Его черные, слегка выпуклые глаза говорят: ты, командир, думай о главном, а все остальное я беру на себя.

Главное. В чем оно? Что я знаю о противнике? То, что он накапливается на кордоне, готовит прорыв. Предполагают, что он ударит по отметке 95,6. Но решающий ли это удар? У немцев опытные генералы, они могут догадаться, где мы их ждем, могут продемонстрировать атаку, а основными силами пойдут на запад, через болотце. А почему бы и нет, когда стоит вопрос: жить или не жить? Теперь их окружают, и им нужны ущелья, пещеры, болота и самые глухие чащобы. Или немец и сейчас остается немцем? Ему прикажут прочесать лес метр за метром, но он глубокие ущелья непременно обойдет стороной, в пещеры не заглянет, будет жаться к дорогам, пусть едва намеченным, но все одно - к ним. Вот этой кровной привязанностью к "удобствам" ведения войны мы и пользовались в крымском лесу и выходили из положений, из каких выйти едва ли возможно.

На наблюдательном пункте собираются командиры подразделений и приданных средств.

Итак: куда ударят немцы?

Представь себя на месте того, кто командует силами противника, готовящегося к прорыву. У тебя пехота, пушки, танки, самоходные артиллерийские установки, обоз и раненые.

Высшее командование, с которым ты связан по радио, дает приказ: прорваться на Прут, на переправу, обеспечиваемую крупными ударными частями. Есть два выхода: или со всеми наличными силами двинуться на высоту 95,6, протаранить оборону и выйти на оперативный простор, или, уничтожив собственную технику, материальные склады, налегке двинуться через болотце - по наикратчайшей дороге - к переправе.

Перед тем как принять окончательное решение, ты используешь все средства и возможности, чтобы разведать, насколько сильна оборона противника в районе высоты 95,6. Ты располагаешь данными, положим, на двадцать часов ноль-ноль минут, Они в твою пользу: высоту обороняет стрелковый полк, потрепанный в бою, прикрытый огнем тридцати артиллерийских стволов. У тебя есть средства, чтобы смести с пути обороняющуюся часть и вырваться. Путь же через болотце - крайность, за него по головке не погладят, строго спросят за брошенное тяжелое вооружение...

Тут-то и напрашивается главный вопрос: знают ли немцы, что произошла пересмена частей, что оборону занимают теперь полнокровные стрелковые батальоны, оснащенные мощной артиллерией - противотанковым полком, дивизионом тяжелых гаубиц, минометами большого калибра?

Знает об этом противник или нет? Нет, надо иначе подойти к решению этого вопроса: мог ли узнать? Пересмена произошла под покровом ночи, значит, авиаразведка исключается. Перебежчика от нас к немцам не было, "языка" они не взяли. Остается слуховая разведка и визуальное наблюдение. Но мы соблюдали тишину и полную маскировку.

Вывод один: жди удара на южном направлении, то есть в районе от высоты 95,6 до болотца. Надо сдержать этот удар и заставить немцев двигаться через болотце!

Прикрывшись плащ-палаткой, направив узкий луч света карманного фонарика на карту-километровку, еще раз внимательно всматриваюсь в местность. Болотце... Через него не пройдет даже грузовая машина - топи. Здесь возможны лишь пешеходные тропы в сторону высоты 101,5. За ней три километра мелкого кустарника и - немецкая переправа. Высота, высота! Очень интересно... А что, если туда засаду, по-партизански, тайную, сверхсекретную? У меня даже сердце вздрогнуло от предчувствия исхода боя. Решение созрело!.. Я послал связного за замполитом и начальником штаба полка.

- На КП вас ждут, - тихо доложил Ашот.

- А ну-ка ныряйте под мою накидку оба!

Развернув карту, я выложил им свое решение.

- Не согласен! Нельзя оставлять целый батальон Шалагинова в вашем резерве. Мы распылим силы, и противник проткнет нашу оборону. Тогда догоняй его! - заявил начальник штаба.

- Константин Николаевич, - подал голос Рыбаков, - соображения Ашота Богдановича не лишены основания. Шалагинова в оборону, а в резерв достаточно две роты: разведчиков и автоматчиков.

- Ва, сообразил! - воскликнул Ашот. - Засада за болотцем? Категорически возражаю!

- Нам надо удержать то, что приказано удержать, - напомнил Рыбаков.

Я почувствовал на какой-то миг пустоту и собственную невесомость. Ладони стали холодными и мокрыми.

- Благодарю вас за откровенность. Мое решение остается в силе.

Я направился на НП, попросил всех выйти и послушать ночь.

На северо-западе над лесом поднялось высокое пламя, а где-то очень далеко перекатывались глухие артиллерийские удары. Под деревьями стоят лошади, всхрапывают, прядают ушами; их глаза тревожно поблескивают, отражая багровые отсветы.

Вернулись на КП. Я разрешил курить. Вполголоса переговариваются офицеры, кто-то нагнулся к телефонному аппарату, шепотом приказывает:

- Расчет второй на просеку, понял?

Комбат Чернов присел на корточки, исподлобья смотрят на меня его всепонимающие глаза. Капитан Шалагинов нетерпелив, часто снимает фуражку, во всей его фигуре чувствуется: скорее, скорее. Комбат Астахов - словно в учительской: очки на лбу, на коленях раскрытый планшет и сам - весь внимание.

Я начинаю тихо:

- Товарищи офицеры, прошу отыскать на картах отметки кордон и девяносто пять и шесть десятых. По данным авиаразведки, допроса пленного, по тому, куда нацелена немецкая артиллерия, противник атакует железнодорожное полотно с острием удара на девяносто пять и шесть десятых. Приказываю майору Астахову к двадцати четырем ноль-ноль полностью занять позицию на этой отметке. Вам придаю две противотанковые батареи, гаубичный дивизион, а в резерв - полковую роту автоматчиков. Цель: принять на себя удар врага, а потом контратаковать его. Ваш сосед слева - батальон капитана Чернова с приданными средствами.

Чернов поднялся покряхтывая, не спеша развернул карту; весь его вид будто умолял: не торопитесь, пожалуйста, дайте мне задачу, об остальном не ваша забота.

- Вам, товарищ капитан, - я подошел к нему поближе, - занять плотную оборону от отметки девяносто пять и шесть десятых вдоль лесной опушки до самого болотца. Но главные силы поближе к соседу справа, к Астахову. Особое внимание на лесную дорогу, ведущую на кордон. Ее прикрыть не только противотанковыми пушками, но и пехотой. Задача: противника из леса не выпустить, обеспечить контрудар майора Астахова. В дальнейшем перейти в наступление по моему сигналу. Вопросы есть, капитан?

Чернов долго смотрел на карту, потом спросил:

- А кто же за болотцем?

- Это уже не наша печаль... Всё, товарищи офицеры!

- А я, а мы? - всполошился Шалагинов.

- Пока останетесь здесь, в моем резерве. - Я посмотрел на часы. Прощу сверить время: на моих двадцать два шесть минут. Держать постоянную связь с НП.

Как только офицеры покинули КП, я приказал начальнику штаба:

- Срочно вызовите майора Вишняковского!

Татевосов не сразу ухватился за телефонную трубку. Он смотрел на меня, и весь вид его говорил: еще раз подумайте, я обязан подчиниться, но вы еще раз подумайте!

* * *

Вишняковский стоял за спиной Рыбакова, приготовившись к тому, что от него потребуют сейчас что-то такое, после чего света белого ему не видать. Я спросил:

- Сколько машин у вас на ходу, Валерий Осипович?

- Все двенадцать, товарищ подполковник.

- Усадите три роты?

Майорские глаза, до этого испуганные до белесоватости, теперь, когда их хозяин получил привычный, а значит, и спасительный приказ, будто по волшебству потемнели, в них блеснули два крохотных огонька.

- Усадим, товарищ подполковник!

- При подходе пошумите как следует.

- Я понял вас.

И Ашот и Рыбаков продолжали молча и с недоумением смотреть на меня.

- Ко мне капитана Шалагинова, - потребовал я.

Комбат вошел на КП и крикнул лихо:

- Я здесь, товарищ подполковник!

- Отлично. По приказу будь готов посадить батальон на машины и айда вот куда... Разворачивай карту. - Я показал ему на возвышенность, прикрывающую подступы к переправе через Прут.

- Ты это место займешь к рассвету. Твой путь туда будет таким: три километра на юг от нашего НП, только тихо-тихо, а потом поворот на запад, спешиться и бегом на север, на возвышенность. Окопаться, насколько это возможно, - и замереть. Подпустить немцев на автоматную очередь и расстрелять к чертовой матери.

- Они пойдут туда?

- Заставим пойти!..

* * *

Машина, подскакивая на разбитой дороге - едем на Отметку 95,6, сталкивала плечами меня и замполита. Он помалкивал, весь в тревоге. Впрочем, это можно понять - первый для него бой.

Переехали через железнодорожное полотно, остановились под насыпью. Нас встретил связной майора Астахова; пошли за ним, прислушиваясь к ночи.

Иду по незнакомому лесу, но мне он не кажется чужим. Я вижу солдат, орудующих лопатками, слышу их натужное дыхание. Как далеко от нас немецкие секреты? Никто не знает. Где-то, должно быть внутри котла, гудят машины. Чу, кажется, танки! Спрашиваю у Астахова:

- Разведал?

- Кое-что. Накапливаются южнее кордона, их полевые караулы в трехстах метрах от нас.

На Астахове мокрая от пота гимнастерка.

- Жарко?

Он промолчал.

Обошли позицию с востока на запад - всю... В моей станице строили ферму пришлые мужики, "иногородние" - называли их казаки. Они рыли котлован до того неторопливо, что думалось, конца никогда не будет. Однако шло время, работа потихонечку двигалась; пока суд да дело, а ферма уже и стоит готовенькая, глаз радует. Так и астаховские солдаты. Вроде едва руками шевелят, покряхтывают, а за час-другой, как кроты, всю высотку переворошили и по фронту и в глубину. Из землицы - бруствер, на бруствер - ветки.

Как правило, пожилые, бывалые солдаты просились к Астахову. В его ротах громкие песни не пелись, не шагали, вытянув носки, и земля под солдатскими ногами не ухала. Ходили они в обмотках, во всем казенном, с не ахти какой выправочкой. Стреляли без торопи, но в цель попадали, окопы копали в полный рост... Не службу несли - работали. Работали!

Астахов оставил в обороне половину батальона, а другую и приданную роту тихо спрятал за полотном дороги. Спокойствие комбата заражало, не хотелось покидать его участок. Выбрать бы себе местечко, зарыться поглубже в землю, и ждать своего часа.

Тут ждать. И не надо думать и гадать, куда будет направлен главный удар...

- Ну, Амвросий Петрович?

Астахов спрятал очки, одернул гимнастерку.

- Удержусь.

- Этого мало.

- Бой покажет, - задумчиво ответил майор.

- Могут ударить сильнее, чем мы ждем, Чем еще вам помочь?

- Ваш бы резерв поближе...

Я у танкистов, по пути завернул. Двенадцать машин, не остывших от дневного зноя. Почему-то вспоминается степь, ночь и в борозде "Челябинец".

Разыскал командира полка. Он оказался молодым разбитным майором, разговорчивым.

- Ну как я буду действовать без приказа генерала Епифанова - ему же придан! Понимаешь? Ты это понимаешь или нет?

- Ладно, тогда прошу об одном: припрет нас - пошуми танками и накрой огнем кордон.

- Это могу, но с места не сдвинусь!

- И за то спасибо. Сигнал - две красные ракеты.

- Я сговорчивый... Пехоте всегда помочь рад...

* * *

Вишняковский с машинами на подходе - моторы ревмя ревут. Во дает, сукин сын!

Немцы полоснули серией снарядов, как бы протестуя против неожиданной возни за отметкой 95,6, В ночи раскатились громовые звуки.

Рыбаков тронул меня за плечо, приглушенно сказал:

- Командир, главная музыка будет, наверное, тут. Ну его к лешему, это болотце! Давай шалагиновские роты к Астахову, а?

- Дорогой Леонид, нам надо вытянуть свой счастливый билет. Мы обязаны живых немцев повернуть на болото, под шалагиновские автоматы.

Рыбаков сделал рукой предупреждающее движение: мол, слушай, не перебивай.

- Если ты уверен, что немцы пойдут через болото, тогда мое место у Шалагинова. Значит, я с ними...

- Там возможна рукопашная.

- Как всем, командир!

- Что ж, боевого огня, Леонид! Учти - идешь на решающее место боя. Как говорят: комиссары, вперед!

Около тридцати стволов - разнокалиберных - одновременно ударили по 95,6. Ожил полевой телефон.

- Я Второй. - Это голос Астахова.

Стараюсь как можно спокойнее:

- Слушаю вас.

- Идут двумя сходящимися колоннами.

- Благословения просите?

- Понятно... Встречу...

Густо заголосили автоматы. На просеке, что правее 95 6 как кнутом стеганули - лес вздрогнул, заплотневший воздух стал в ушах колом. Послышался шум моторов.

- "Ольха"! - Продуваю телефонную трубку: это позывной командира иптаповского полка.

Отвечают:

- У аппарата начштаба.

- Я Первый. Где хозяин?

- Ихним коробкам ребра пересчитывает.

- Появились?

- Три штуки. Одна горит.

- А те?

- С опушки, как из подворотни, фугасными поплевывают.

- Чтобы ни на метр к нам!

- Принято.

С наветренной стороны ползут клубы дыма, через щели вползают в НП, становится душно.

Ашот зовет меня к армейской рации:

- Генерал Валович.

Микрофон у меня в руках.

- Слушаю, товарищ Четвертый.

- Началось?

- Шесть минут назад.

- Будет туго - бей в колокол. С воздуха подсобим. И держись!..

Рыбаков и Шалагинов ждут своего часа. Тщательно вытирает лоб замполит, спиной упершись в стену, с которой после близкого взрыва осыпается земля. А у комбата азартная жадность к драке, но выдержка - позавидуешь. Стреляный.

Вокруг НП едко дымящиеся воронки. Близкие отсветы - в лесу что-то разгорается. Снаряды с воем пролетают над нами и с треском рвутся.

Огневая стена не движется до поры до времени. Неожиданно правый ее фланг стал загибаться, вытягиваясь в сторону 95,6.

- Астахова! - кричу в трубку. - Астахова! Оглохли, что ли?

- Я у телефона, товарищ Первый, - прохрипел майор. - Немцы в ста метрах от КП. Ввожу резерв...

- Держись! - Поворачиваюсь к связисту: - Соединяй с Черновым.

Паренек, передергивая худыми лопатками, неистово вращает

ручку полевого телефона.

- Обрыв? - нетерпеливо спрашиваю я.

Связист бледнеет.

Напротив меня у рации возится Ашот. Пилотка сбита набок. Докладывает:

- Чернов на радио.

- Два хозяйства срочно двигай на кордон. С шумом двигай, сейчас же.

- Принято.

Секунд через тридцать - сорок ожила лесная опушка от НП до самого болотца. Теперь бой шел от правого до левого фланга, втянув в себя почти все силы полка. И Шалагинов в эту минуту не сдержался:

- Разрешите напролом! Зачем к Пруту? Я отсюда достану кордон.

- Замолчи!

Три часа утра. На горизонте едва заметна предрассветная полоска. Неожиданно бой стал перемещаться правее отметки 95,6. Прорвались?

Сжимая телефонную трубку, кричу:

- Астахов! Астахов!

Тишина.

- Астахов!

Отвечают издалека, голос незнакомый.

- Майор Астахов убит на КП, докладывает адъютант батальона.

- Принимай на себя командование!

- Нам помощь нужна - срочная. Их тут прорва. Лезут, лезут...

- Без паники, сейчас будет поддержка! - Положил трубку. - Ашот, бери разведчиков и немедленно восстанови положение!

Он здоровой рукой сжал автомат и выскочил из НП.

Далеко-далеко, на участках генерала Епифанова, начали глухо рваться снаряды.

Выбегаю из НП. Перегретый воздух стискивает виски. Вслушиваюсь. Бой идет по всему фронту, острием своим максимально приблизившись к отметке 95,6. Прошло минут пять, не больше, и там, над самым пиком, перестук автоматов - это Ашот. И едва слышимое "ура"...

Чернов наступал: ярко-зеленые вспышки медленно двигались в направлении кордона. Молодец!

Танки! Сейчас важнее всего они - чтобы и снарядами и гулом моторов... И всю артиллерию - в самую середку кордона фугасными, шрапнелью.

Я бросился к радисту:

- Связывай, быстро, с артиллеристами!

- Они у приемника. - Радист уступил мне место у аппарата.

- Все стволы - на кордон! - приказываю я.

- Жарим беглым!

- Молодцы!

Посылаю в просыпающееся небо две красные ракеты. Их брызги алыми серьгами падают на кордон.

Кто-то каской по моей голове - бах!

- Ошалел, что ли! - крикнул на Касима, он не отставал от меня ни на шаг.

- Башка хранить хочу!

Рядом шмякнулась мина - упали вдвоем в обнимку. Пучок металла резанул над нашими головами воздух и впился в ствол мощного дуба.

Запахло огуречным рассолом.

- Тан-ки-сты-ы!

Стою будто босой на раскаленной плите. Лишь бы не заорать!..

И вот наконец-то доносится танковый грохот. Слышу, как рвутся прямо над кордоном бризантные снаряды. Спасибо, танкист, не подвел!

Зовут на НП, к армейской рации.

Генерал Валович, услышав мой голос, накинулся:

- Почему покинул НП?

- Прошу помощи с неба. Дайте штурмовую!

- Замечай время. Сейчас три часа двадцать две минуты. В три пятьдесят будут. Цель?

- Прямо на кордон. Мы южнее на километр.

- Держись... Жди, обозначь себя сигналами.

Сел, устало закурил, затянулся - закружилась голова. Швырнул папироску и встретился глазами с замполитом. Он был в прежнем положении - тревожно ожидающего. А Шалагинов даже вроде бы осунулся от нетерпения. Но молчит.

- Ну, капитан, время. Роту Платонова оставьте на месте, а остальных всех гамузом - на машины, на машины.

- Есть!

Шалагинов не вышел, а вылетел из НП. Уже на площадочке раздавался его зычный голос:

- Командиры рот, ко мне!

- Леонид Сергеевич, давай! Вам на дорогу всего пятнадцать минут. И оттуда, с места, жду открытым текстом и чтобы твой голос: "Константин, мы на месте". - Я обнял его и оттолкнул от себя.

На НП появился Платонов.

- Андрей, бегом с ротой к высоте девяносто пять и шесть десятых. Замри в укромном местечке. Как только пробомбят наши - на кордон, в атаку!

Платонов поглубже надвинул каску.

- Накромсаем, товарищ подполковник!

Всех разогнал и оказался как в пустоте. Не спускаю глаз с минутной стрелки. Почему она, проклятая, не движется? Поднес часы к уху - тикают. Я то присаживался к рации, то поднимался.

Прошло пятнадцать минут... шестнадцать... Осталось четыре минуты до бомбового удара с воздуха. У, чертовы размазни!..

- Товарищ подполковник, рация!

Я схватил наушники.

- Константин, мы на месте! Константин, мы на месте...

Медленно вышел из НП. Гул моторов и свист реактивных снарядов, вылетавших из леса, что стоял за нашими позициями, слился с бомбовым ударом с неба. Я упал на землю, раскинул руки и... как провалился в небытие. Очнулся от удара в бедро и отчаянного крика Касима:

- Командир, наша на кордон лупит!

Ярко горел лес, за пламенем схлестывались автоматные очереди - наши с вражескими. Я бежал на отметку 95,6. У разбитого батальонного НП увидел Астахова. Он лежал под дубом, низко опустившим опаленные ветки. Острые колени согнуты, под ними расплывшаяся кровь. Сел рядом, снял планшет, из кармана выгоревшей гимнастерки достал партийный билет и офицерское удостоверение. Солдаты из хозроты подносили сюда убитых и клали их рядом с комбатом. Их было много - пожилых и, казалось, уменьшившихся в росте.

Я шел по лесу. Трупы немцев в офицерских и унтер-офицерских погонах. Оружие уже подобрано: успели хлопцы.

Ашот сидел на немецком пулемете "МГ-42", прищурившись смотрел на лес и молчал. Его левый пустой рукав начисто оторван, швы старой раны оголены.

- Надо же, второй раз по одному месту...

- Так повезло же, Ашот-джаным!

Он снял пилотку, вытер лоб.

- Ах, сколько надо похоронок!..

* * *

Наш трофейный "кнехт", машина двухосная, легко проскочил болотце. Мы с Ашотом сразу же увидели - на носилках несут Рыбакова.

Солдаты опустили носилки.

- Убит?

- Тяжело ранен, - ответила сестра.

- Глотни, - Ашот протянул флягу.

Я сполоснул рот и выплюнул спирт - вернулось дыхание; наклонился над Рыбаковым:

- Леонид, ты меня слышишь?

Сестра отстранила меня:

- Не надо тревожить, товарищ подполковник.

Еще подержал руку на плече замполита и пошел к машине.

Подошел Шалагинов.

- Большие потери? - спросил у него.

- Шесть убитых, четырнадцать раненых вместе с товарищем Рыбаковым.

- Много раз шли на вас?

- Перли валом. Пьяные, очумелые, вон сколько их лежит. А жарко, повздуваются...

- Всех немцев, независимо от звания, похоронить в одной яме и засыпать хлоркой.

* * *

Рвется "кнехт" на большую дорогу. Она, поблескивая асфальтом, бежит вдоль леса за бугор, за которым длинный и покатый спуск к Днестру. Еще одна колдобина - и мы на асфальте.

Встречные грузовики - "студебеккеры" - ревмя ревут, катят на запад; за ними на прицепах подпрыгивают новенькие пушки. Еще одна артбригада РГК? Сколь же их!..

Обгоняем колонны пленных. Скучны, как ржавое железо. Их обходят юркие "виллисы" с важными полковниками, за спинами которых молоденькие адъютанты.

Все во мне словно бы расковалось, расслабло.

Странная штука - чувство выигранного боя. Знаешь, какой ценой досталось, и все-таки не об этом думаешь, не то переживаешь. Невольно подсчитываешь в уме, сколько потерял противник, какое количество взято пленных, сколько немецкой техники попало в наши руки...

Крепкий орешек раскусили. Кордон был забит машинами, пушками, танками, а всякого трофейного барахла не счесть. Только сейчас становится понятно, почему немцы так безумно жали на Астахова. Молодцы хлопцы, хорошо держались, да и сами немцы помогли: желая во что бы то ни стало вырваться из окружения, шли скученно, вал за валом, почти впритык. Под ударом откатывался вал ведущий, напирал на тот, что следовал за ним, и так далее... Одновременно грянули наши - штурмовая авиация, гаубицы и танки, на кордоне поднялась страшенная паника. Бомбы, снаряды находили двойные, а то и тройные цели. Все взрывалось, горело, плавилось, корчилось в огне. Немцы

метались, бросались кто куда; большая часть их двинулась через болотце на запад, под автоматы Шалагинова.

Знойный августовский ветер бьет в лицо. Над головой с грохотом и треском проносятся наши штурмовики "ИЛы". "Кнехт" выскочил на бугор. Навстречу огромная мышастая колонна. Она, заняв дорогу, наползала, пошатываясь. Небритые лица с унылыми глазами. Впереди медленно катился "виллис", за смотровым окном я заметил фигуру самого командующего.

Остановил "кнехт" на обочине.

За спиной Гартнова сидели немецкие генералы. Три генерала, не шевелясь, не касаясь друг друга, козырьки фуражек опущены на глаза. На закрылышке маленькой машины каким-то чудом удерживался адъютант командарма, направив ствол автомата в сторону колонны пленных, плетущейся сзади, безвольной, с кривыми шеренгами жмущихся друг к другу оберстов, обер-лейтенантов, майоров, гауптманов...

Эту необычную процессию замыкал маленький броневик с вращающейся башенкой, из которой выглядывал ствол "максима".

- Подполковник! - Генерал узнал меня. - Пересади этих субчиков на свой драндулет. - Не повернув головы, ткнул пальцем в застывших немецких генералов. - Черти, нажрались гороху без удержу. Терпеть не могу этого духу!

- Разрешите послать за ротой автоматчиков?

- Будет жирно, обойдемся. - Командарм повернулся к пленным: - Господа генералы, прошу встать и пересесть в "кнехт".

Переводчик нагнулся к генералам.

Немцы, обеспокоенно морщась, выходили из "виллиса", каждый отдал честь Гартнову. Они выстроились перед ним, обреченно поглядывая в мою сторону. Командующий усмехнулся.

- Мы соблюдаем законы войны, - сказал он, - признаем право пленного на защиту, медицинское обслуживание. Идите спокойно.

Генералы внимательно слушали перевод.

Я усадил "трофеи" в лампасах в "кнехт". Касим угрожающе поднял автомат.

- Оружие к ноге! - скомандовал я.

- Они удирать будут!

- От себя не удерешь.

- Тимаков, - позвал командарм, - садись к нам, а твоя машина пусть следует сзади.

Вскочил на заднее сиденье.

Ехали тихо-тихо, следя за тем, чтобы шеренги пленных офицеров не отставали от нас. Я успел заметить - им сохранили личное холодное оружие.

Генерал, обернувшись ко мне, улыбнулся:

- Еду, смотрю в оба, чем черт не шутит. Лес, на опушке пни, много старых пней. И за каждым мелькает белое: махали платочками и лоскутками марли... Остановил машину, вышел из нее, стал таким манером, чтобы меня видели, как говорится, во весь рост. Крикнул: "Внимание! Я командующий Степной армией. Вы желаете сдаться в плен? Тогда ко мне парламентеров прошу!" Появились три фрукта, пригляделся: батюшки, генералы! Спрашивают: "Мы имеем честь видеть господина командующего Степной армией?" - "Не ошиблись, говорю, я командующий". Приосанились: "Нас три генерала, шесть полковников, три подполковника, майоры, гауптманы, обер-лейтенанты и лейтенанты разных войск. Всего триста три единицы, и мы добровольно желаем сдаться в плен лично вам". - "Такая честь!" - говорю им. А они свое: "Мы вручаем свою судьбу в ваши руки". Тут уж я уточнил: "Вы сдаетесь генералу Советской Армии. Приказываю сложить оружие! Вы пленные. А чтобы был порядок, прошу господ генералов в машину". У них, у немцев, даже при беде полный аккурат: выстроились, пересчитали друг друга и начали марш, как говорится, в далекие края...

Генерал уставился на дорогу и замолчал. Не то дремал, не то думал о чем-то своем. Я видел его незагоревший затылок, изрезанный морщинами. Чего-то я ждал от него. Похвалы, что ли? Не знаю, но медленный ход "виллиса" и молчание как-то угнетали.

Три крытые брезентом машины затормозили впереди нас. Из них выпрыгнули солдаты, построились за кюветом; молоденький капитан подскочил к нам:

- Товарищ генерал-полковник, рота охраны по вашему радиовызову прибыла в полном составе!

- Бери всю эту шатию и марш с ней на переправу. Только смотри мне, капитан, чтобы никаких штучек. Они отвоевались. Теперь жить им до поры до времени под русским небом.

"Виллис" командующего набирал скорость, за ним, ревя мотором, шел "кнехт" с тремя немецкими генералами. На маленьком полустанке, у чистого домика с часовым возле калитки, Гартнов остановил машину и приказал адъютанту:

- Их, - кивнул на немецких генералов, - накормить, дать время поспать, чтобы свеженькими были. С ними будет длинный разговор.

Я молча ждал, пока высадятся пленные генералы. Адъютант увел их.

- Разрешите вернуться в полк?

Гартнов уставился на меня, будто только что увидел.

- Вернешься, а иначе куда же тебе! Значит, повоевал?

- Так точно, повоевали, товарищ генерал.

- Почему твои роты оказались за болотцем?

- Надеялся, что отметку девяносто пять и шесть десятых удержим.

- Крепко надеялся? - Генерал свел брови. - Говорят, победителей не судят. Говорят, а?

- Да, товарищ генерал-полковник, так говорят.

- И считаешь себя победителем? - Я промолчал. - А вот я, твой командующий, не считаю. Как думаешь, почему? Не спеши, обмозгуй.

- Была опасность прорыва на отметке девяносто пять и шесть десятых, ответил, не слыша самого себя.

Гартнов оживился:

- Наугад ответил? Или рисковал тогда сознательно?

- На свое чутье полагался, товарищ командующий. Я думал...

- Ишь какой - думал! За всю армию думал... За нее мне положено думать, а тебе лишь за порученный участок. Твое счастье, что немцы были оглушены до тебя. Прорвались бы, к чертовой матери, тогда... Что было бы тогда?.. Впереди Балканы - поведешь полк. Всех отличившихся - живых и павших - к боевой награде. Полк подтянуть, пополнить офицерским составом и готовиться на марш. И чтобы никаких партизанских маневров. У меня кадровая армия! Понимаете, молодой человек, кадровая!

28

Полк стягивался к станции Злоть. За переездом длинная улочка, низенькие заборчики, палисадники с поржавевшими георгинами. Скулят собаки, посипывают, вытянув шеи, сердитые гусаки. На иссушенных солнцем верандах щурятся пожилые молдаванки.

Мы затормозили у плетня, за которым поскрипывал колодезный ворот. Призывно заржал Нарзан. Я размялся, сбросив с себя пропотевшую гимнастерку, крикнул коноводу:

- Старина, плесни-ка из ведра!

- Та дюже холодна.

- Лей давай, лей!

Обожгло.

Из-за сарайчика показался пожилой мужчина с темным, как земля, лицом, в латаной-перелатаной рубашке. Вытянулся передо мною во фрунт: ладони липко к штанам, корпус смешновато откинут назад.

- Хозяин, да? - спрашиваю у него.

Быстро-быстро закивал головой, подбежал к Клименко и похлопал его по спине.

- За что ж тебе, старина, такая милость?

- Та я купував гуся. Даю червонец - не бере, два - не бере, лопоче: "Рупа, рупа".

Передо мной стоял обездоленный крестьянин, оказавшийся со своим двориком на перепутье большой истории. Каково же ему?

- Здравствуй, товарищ, - протянул ему руку.

Он вытер ладонь о рваную штанину, крепко пожал мне руку, что-то быстро-быстро сказал на звучном языке, улыбнулся и ткнул пальцем в свою тощую грудь:

- Туарыш!

Прискакал ликующий Ашот, молодцевато сбросил себя с коня.

- Нам салютовала Москва! Из трехсот двадцати четырех орудий.

- Кому это - нам? Фронту?

- Ва, что он спрашивает? И фронту, и армии, и полку нашему. Понимаешь, нашему!

Я посмотрел на часы, излишне строго приказал:

- Обеспечьте положенную охрану и, кроме того, потребуйте от комбатов наградные листы на живых и павших. Майора Астахова к ордену Ленина посмертно, комбатов Чернова, Шалагинова и старшего лейтенанта Платонова к орденам Красного Знамени.

- Почему такой сердитый? - Начштаба смотрел на меня, ничего не понимая.

Но не мог же я исповедоваться перед ним, рассказать, что меня высек командующий, что до сих пор вижу сердитые генеральские глаза, слышу его голос. Все было сказано только мне...

Спал долго, не знаю сколько, но казалось, что очень долго. Проснулся и не мог понять, то ли поздний вечер, то ли ранний рассвет. Вышел из душной хатенки и столкнулся лицом к лицу с майором Вишняковским, Он как-то уж очень странно смотрел на меня.

- Ну что еще там случилось?

Он неловко подался вперед и шепнул мне в ухо:

- Конфиденциально. - Вытащил из планшета конверт. - Просили вручить лично в руки.

Я зашел в хатенку, зажег карманный фонарик. Обыкновенный довоенный конверт, на нем ученически аккуратно выведено: "Константину Николаевичу Тимакову. Лично".

Галина! Она всего в одном маршевом броске от меня, а если на машине меньше часа.

Поднять шофера? К ней, к ней... Я заметался по комнате.

Господи, на мне же грязная, пропотевшая гимнастерка! К черту ее! К черту все эти беспрерывные тревоги! К черту это холодное одиночество! Я надел еще не ношенный китель, ощупал подбородок - жесткая, колючая щетина. Сел, тяжело дыша.

Куда это я? За каким счастьем? Что стоит за ее скупыми словами: "Константин Николаевич, я - рядом, с эвакогоспиталем 2126 в Комрате. Галина".

На следующий день пришел приказ на марш через Комрат к Дунаю.

Последние августовские дни еще пуще раскалились. В степи на дороге, лежавшей среди пожухлой стерни, двигались машины. За кузовами тянулся пыльный хвост. Скрылось солнце, приглушились звуки, воздух тяжелел.

Полк шагал на Комрат. Интервалы между батальонами километровые. Над головами пролетали штурмовики: их угадывали по шуму моторов, похожему на треск рвущегося, туго натянутого полотна.

Мы, запыленные с головы до ног, не узнавали друг друга, разве лишь по голосам. Да и они будто сдавленные - глухие.

Ашот шагает, сердито рассуждает вслух:

- Еще километр, еще... Придем в Комрат? Каков Комрат, ай-ай! Один пар останется.

- Ничего, дошагаем.

Ашот сердится с того самого момента, когда полк выстроился рано утром под бледно-лимонным небом. Вишняковский собрал восемьсот каруц, подогнал к батальонам: "Садись, пехота, хватит ногами топать!" Начштаба, как всякий победитель, считающий возможным поступать так, как поступать не положено, готов был от затеи Вишняковского пуститься в пляс. А я разрушил мечту не только его, но и комбатов, мысленно уже рассадивших солдат на трофейные румынские повозки. "Это жестоко, Константин Николаевич!" - Начштаба рубанул рукой воздух с такой силой, будто хотел вырвать ее из плеча.

Жестоко, жестоко... Напоремся на Гартнова, и услышу: "Не полк, а банда батьки Кныша на каруцах".

Второй час марша, пора на привал. Остановил полк в выгоревшей лощине с водой в трехстах метрах. Солдаты плюхнулись на землю там, где их застала команда "отдыхать!". Смотрю на них, и трудно узнать, кто есть кто, - одна серо-пепельная масса. А до Комрата тридцать километров.

Подуло с запада, развеялась пыльная пелена, медленно открывались дали: горелая степь, а где-то за ней призывно зеленели виноградные делянки. На нас наползала туча, вдали погромыхивало; потянуло свежестью и укропным духом. Туча

грозно росла, брызнули крупные капли, и пыль на глазах чернела.

- Вишняковского ко мне!

- Я тут, товарищ подполковник! - Его голос за моей спиной.

- Где твой табор?

- За горкой.

- Давай его сюда. Туча прикроет наши грехи.

- Хорошая туча, замечательная туча! - Ашот послал небу воздушный поцелуй и разослал связных за комбатами.

По сбитой щедрым дождем дороге, обгоняя мелкие подразделения, мы катили на Комрат. За версту от него спешились, привели себя в божеский вид, построились рота за ротой. Оркестр грянул марш. Ноги сами пошли, строй выравнивался и по фронту, и в глубину, будто удары барабана и рев медных труб выбивали из нас второе дыхание.

Во всю прыть, поддерживая учкурики, мчалась со всех комратских улочек босоногая ребятня. У плетней показались девчата, успевшие накинуть на плечи цветастые платки, и молодицы-молдаванки, унимавшие мальцов, жмущихся к их юбкам.

Замаячили полевые палатки с красными крестами - армейский госпиталь.

- Ашот, веди полк!

Меня словно что-то вытолкнуло из строя. Я прошел мимо одной палатки, другой. В глубине лагеря увидел женщину: скрестив на груди руки, она смотрела куда-то в сторону.

- Извините. - Остановился за ее спиной.

- Вам кого? - Женщина обернулась, с любопытством рассматривала меня.

- Сестру милосердия Талину Кравцову из госпиталя двадцать один двадцать шесть.

- У нас нет сестер милосердия, у нас медицинские сестры... А интересующая вас Галина Кравцова - за Дунаем. Догоняем армию, слава богу, налегке - боев нет. Мы будем в румынском городе Исакча. Что-нибудь передать Кравцовой?

- Спасибо, я сам ее найду.

Снова, как и вчера и позавчера, машины обгоняют наши растянутые колонны. Машины, машины... Откуда столько? Как у немцев после падения Севастополя. Все дороги тогда были заняты ими. Они шли и шли туда, на Керчь, за которой была переправа, а дальше - Тамань, Краснодар... Сидишь под кустом, глядишь на это нахальное движение, бесишься: нет у тебя сил, чтобы бабахнуть по ним...

Теперь наша махина неудержимо движется к самой границе: "ЗИСы", "студебеккеры", трофейные "бенцы"... И пылят, и дымят, и

все одним курсом на Дунай. И мы на Дунай. Миновали пустынную, с одними лишь дымарями деревушку, пошли на подъем. Воздух повлажнел, запахло водой.

Ашот нетерпелив:

- Махну на Дунай, а? - Вскочил на коня и пошел аллюром.

Нарзан мой всхрапнул и рывком вынес меня на самую верхушку косогора.

- Дунай! - ору во все горло.

Могучая река, стелясь в широком ложе, стремительно неслась, обдирая свои берега. Не "голубая", - подсвечиваемая солнцем, укладывающимся за горизонт, она была как жидкая сукровица, а там, в темнеющей дали, разрезая безлюдную степь, река багровела.

На том берегу - чужая земля. Присматриваюсь к ней, чего-то ищу. Вижу старые ветлы, их ветки низко-низко кланяются воде; чуть дальше горят окнами дома, кучащиеся вокруг островерхой церкви.

Я е удивлением и скорбным чувством оглядываюсь. И на моем берегу ветлы так же спокойно и величаво кланяются реке, и там и тут степь, выжженная солнцем. Так что же отделяет один мир от другого? Почему одно слово "граница" способно вывернуть наизнанку душу?!.

29

Где с хитростью, где с руганью рассовали роты на окраине захолустного румынского городка Исакча, до отказа забитого машинами, повозками, полевыми кухнями, солдатами, захватившими даже чердаки.

Утром, наспех побрившись, надев новый китель, глотаю парное молоко, поглядывая на своих ребят. Клименко скалит зубы. У него два желтых клыка, вероятно ни разу в жизни не чищенных. Когда он их обнажает, то становится похожим на добродушного старого волка из детской книжки. Касим откровенно пялит на меня глаза, желая сейчас же узнать, для кого это я с самого утра принарядился.

- Чи вы на Нарзани, чи на машини, га? - Клименко старается удержать рвущуюся улыбку.

- Куда это вы меня провожаете?

- На палатка, палатка сюда приехал! - Касим все понимает, все знает. Зачем на Комрате из строя бежал?

По улице с марширующими взводами, дымящими кухнями мы с Клименко подъезжаем поближе к Дунаю - туда, где еще вчера вечером я видел госпитальные палатки.

Завернули за угол, в узкий переулок. Впереди усталой рысцой трусил конь, запряженный в бидарку. Пожилой солдат

покрикивал:

- Пошел, ур-рю, ур-рю!

Я приглядывался к одинокой пассажирке, умостившейся на заднем сиденье бидарки. Волосы ее в мелких завитушках, на выгоревшей гимнастерке дорожная пыль. Показалось, что я ее знаю. Не одна ли из наших связисток догоняет полк?..

- Солдат, возьми-ка вправо, слышишь? - крикнул я.

Женщина, вздрогнув, повернулась ко мне, глаза ее испуганно расширились.

- Костя! - закричала и рванулась с бидарки.

Соскочив с седла, я успел подхватить ее. Вера?.. Стал смахивать с ее гимнастерки пыль.

Вера зажмурилась, затрясла кудряшками, крепко прильнула ко мне.

- Костенька, я тебя нашла, нашла!..

* * *

Долго и беспокойно смотрю в черноту. Из темной мути выступает потолок чужой хаты. В окошке - подрагивающий краешек луны. За стеной все еще не убывающий гул моторов - идут танки, идет мотопехота.

Вечер... Не сговариваясь, наши роли распределили так: Вера рассказывала, а я слушал. О родах в Армавире, о дороге на Моздок и немецких танках, навалившихся нежданно-негаданно, о скитаниях по неуютному и чужому Тбилиси, где не было ни угла, ни молока для ребенка. О девятиметровой комнатушке в бараке, стоявшем на краю торфяного болота, в трех верстах от Орехово-Зуева.

- Жили втроем: я, дочурка и мама, У меня перегорело молоко, а девчонка здоровуха!

- Есть же там военкомат, черт бы их побрал, - говорю сердито.

- Все есть. А где аттестат, где документы, что я жена офицера? Мать воровала торф. Чего смотришь, будто судишь? Поменяла я золотые часики на мешок муки, три мерки картошки и литр хлопкового масла. Пекла пирожки да на базар. В один миг сбывала... Тесто катала тонюсенькое, а картошки клала поболе. Взял меня дядька-инвалид за шиворот и отвел в комендатуру. Отбрехалась, а уж как - не спрашивай...

Помолчала, всплакнула, стала рассказывать о дороге ко мне.

- Мужичья кругом полно, пруд пруди, а ты-то где? В партизанском штабе в Москве узнала, что здоров и находишься в кубанских краях. Наташку оставила на бабушку, пальто на базаре сбыла, кое-какие деньги собрала и айда в дорогу. Была в Краснодаре. - Подняла глаза на меня, помолчала, а потом тихо и не обиженно: - Заглядывала на окраину, в домик; дед там такой

вреднющий... Не забыл? Или трепло? Да бог с ним!.. Обрадовалась, что ты живой. И покатилась моя дорога по разным краям. Чего только не повидала!.. В Одессе совсем загоревала было, сердце за Наташку изболелось, домой уж надумала податься, да нечаянно про тебя услышала от сержанта одного. До самого твоего Просулова чуть не бежала, а там никого нет. Двое суток слезами заливалась, а потом о отчаяния побрела к переправе. Про тебя у всех выспрашивала, в кустах ночевала; и на правый берег махнула - втихаря, конечно. - Подсела ближе, слегка стукнула меня кулаком в плечо: - Держусь вот за тебя сейчас, гляжу в твои глаза - и не пойму, кто я тебе, кто ты мне... - Опять помолчала, потом сказала уверенно: - Только мы же связаны дочерью. Что молчишь?

- Ты здесь, чего же еще...

- Нежданная, выходит? Я знаю... Мы, бабы, все знаем. Целовал-то, как чужую!..

- Отвык, наверное...

- Ничего, привыкнешь!

- Ты лучше о дочери расскажи...

- Вот аттестат пошлем на бабушку, в военкомат напишем, что ты командир полка. А дочь - что? Хорошенькая, глаза твои и тут, на подбородке, симпатичная ямочка. Не капризная, только едок, я тебе скажу... Тут уж свое не упустит. Фото ее было у меня, да в Ростове вместе с кошельком пропало. Уж горевала, горевала... - Она сладко потянулась и стала снимать комбинацию. - Чего-то жарко...

Странно ощущать ее рядом с собой. Она спала, ее обнаженное плечо, умостившееся у меня под боком, было теплым, подпаленные ветром губы почмокивали. Временами вздрагивала, приподнимала ногу с глубоким и грубым продольным рубцом на смуглой плотной икре и осторожно опускала на край постели. Я вспомнил Армавир, старуху: "Крутая баба, дюжая...

Сама у гипсу, а дите идет себе на свет..." Мне стало жаль ее. Прикрыл обнаженное плечо, подвинулся ближе, обнял.

Исподволь светлел потолок. За стеной поутихло движение, доносился плеск воды и шум ветел над Дунаем.

- Спишь? - спросила Вера.

- Спал.

Она помолчала, думая о чем-то, потом поднялась, откинула назад волосы.

- Она красивая?

- Ты о ком?

- Костя, ты же лгать не умеешь!

- Вера, зачем ты все... Приехала - и хорошо сделала.

- Нет у тебя радости, а одна только жалость. Та, краснодарская, стоит на моей дороге. Но я тебя никому не отдам. Нас соединил голод, холод, бои, моя рана. Ты спросил, как я рожала? Как я рожала?! Хочешь любви... иди к своей, которая с немцами...

- Замолчи!

- Иди, и чтобы она так рожала, как я! Тогда уступлю тебя ей, ребенком своим клянусь, уступлю...

Я вышел из хатенки и пошел к Дунаю. Свет падал на воду, ее серебристая тяжесть казалась недвижной. Начиналась новая жизнь, к которой не подготовлен я ни умом, ни сердцем.

Вчера после ужина, когда Касим унес посуду и захлопнул за собой дверь, Вера бросилась мне на шею, вздохнула и, прижавшись, сказала:

- Крепко-крепко поцелуй! Ну?

Сейчас лежит, думает, наверное... Она мне кажется горой, которая выросла на дороге и ее невозможно обойти. А собственно, почему надо обходить? Мы связаны кровно - у нас ребенок. Где-то, должно быть, рядом Галина. Нетрудно ее разыскать - госпиталь наш, армейский. Только зачем?.. Те часы, что мы пережили в Краснодаре, не повторятся: теперь между нами такое, что запросто не переступишь.

Заглянул в сарайчик. Касим и Клименко растянулись на свежей соломе. В стойле поднял голову Нарзан, заржал.

- Ась? - схватился Клименко.

- Спи, спи...

И Касим и Клименко вчера смотрели на меня как на человека, который взял и рубанул под корень уложенную в какой-то порядок их армейскую жизнь. Уже вечером Вера пошатнула их уверенность в том, что они мне нужны, всем видом, всем поведением своим показывая, что забота обо мне - ее главное дело, что у нее на это есть право. И впредь она сама будет решать, что нужно их командиру, а что нет.

Побывал в батальонах. Офицеры поздравляли меня с тем, что нашлась моя жена. Эта весть каким-то образом моментально распространилась по всему полку.

- Константин Николаевич, с прибавлением семейства! - улыбался Ашот.

- Ладно уж... Кстати, она неплохо печатает на машинке. Нужна?

- Позарез, командир! - обрадовался начштаба.

Вернулся в хатенку к обеду. Боже мой, какой у меня порядок! Даже полевые цветы на окнах. У Веры волосы пушатся после мытья, губы чуть-чуть подкрашены.

- Молодцом ты. Я от всего этого отвык, вернее, и не привыкал...

- Ты у меня будешь с иголочки, вот увидишь!

Касим подавал обед. Он был в белом фартуке, важный. Мы с Верой сидели друг против друга, и она то хлеб мне проворно протягивает, то нож подает. Я улыбнулся:

- Совсем избалуешь. Разве что у тебя времени не будет.

- Это почему же? - Глаза ее выжидающе остановились на мне.

- Хочешь поработать машинисткой? Вот завтра пойдешь, разыщешь Татевосова, зовут его Ашот Богданович.

- Больно спешишь...

- Мы все спешим...

* * *

Солнце стоит над сусличной иссушенной степью. Серые зверьки, попискивая, перебегают из норки в норку. Пыль висит над ухабистой дорогой, в ней тонут солдаты, повозки, танки и самоходки, что на скоростях идут параллельно полку.

Бесконечное движение рот, батальонов, полков. Авангард уже упирается в Констанцу, а тылы еще где-то у Аккермана.

Поначалу мы удалялись от Дуная, а потом он догнал нас, замаячил по правую руку, обдавая прохладой, но через сутки с нами расстался, круто вильнув на запад.

Земля вокруг скудная, у горизонта пустынно-серые, опаленные тяжелым зноем бугры. Села редкие, дома в них под соломенными крышами, высокими, как папахи румынских солдат. За покосившимися заборчиками сникшие шляпки подсолнухов, покрытые белой дорожной пылью.

Безлюдье, лишь у примарий с обязательным флагштоком стоят старики с такими же морщинистыми лицами, как и земля вокруг. В глазах ни удивления, ни страха, а лишь покорность: Вышла молодая женщина в выцветшей сатиновой кофте, глянула на ребятишек, облепивших забор, что-то крикнула. Они юркнули в хатенку. Я подошел к молодайке, поздоровался и через переводчика спросил:

- Вы что, нас боитесь?

- Стыжусь. Мальчишки без штанишек...

Чужая земля, чужая беда.

Дома бедные, но попадались и такие, в которых мебель, ковры, посуда, даже детские игрушки... Все эти вещи еще недавно имели прописку: одесскую, николаевскую, симферопольскую. Хозяева смотрят на нас с робостью, - может быть, ждут возмездия?

Вскоре небо над нами стало принимать зеленоватый оттенок, в рассеивающемся полумраке парили чайки - вестники моря. А

утром фольгой блеснул горизонт, острый йодистый запах ударил в ноздри.

Море, здравствуй! Как давно я тебя не видел, с той самой поры, когда, притаившись меж иссохшими бочками, смотрел на генерала Петрова, прощавшегося с фронтом.

В Констанцу вошли ротными колоннами, под оркестр. Город ослепил яркостью красок, оглушил звонкостью голосов. Мы втискивались в тесноту улиц, дыша воздухом, в котором запахи застоялой воды смешивались с винным кабацким духом. Толпа, кричащая, хлопотливая, размахивающая руками, ломала строй. В кишмя кишащую уличную суету вливался медный голос военного оркестра.

За оркестром в колоннах по четыре шагал морской полк, первым ворвавшийся в Констанцу. Шли черноморцы в бескозырках, булыжная мостовая подрагивала от их поступи.

* * *

Мы идем по Добрудже, которая началась за древним Траяновым валом. Тут степь застлана чернобыльником, пленена ужасающей нищетой: на дробных, огороженных друг от друга делянках - чахлые виноградные кустики.

И вдруг... Левады, тополя, хаты со стенами, расписанными охрой и киноварью, палисадники с высокими мальвами, сухими маковками и белыми астрами. Где мы? На Полтавщине? Или под Белой Церковью? А дядьки, что встречают нас хлебом-солью и поклоном до самой земли! Усы как у Карася из "Запорожца за Дунаем". Рядом с ними жинки в домотканых вышитых кофтах, в монистах, густо обвивших шеи, повязаны платками, как в старинных украинских селах. Боже мой, мы - в XVIII столетии!..

Моя пышная хозяйка стоит у порога, трижды кланяется:

- Заходьте, козакы.

Вхожу в прохладную горницу, и на меня надвигается иконостас. Снимаю пилотку, присаживаюсь к столу. Хозяйка перекрестилась раз, другой.

- Чи вы православии, чи бившовыки?

- Русские, мать.

- Москали, га?

- Москали, киевляне, сибиряки...

- И креста не маете?

- Чего нет, того нет.

- - Ой, боженьки! - Перекрестилась, перекрестила меня и начала хлопотать. Из древнего сундука, может быть свидетеля переселения ее предков за Дунай, достала рушник и с поклоном подала мне.

Я ел борщ и вспоминал Марию Степановну из кубанской

станицы, думал о том, что и ее предки ушли на Дикое поле в то самое время, когда прапрадед моей хозяйки бежал за Дунай, покидая Запорожскую Сечь. И тот кубанский борщ и этот задунайский были как родные братья.

В горницу вошел Клименко.

- Товарищ подполковник, чи сидлать Нарзана, чи ще не треба?

Хозяйка вздрогнула:

- Из яких же ты краив?

Я вышел на крыльцо, сел на ступеньки, закурил. В горнице громко говорила хозяйка, плакала, снова говорила, может быть стараясь выговорить вековую тоску. Какую надо иметь живучесть, чтобы за два столетия не растерять того, что было вынесено на чужбину ее предками с родной земли! Мы будто прикоснулись к островку, каким-то чудом сохранившемуся в бурном океане жизни на чужой стороне.

Еще один бросок - и Болгария.

Чистили оружие, латались, налаживали строй. Взводы с явной неохотой маршировали на ипподроме, сердито поглядывая на командиров. Марш по Румынии измотал. Наверно, долго будем помнить эту неуютную землю, горбящуюся голыми хребтинами, на которых местами не растет даже полынь.

В ночь на 9 сентября пересекли границу.

Под ветром трепыхалось белое полотнище, на котором аршинными буквами написано: "Добре дошли, наши другари!"

Первое чувство - будто попал в прошлое России, в год 1917-й. Тут тебе и стихийные митинги, и яркие лозунги на кумаче, патрульные с повязками на рукавах и звездами на мерлушковых шапках, и вооруженные отряды, спустившиеся с планины. И тут же царские гербы со львом и короной, офицеры в форме, напоминавшей форму старой русской армии: аксельбанты, кокарды, кресты. Гимназистки с премилыми книксенами, скорбные лица монашек, женщины в длинных платьях, в шляпах с плюмажами, юнкера, скульптурно выпячивающие грудь, фаэтоны на мягких рессорах, церковный звон и запах ладана.

Полк под развернутым знаменем входил в город Шумен. Играл оркестр, южный ветер бросал в лицо запахи ранней осени, острее всего - далматской ромашки.

Нас встречали: на тротуарах стояли толпы нарядных женщин и осыпали солдат лепестками роз; визжали мальчишки, путавшиеся под ногами.

Нарзан, мой старый конь, словно чуя, какая торжественная минута выпала на его нелегкую долю, высоко держал голову и совсем не прядал ушами.

Улица вывела на большую площадь. На ней выстроился болгарский пехотный полк. Его командир - холеный полковник, увешанный орденами, - ехал мне навстречу на белом коне. Он приложил два пальца к козырьку и приподнялся на стременах:

- Господин стрелецкий подполковник!

Два полка, советский и болгарский, стояли лицом к лицу,; их командиры одновременно спешились, пожали друг другу руки.

- Подполковник Тимаков.

- Полковник Христо Генов.

Площадь огласилась мощным "ура" - с карнизов вспорхнули голуби, закружились над колоннами.

Хороши сентябрьские дни. Солнечные лучи золотыми полосами лежат на балконах, увитых глициниями. Люди, молодые и старые, смотрят на нас глазами, полными душевного света.

Стоянка затягивалась, шла обычная жизнь: стрельбы, марши, политзанятия. Солдаты с задором пели: "Расцветали яблони и груши, поплыли туманы над рекой..." Отъелись, отоспались, офицеры щеголяли в кителях из американского сукна, обзаводились знакомствами среди горожан. Тихая, мирная служба. О войне напоминали сводки Информбюро да рассказы солдат, побывавших в дунайском порту Рущук. В верхоречье - на югославской границе окапывались немецкие дивизии.

* * *

Вера держится молодцом. Она в штабной команде, шагает с писарями, вместе с ними глотает дорожную пыль, ест из одного котла. На больших привалах ее проворные пальцы выстукивают дробь на трофейной пишущей машинке. Она общительна со всеми - солдатами, офицерами. Ей улыбались, в нее влюблялись. Встрепенулось горячее сердце Ашота.

- Вера Васильевна работает за трех писарей. Поразительно!

- Лишних отправь в роты, - улыбнулся я.

- Я не эксплуататор, особенно берегу красивых женщин.

- А твоя жена?

- Самая красивая женщина Армении - моя жена.

- По-твоему, так все красивые.

- Но не все добрые. А у Веры Васильевны сердце - большое, как Арарат!

Но затихнет полк, погружаясь в крепкий солдатский сон, - Вера рядом со мной. Пусть гром гремит, пусть небо разверзается - от того, что надумала, она не откажется.

- Ну-ка скидывай сапоги, разматывай портянки, - Прямо под ноги мои таз с водой.

- На черта все эти выдумки?

- Господи, до чего у меня мужик колючий!

Мокнут мои ноги в воде, а Вера следит за минутной стрелкой. Хочу вытереть вафельным полотенцем ноги, так куда там: сама, все сама.

- Что я, безрукий, что ли?

- Молчи.

Мы укладываемся отдельно ото всех в широком румынском шарабане. Лежу и чувствую, как натруженные ноги окутывает приятное тепло.

- Спасибо, Вера...

- То-то, а еще ерепенился!

Пахнет свежим сеном, она взбивает подушку.

- Ты ложись на правую сторону, там попрохладнее.

Подчиняюсь; умостившись, закуриваю. Вера ждет, пока я докурю. Устал, хочется спать, очень. Широко зеваю. Она пододвигается ближе, шепчет:

- Ты хоть чуточку меня любишь?

- Давай спать...

- Спать так спать. - Поворачивается ко мне спиной, обиженно посапывает.

- Ну что ты... - Обнимаю ее.

- Что, что... Сколько тянется война, сколько ночей моих бабьих пропало... Кончится, проклятущая, вернемся в Крым: ты, я, мама, Натуська. Нам же дадут квартиру... А, как не дать?

- Чего вперед загадывать.

- Хочешь, признаюсь? Ругай не ругай, а я на тебя гадала. Цыганка прямо сказала: твой будет жить. Они наперед знают...

Сквозь сон улыбаюсь: ну что с нее возьмешь?

* * *

Мы третью неделю на одной стоянке. Я, как и в Просулове, ношусь на Нарзане из батальона в батальон. Ждет нас не учение, а бой. Колом торчит во мне: "У меня кадровая армия!"

Сегодня я в шалагиновском батальоне. Отрабатываем задачу "рота в наступлении". Октябрь, а печет, как летом. Но отдохнули хорошо, сытые солдатские глотки своим "ур-ра" пугают болгарских лошаденок, пасущихся на снятом клеверном поле. Земля вокруг ухоженная, ласковая, работящая.

Солнце вот-вот начнет падать за косогор.

- Хватит на сегодня, майор. Хорошо поработали.

- Понятно! - Шалагинов на особом подъеме: только вчера пришел приказ о присвоении нового воинского звания. Я подарил ему полевые погоны старшего офицера - радуется не нарадуется.

- Да, кстати, тебе большой привет от нашего замполита, вчера письмо получил.

- От Леонида Сергеевича? Как он там?

- Еще полежит, но просит дождаться его.

- Конечно, дождемся, а как же - наш комиссар.

Простился с майором и поскакал на железнодорожный переезд. Через три квартала домик, в котором мы живем. Не доезжая до полотна, увидел Веру, согнувшуюся под тяжестью вещевого мешка.

- Вера!

. Она присела за высокую насыпь.

- Что прячешься? Выходи. Выходи. И мешок... мешок не забудь. - Я отдал повод коноводу. - Давай, старина, гони коней, а мы дойдем.

Затих стук копыт.

- Что у тебя там, показывай.

Спиной загородила мешок.

- Пустяки, Костя, ей-богу...

Я поднял мешок, развязал, вытряхнул: на пожухлую отаву вывалились скомканные платья, отрезы, детские ботиночки.

- Откуда все это?

- Выменяла на свой паек, клянусь Наташей!.. В Орехове за это хлеб дадут, масло... Если бы ты знал, как они там живут...

Я рассердился:

- Барахольщица ты! Разве одним нашим плохо?.. Быстро ты забыла свои партизанские дни! У тебя ж боевой орден...

- А что мне с него. - Она заплакала. - Не хочу, чтобы моя мать торф воровала. А ты мне долю уготовил - врагу не пожелаешь. Через ад прошла. Женщина я, а не телеграфный столб!

Сейчас не было смысла что-то ей втолковывать. Самые справедливые слова останутся пустым звуком, самые разумные утешения будут восприняты как болезненная обида.

Мы поздно вернулись к своему шарабану. Вера отказалась от ужина, забыла даже о тазе с водой. Ее живая материнская душа требовала действий, и только действий. Я чувствовал, что она не спит, но разговаривать не хотелось. Не было уже во мне ни гнева, ни возмущения - одна щемящая жалость... Она долго молчала, а потом голосом, в котором была отчаянная мольба, спросила:

- Разреши махонькую продуктовую посылочку...

- Ты же знаешь, полевая почта не принимает их.

- А я с попутным человеком.

- Где ты его отыщешь?

- Наш старший писарь говорил, что его знакомому майору по ранению дали отпуск в Москву.

Молчу, не зная, что сказать.

- Я же не милостыню прошу, в конце концов. Недоем,

недопью, по крохочкам соберу.

- Бог с тобой, собирай.

Наши завтраки, обеды и ужины поскуднели. Касим ходил злой, косил сверкающими глазами на Веру, но помалкивал.

Клименко и жена часто шептались. Старик топтался рядом с ней смиренный, добрый; порой казались они мне отцом с дочерью, занятыми какой-то своей особой заботой, касающейся только их.

Как-то Вера, когда мы остались наедине, весело хлопнула меня по плечу:

- Поехал наш подарочек аж до самого Орехова! И я как пьяная...

30

В ротах не хватает солдат. Ашот и я сидим в штабной комнатенке, выискиваем резервы. Начштаба подсказывает:

- В артбатарее у каждого взводного по ординарцу. - Записывает: - Плюс еще четыре солдата.

Вошел дежурный по полку:

- Товарищ подполковник, к вам просится генерал.

- Генералы не просятся, генералы входят.

- Старик там, говорит, что генерал...

- Бывший беляк, что ли?

- Не могу знать. Уж очень просится.

- Почему не принять? - У Ашота загораются глаза. - Почему не посмотреть на эмигранта, а?

Вошел высокий худощавый старик с чисто выбритым твердым подбородком, подстриженный под польку, с седыми, нависшими над глазами бровями.

- Здравствуйте, господа офицеры, - скрипит его голос, - Имею честь видеть полкового командира?

- Вы по какому делу?

- Прошу не беспокоиться... Я думал, во всяком случае... - Он старается подавить волнение. - Простите... Меня связывал с родиной портативный радиоприемник. Его конфисковали ваши подчиненные... И кроме того, меня лишили тульской одностволки. Это единственная память о моем отце, участнике боев на Шипке под командованием его превосходительства генерала Скобелева. Я понимаю, военное время, но, господа офицеры, прошу в порядке исключения...

- Оружие и радиоаппаратура в зоне военных действий реквизируются в обязательном порядке без всяких исключений.

Палка с серебряным набалдашником гулко ударилась об пол. Старик, не сгибая спины, присел на корточки, дрожащей рукой поднял палку, поклонился нам и вышел, тихо прикрыв за собой

дверь.

- Жалко мне старика, - сказал Ашот.

- Теперь-то все они старички...

Брожу по городским улочкам один. Надоели команды, шагистика и вечное "разрешите обратиться". Удивительная тишина и покой вокруг. На деревьях, охваченных шафрановым налетом наступавшей осени, ни один листочек не шелохнется. Аккуратные домики, вкрапленные меж деревьями, исподтишка поглядывают на меня светлыми окошками, перед которыми красуются астры необычайной пышности.

Что-то заставило меня оглянуться - увидел старого генерала, стоящего у калитки. Встретились взглядами. Он показал мне негнущуюся спину - скрылся за кустами лавровишни.

Я вспомнил глаза старика и дрожащую руку, тянувшуюся за палкой. Отряхнув с сапог пыль и поправив гимнастерку, решительно зашагал по узкому настилу из красного кирпича к веранде.

- Разрешите! Есть здесь хозяева?

Долго не отзывались. Потом я услышал шаркающие быстрые шаги. На веранду вышла маленькая худенькая старушка с шустрыми глазами, оглядела меня с ног до головы.

- Вы к нам, сударь?

- Прошу прощения, мне хотелось бы видеть господина генерала.

- Входите, пожалуйста... Николай Алексеевич! Николя, тут к вам пришли!

Она ввела меня в большую комнату, обставленную книжными шкафами. Вошел генерал, коротко кивнул мне головой и повернулся к старушке:

- Капитолина Васильевна, прошу вас заняться своими делами.

- Ухожу, ухожу. - Извинительно улыбнулась мне и быстро скрылась за дверью.

Генерал, не меняя позы, спросил:

- Чему обязан вашим посещением, господин полковой командир?

Действительно - чему? Мгновенно, как на поле боя, оценил обстановку. Книги!

- Разрешите взглянуть. - Шагнул к книжным полкам.

Он, не переменив тона:

- Вы спрашиваете позволения? Смотрите, берите, реквизируйте...

Я медленно шел вдоль шкафов, за стеклами которых выстроились тома Пушкина, Лермонтова, Толстого, Данилевского, Гоголя, Достоевского. У просторного письменного

стола, поближе к окну, - шкаф с военной литературой. Я увидел знакомых авторов. Клаузевиц, Драгомиров, Филиппов... А вот и "Тактика" генерала Добровольского, которую я проштудировал на сборах Высших командных курсов.

- Вы не возражаете, я посмотрю? - показал на "Тактику".

Генерал подошел к шкафу, достал книгу и голосом, в котором было удивление, спросил:

- Вам известен этот труд?

- Изучали его на офицерских курсах.

Смешавшись, генерал сел, положил руки на письменный стол, пальцы подрагивали.

- Этого не может быть... Я понимаю, традиции Кутузова, Суворова... Замечательно, что русская армия несет сейчас на своих знаменах их имена... Но меня, лишившегося родины... Капитолина Васильевна! Капитолина! - Он поднялся во весь рост, держась за спинку стула.

Вбежала испуганная старушка:

- Николя, вам худо?

- Нет, нет... Вот они, понимаете, они изучают мой труд!

Она, сразу же успокоившись, очень мягко и просто сказала:

- Я всегда говорила, что в России ваше имя забыть не могут. А сейчас я вас чайком напою. У меня замечательное вишневое варенье. Что же вы стоите? Садитесь, батюшка, садитесь, будете нашим гостем. - Усадила меня в кресло напротив генерала и ушла.

- Вы, господин генерал, извините за вчерашний прием... Моего отца, изрубленного саблями, дроздовцы подняли на штыки...

- Дроздовцы, слащевцы, шкуровцы и прочие маньяки... Я не имею к ним никакого отношения. Я - русский генерал. История вышвырнула меня из России, но есть такие связи с землей, где ты родился, которые нельзя обрубить никакими силами. Мне восемьдесят лет. Когда немцы подошли к Волге, жизнь для меня потеряла всякий смысл. А сейчас я хочу дождаться того дня, когда капитулирует Германия...

- А вот и чаек. - Принаряженная Капитолина Васильевна вошла с подносом.

Она от души угощала меня домашним вареньем. Я отвечал на вопросы генерала рассеянно, занятый своими мыслями. Мне было грустно смотреть на этих доживающих свой век людей, заброшенных сюда, за Дунай. Они жили здесь, сажали деревья, растили цветы, как-то зарабатывали на хлеб насущный, но сердца их были там, в России, в том далеком прекрасном мире, дороже которого у них ничего не было...

31

Приказ на марш получил в полночь. Поднял батальоны, и через час мы простились с уютным городком под предрассветный петушиный крик. Вчерашний дождь обмыл сады, виноградники, острый пряный аромат при полном безветрии провожал нас всю дорогу. Солнце светило ярко, но зноя не было, шагалось споро.

Через двое суток к вечеру мы вошли в Рущук.

Тут улицы с глинобитными домами, глухие заборы, почему-то крытые красной черепицей, а за ними дома с затемненными окнами. Где-то рассеянно зарокотал пулемет и умолк. Пахло рекой, мазутом, в воздухе плыл легкий аромат кофе.

В темноте угадывались контуры кораблей, колышущиеся на прибрежных волнах. Нас встретил линейный офицер и повел за собой. Мы шагали мимо громаднейших пакгаузов, портовых кранов, зачехленных машин с пушками на прицепах, спящих у портового забора солдат. Словно сабельный взмах блеснул Дунай. Перекликались гудками буксиры.

Наш причал просторен, батальоны свободно расположились на нем. Вдоль пирса тянулись длинные черные баржи. Меня разыскал офицер с повязкой на рукаве.

- Вас вызывает генерал Валович.

На "виллисе" проскочили несколько кварталов и оказались в бетонном доте. Валович посмотрел на меня:

- С жирком, подполковник!

- На наркомовских харчах, товарищ генерал...

- Дров по пути не наломал?... Где полк?

- На пятом причале.

- Вооружены?

- Как положено, исключая батарею.

- Снаряды подбросим. Подойди. - Начштаба армии развернул карту. - Порт Видин. Здесь должен быть с полком пятого октября на рассвете. Плавсредства готовы, зенитное прикрытие - твоя забота.

- Что могу узнать о фарватере?

Генерал поднял телефонную трубку:

- Моряка ко мне.

Вошел высокий морской офицер, козырнул:

- Капитан второго ранга Демерджи, старший офицер оперативного отдела Дунайской флотилии! Приказано сообщить, что последняя баржа четвертого каравана...

- В воздух? - Валович вздрогнул.

- Наскочила, товарищ генерал...

- Вы не моряки, а... Тралили фарватер?

- Так точно, но мины с особыми секретами.

Валович обошел вокруг стола, сел; спросил, не поднимая глаз:

- Как обеспечивается пятый караван?

Капитан необнадеживающе ответил:

- Тралим. Разрешите идти?

- Идите...

Офицер вышел, генерал сказал мне:

- Спасательные средства держи в готовности номер один. С богом! Подал руку. - До встречи в Видине!

* * *

Грузились на баржи молча, рота за ротой быстро и бесшумно занимали места. Много хлопот доставила баржа, на которую втаскивали пушки со снарядами, обоз с лошадьми и хозяйственные службы. Сиплый гудок головного буксира возвестил: караван к отплытию готов.

Клименко держал на коротком поводу Нарзана и своего пегого Чекана. Я смотрел на худое, постаревшее лицо ездового и вспомнил про свое намерение отправить его в родное село.

- Боишься воды, старина?

- Кажуть, шо глубока...

- Из дому-то пишут?

- А як же? - Переступая с ноги на ногу, щерил рот до ушей.

Караван вытягивался в кильватер.

Светлело, Небо распахнулось сразу, стало высоким, без облачка.

Оставляя пенный след, мы плыли вверх по реке. Ускользали берега с поймами, на которых виднелись стога сена, старые вязы, белые деревеньки, городки, дома вокруг церквей - православных на болгарской стороне, католических на румынской.

Дунай штурмовал наш караван и стремительно бежал к морю. По откосам сползали синие дымки, быстро тая над водой. Курчавые рощи манили зелеными опушками, берега то удалялись, открывая просторы, то наступали на нас.

Солнце в зените, зноем окутывает русло. Недвижный воздух густел, и караван вдавливался в него, как нож тупым концом в хлебную мякоть. Где-то вдали пролетел самолет. Мы не спускали глаз с неба, зенитчики дежурили у раскаленных пулеметов.

День убывал. От воды поднималась прохлада. За холмом скрылось солнце, меня неудержимо потянуло ко сну, Улегся на теплой палубе...

Страшной силы взрыв поднял корму, и мы, сшибая друг друга с ног, сгрудились в носовой части. Крики: "По-мо-ги-те!" - слились с тревожным воем сирен. На подводной мине взорвалась баржа, что тянулась за нами.

Задыхаясь, с трудом выбрался из мешанины тел.

- Вера!

- Я тут!

Она цепко держалась за лебедку, рядом с ней стоял Касим с рассеченной губой.

- Никуда с баржи! - приказал я им и крикнул: - Эй, на буксире!

Никто меня, конечно, не услышал. Но я видел, как с головного буксира спускали катер на воду. Выхватил у дежурного по полку ракетницу, в небо взлетели зеленая, а за ней красная ракеты - сигнал боевой тревоги.

К нашему трапу причалил катер, с него раздался голос Ашота:

- Здесь мы, товарищ подполковник!

Я сбежал по трапу, крикнул ему:

- Поднимайтесь на баржу, выстройте караван в кильватер - и курс на Видин, без задержки!

Татевосов и я обменялись местами. Положил руку на плечо румынского моториста:

- Пошел!

Он закивал головой, развернулся и дал полный газ. Мы мчались туда, где в пенящемся водовороте кричали люди, всхрапывали плывущие лошади. Спасательные суденышки подбирали тонущих. Мы подняли из воды полкового капельмейстера с кларнетом, медсестру.

Баржа с пушками, лошадьми, санчастью, музвзводом подорвалась на мине и торчала из воды, как гигантской толщины обрубленное дерево.

Теперь уже крики раздавались далеко от нас - Дунай был неумолим и спешил унести свою добычу... Ниже по течению, в темнеющей дали, у румынского и болгарского берегов копошились люди; артиллерийские лошади сами выходили из воды. Ни Клименко, ни Нарзана нигде не было, как я ни всматривался в каждого спасенного солдата, в каждую лошадь, понуро стоящую на том или другом берегу.

Безразлично и неутомимо нес свои воды Дунай. В излучине подобрали трех артиллеристов, ухватившихся за бревно, медленно кружившееся в водовороте. Прислушивались, не раздастся ли крик о помощи, но вокруг чернела безмолвная вода...

Караван под командой начштаба шел на Видин. Я с врачом полка и его помощниками остался на песчаной косе. Распалили большой костер. Сушняк горел с треском, выбрасывая высокое пламя, а вокруг была огромная слепая ночь, поглотившая берега.

Шумела вода, вдали перекликались голоса.

К костру стягивались спасенные. Их высаживали из лодок румыны, болгары. Я снова всматривался в каждого солдата, Клименко среди них не было. Перевязывали раненых, сушили одежду. Насквозь промокшие солдаты жались к огню; вокруг костра становилось тесно: пришли даже те, кого вытащили из воды в далеком низовье.

Рассветало. Пламя сбилось, жарко пылали угли.

- Глядите! - сказал рядом со мной солдат, показывая на восток.

Шли кони. Они шли одни. Вел их Нарзан. Не спеша перебирая копытами, приближались к костру, застыли метрах в трех от него, подняв головы.

Я подошел к Нарзану, он ткнул голову мне под руку. Гладя коня, тихо спросил:

- Ты где же потерял нашего друга? Где, где?..

Он поднял голову, негромко заржал...

Утро теплое, на деревьях - яркие краски осени. А на душе тягостно... Может, не только от пережитого на реке, но и оттого, что на тротуарах Видина - битое стекло, а в воздухе пороховая гарь.

Шагаю вдоль стен, увитых плющом, мимо молчаливых домов с окнами, перечеркнутыми бумажными полосками. Добрыми взглядами встречают меня болгары, машинально отвечаю на их приветствия. Иду к командующему, не знаю, зачем он меня срочно вызвал. Как он распорядится мной, чего я недосмотрел, что упустил?

Сухие листья каштанов шелестят под ногами. Аллея впереди длинная, и мне не хочется торопиться.

Кабинет командующего огромен и роскошен: в мраморе, с мозаичным паркетом, с большими хрустальными люстрами и огромным столом. За ним худощавая фигура генерала.

- Пришел? - крикнул издалека. - Сколько в Дунае оставил?

- Точных сведений не имею. Но предварительно...

- А должен иметь! Садись, Аника-воин!

Я сел. Генерал расстегнул китель, посмотрел в упор:

- Как со здоровьем?

- Нормально, товарищ командующий.

- Ягдт-команда, прорвавшаяся из Лубниц, сегодня на рассвете истребила штаб полка в дивизии Епифанова. Пойдешь в его соединение и будешь командовать полком.

Я поднялся:

- Есть принять полк! Разрешите подобрать в запасном полку офицеров.

- Бери, кого найдешь нужным, пусть еще повоюют... Кроме того, даю три маршевые роты. - Он подошел ко мне и тоном, в котором были и горечь и доверительность, что не часто случается между подчиненными и генералом, сказал: - На фронте горячо, но нам нельзя топтаться на одном месте - нас ждет Белград!..

У меня трудно со временем.

И в штабе армии спешат: из резерва прислали пожилого полковника, видно соскучившегося по горячему делу: сейчас же сдавай ему полк, и никаких отсрочек!.. Он прилип ко мне, куда я - туда и он. И смотрит во все глаза, и принюхивается. Вгляделся в офицеров, с которыми я собираюсь уходить на передний край, ахнул:

- Да вы что, батенька? С кем же я-то останусь? Уж обижайтесь не обижайтесь, а я бегу и звоню генералу Валовичу!

- Как вам будет угодно...

Ашот Богданович безоговорочно заявил, что судьба нас связала одной веревочкой. Он собирал маршевые роты. Знаю - не прогадает, солдат возьмет обстрелянных, тех, с кем мы добивали окруженную группировку в лесах Молдавии.

Меня особенно волновало, как отнесется к моей просьбе майор Шалагинов. За ним послал Касима. Жду... Не встряхнув чубом, как он это делал всегда, доложил о своем прибытии.

- Александр Федорович, ты мне нужен, очень!

- Кому прикажете сдать батальон?

* * *

Вера, как говорится, готова и на марш и на песню. Вещи наши сложены; в обнимку стоят в уголочке походные мешки.

- Куда это ты?

- Спрашиваешь... Скорее раздевайся да в таз залезай - вода готова. Вымою тебя, а то придется ли... - Она энергично трет мне спину. - Не в коня корм. Одни кости у мужика!

- Зато бицепсы, вот пощупай.

- Прямо-таки Поддубный!..

Вымытый, вычищенный лежу в постели с белыми простынями, слежу за Вериными хлопотами. Она много умеет, руки у нее ловкие, сноровистые. Но сердце мое не бьется так, как билось в том румынском городке, когда я спешил к светлым госпитальным палаткам...

- Верочка, иди ко мне, сядь рядом.

Она вздрогнула, подняла голову.

- Со мной тебе трудно? - С неожиданно нахлынувшей нежностью я обнял ее. - У нас все будет хорошо, накрепко, навсегда!

- Уж помалкивал бы. - Глядя в сторону, заплакала. - Ты

совсем меня за дурочку принимаешь. Думаешь, ничего не знаю...

- Ты о чем, Верочка?

- О краснодарской. Думаешь, забыла?

- Зачем про это сейчас, зачем, скажи, пожалуйста?

- Мне семью свою сберечь надо. Через всю страну прошла - тебя искала!

Я гладил Верины волосы в крутых завитках.

- Не надо, Вера... Мы завтра идем в бой...

Она насторожилась:

- Хочешь избавиться от меня?

- Избавиться... Словечко-то нашла. Ты нужна нам - мне и дочери. У меня, кроме тебя, никого нет. И смотри правде в глаза: Наташку можем оставить круглой сиротой.

- Ты мне зубы не заговаривай Наташкой. Я знаю сама, где мне быть и какую дорогу топтать. Не поеду никуда. Не будет этого, не будет...

- Да пойми, жен на фронт не берут!

- Разве? Мало там баб с вами...

- Там не бабы, а солдаты, мобилизованные. Меня с тобой в боевую дивизию не пустят. Здесь ты на законных правах вольнонаемной, а там не нахлебницей же тебе быть... Вот что: капитан Карасев выпишет проездные документы, снабдит тебя всем, что положено, - и домой!

Вера поплакала, но, к счастью, недолго. Вытерла слезы.

- Думаешь, я по дому не соскучилась? Еще как, господи!.. И тебя одного оставлять боюсь. Боюсь - и все.

- А цыганка твоя? Гадала же...

- Да пошла она к чертовой матери!..

32

Штаб епифановской дивизии занимал винодельню. В большом, похожем на ангар помещении с развороченной снарядом арочной крышей стояли давильные прессы "мармонье". Гулко отдаются мои шаги.

- Кто идет? - остановил автоматчик, показавшийся из-за тысячеведерного чана.

- Подполковник Тимаков.

- Вас ждут. - Он открыл в полу люк.

Крутая лестница вела в полутемный подвал. Я спустился на площадочку, освещенную яркой лампочкой, и... замер: передо мной стоял Иван Артамонович Мотяшкин.

- Здравия желаю, товарищ полковник! - вытянулся перед ним.

- Вам кого? - спросил сурово.

- Не узнали? Подполковник Тимаков, был в краснодарском резерве.

- Что Тимаков - известно, что офицер, которого мы ждем, - нет. Прошу документы.

Фу, черт возьми!.. Пришлось доставать удостоверение личности и предписание отдела кадров. Мотяшкин с пристальным вниманием рассмотрел их и вернул мне:

- Где пополнение?

- В лесу, в пятистах метрах от вашего КП.

Как и прежде, в белом подворотничке, но в глазах и знакомая мне самоуверенность, и что-то новое, скорее всего усталость. Он протянул мне пухловатую руку:

- С прибытием в нашу боевую дивизию. Выходит, встретились... Идите к генералу, срочно. - Кивком головы показал на высокую узкую дверь, едва видневшуюся в полумраке.

Я помнил приглашение Епифанова еще там, за Днестром, и решительно открыл дверь. Генерал холодно скользнул по мне взглядом.

- Боевой частью командовали?

- Командовал партизанской бригадой.

- Ладно. - Он из ящика стола достал планшет. - Вот все, что осталось от человека, которого вы замените. Усаживайтесь, достаньте из планшета карту, хорошенько всмотритесь в нее; все, что сможете прочитать, прочтите и запомните.

Выгоревшая километровка испещрена стрелками - синими и красными, кружочками, ломкими линиями, в нескольких местах разорванными. Не так уж трудно было догадаться, что 310-й стрелковый полк, начав марш 21 сентября из района города Шумен, к концу месяца достиг рубежа болгаро-югославской границы, а на днях с боями подошел к городу Заечару - узлу железных и шоссейных дорог, связывающих южную, северную и западную части Сербии. Сейчас он занимает позицию на юго-восточных подступах к нему.

- Мало что узнали? Слушайте и глядите на километровку; - Генерал уткнулся в свою карту. - Перед нами городок, отделенный от нас речкой Тимок. Он лежит в котловине. Та сторона его, где немцы, повыше нашей; там леса, а на юге высота. Что на ней, нам пока неизвестно. Перед вашим полком расположено городское кладбище. Замечено там около двадцати огневых точек противника и до шести рот солдат. Эта сила поддерживается массированными залпами артиллерии, которая в основном бьет с закрытых позиций. Ваш сосед слева - полк Пятьдесят второй стрелковой дивизии, нацеленный на железнодорожный мост через Тимок. Вот и все. Данные скудные, а приказ о штурме может поступить внезапно. Немедленно отправляйтесь в полк и всеми средствами наблюдайте за

противником, познакомьтесь с позициями и окапываться, окапываться!

Вопросы рождались во мне один за другим, но времени задавать их не было.

- Разрешите приступить к командованию?

- Разрешаю. - Генерал протянул руку: - Действуйте, подполковник. И людей берегите, берегите!..

* * *

В полк нас, меня и Ашота, вел старший лейтенант Архипов. Он в немецком маскхалате, молодой, с рыжей бородкой и мальчишескими кругловатыми глазами. Как-то виновато представился, будто это он не смог задержать прорвавшуюся на КП полка "ягдт-команду" и из-за его какого-то промаха, в котором он сам никак не может разобраться, погибли офицеры штаба во главе с командиром полка. А он - жив и очень хочет жить.

Положение мое было прямо-таки аховым. Почему-то вспомнились огромные серые камни, окружавшие кратер потухшего вулкана. За ними тогда ждали нас каратели. Мы притаились на дне кратера в кустарниках - слепые и зрячие, кто покорился судьбе, кто мучительно искал выхода из этой мышеловки. Мы нашли его, и потом, когда шагали по безопасной лесной дороге, тот капкан, в котором мы только что были, казался не таким уж страшным...

Командный пункт полка находился в подвале, заваленном гниющими фруктами; пьянящий винно-кислый дух ударил и ноздри. В углу горела лампочка от аккумулятора, под ней сидел офицер в наброшенной на плечи шинели. Увидев нас, встал; стараясь не споткнуться, пошел навстречу. Хлопотливо одергивая гимнастерку, виновато сказал:

- Я же совхозный статистик, а мне говорят: "Командуй!" Всего-навсего капитан интендантской службы, вон у меня и кухни поотстали...

- Идите подгоняйте свое хозяйство. - Я полол ему руку, представился и на прощанье сказал: - И чтобы горячее два раза в сутки!

- Это мы сделаем, товарищ подполковник, тут уж будьте спокойны, сказал радостно.

Ашот, отшвырнув валявшиеся под ногами яблоки, подошел к полевому телефону, нажал на зуммер:

- Кто живой, отзывайся... Да-да, давай сюда начальника связи. Убит? А ты кто будешь? Так вот слушай меня, старшина...

Я посмотрел на часы.

- Ну, начштаба, сколачивай новое хозяйство, а я на позиции.

В сопровождении Архипова и двух автоматчиков вышел на

кукурузное поле и тут же был обстрелян минометным огнем. На переднем крае - окопы в полный рост, но проходы между ними лишь намечались. Взводами командовали сержанты, ротами - младшие лейтенанты. На батальон - менее ста активных штыков. Полоса полка по фронту около трех километров, впереди - ровное поле, лишь местами пересеченное мелкими кустарниками. Многие солдаты спали. По всему участку била артиллерия, но не кучно.

Появился сержант с телефонным аппаратом, протянул мне трубку. На проводе Ашот:

- Из того, что прибыло с нами, половину направляю к вам, а вторую держу в резерве.

- Поступим иначе. При себе оставь третью часть, остальных скрытно, но дорожа каждой секундой - по хозяйствам, пока поровну.

Меня разыскал длиннолицый офицер с голубыми глазами:

- Командир гаубичного дивизиона майор Нияшин! Мои машины за вашим КП.

- Свяжитесь с командиром полковой батареи.

- Убит. Вчера.

- Тогда придется вам быть богом нашего полка. Все пушки - вам. Договорились?

Майор молча смотрел на меня, как бы ожидая, не откажусь ли я от своих слов, которые можно понять и как просьбу, и как приказ.

- Через два часа представьте мне схему ведения артогня, - сказал я.

- Хорошо. - Ушел не торопясь.

Скинув плащ-палатку, чтобы солдаты видели мое звание и награды, медленно продвигался с правого фланга на левый, на ходу знакомясь с офицерами. Стало прибывать пополнение. Распределил его по ротам. Солдаты просыпались, послышались негромкие команды, замелькали лопаты.

- Окапываться, хлопцы, окапываться, - раздавались голоса сержантов.

За виноградниками, окружавшими домишки под красной черепицей, расстилалось безлесное и безлюдное поле. Метрах в шестистах от переднего края было городское кладбище, откуда постреливали короткими очередями немецкие пулеметы. Над левым флангом полка нависала лесистая гора - крутая, конусом. Гора молчала. Оттуда, по-видимому, проглядывались позиции не только нашего полка, но и других частей, располагавшихся севернее.

Пошел к артиллеристам. Голубые глаза майора Нияшина

холодно смотрели на меня.

- Как позиция? - спросил у него.

- Хреновая. Не мы ее выбирали...

- Они, что ли? - Я кивнул на гору.

- Пожалуй, что они... Тащу пушки от Сталинграда, и на всем пути реки текут с севера на юг. Правый берег выше левого. Им, гадам, везет: они смотрят на нас с верхотуры, всегда с правого берега. За три дня в лобовых атаках знаете скольких побили...

Возвращался на командный пункт, а думка у меня одна: дадут мне ночь или прикажут сегодня же поднимать полк в атаку?

В трех батальонах до пятисот активных штыков. И мало, и вроде бы много... Пушек бы побольше, минометов. Шалагинов своих поведет на штурм, а чем я прикрою его батальон? Пока в полку на километр двадцать стволов вода в решете. Достаточно кинжального прицельного огня немецких пулеметов и нам каюк...

На командном пункте уже несколько телефонов, раций. Ашот кого-то вызывает - наклонился к микрофону:

- Я "Коршун", я "Коршун"! Перехожу на прием... Молодец, хорошо отвечаешь. - Увидев меня, тихо спросил: - Худо, командир?

- Времени бы нам, Ашот!

- Не дадут его, Константин Николаевич.

- Колдуешь?

- Зачем колдую? Обстановка. - Он развернул карту, на которой густо рассыпаны условные значки - огневые точки врага, наша позиция и то, что было за нами. А за нами - гаубицы РГК заняли новые боевые рубежи, еще дальше стоят наготове реактивные дивизионы. - Не на парад же, командир!..

Я пожал плечами и вошел в нишу с перископом. Ашот стукнул по дощатому столику американской консервной банкой:

- Надо подзаправиться, не люблю голодным воевать, голова пустая.

Ели с ножа, запивали неустоявшимся кисловатым вином.

- Ах, если бы одну ночь! - причитал я.

- Не будет ее.

Кто-то звонко высморкался - на пороге стоял полковник Мотяшкин, заместитель командира дивизии по строевой части. Я, как и положено, доложил о том, что успели сделать. Он выслушал, стал внимательно присматриваться к оперативной карте.

- Да! - Устало присел на ящик.

- Вина сухого, товарищ полковник?

- От стаканчика не откажусь.

Выпил, достал платок, еще раз высморкался, платок сунул в карман. Сказал как-то очень уж обыденно:

- В восемнадцать тридцать штурм. Прошу принять приказ комдива...

Комбаты, начальники приданных полку боевых средств вваливались на КП, козыряли Мотяшкину и молча жались к стенкам. Иван Артамонович внимательно всматривался в лицо каждого. Помню этот его взгляд, как-то сразу охватывающий всех и все...

Несколько раз перечитал приказ генерала Епифанова, в котором черным по белому сказано: 310-му стрелковому полку в восемнадцать часов пятьдесят минут занять городское кладбище и завязать бои на окраинных улицах Заечара. Значит, лобовой штурм. Мысленно хотелось представить себе, как это получится, но видел лишь ровное поле за виноградниками, по которому бегут мои солдаты и падают от пуль оживших огневых точек врага. По спине пробежал холодок. Не повезло. Не повезло...

Посмотрел на молчаливого заместителя Епифанова полковника Мотяшкина, сейчас моего начальника, и не нашел в его лице ни одной черточки, которая давала бы хоть какую-то надежду на отсрочку. Приказ есть приказ. Я пустил его по рукам. Мотяшкин следил за тем, как шуршащий листочек - черт его знает, почему он шуршал! - переходил из рук в руки. Полковник демонстративно взглянул на часы, потом на меня - он ждал моего приказа о наступлении. Я помнил, хорошо помнил полевой устав, вызубренный в мотяшкинском резерве, чуть ли не по порядку видел десятки пунктов, которые обязан был сейчас претворить в жизнь. Но что я в действительности знал о противнике, например, или о тех средствах, которые находятся справа и слева от наших позиций?

Предав забвению все формальности, очень кратко сказал о задаче полка, каждого подразделения, о сигналах взаимодействия. Учтиво, но настойчиво попросил полковника уточнить данные о противнике.

Иван Артамонович расстегнул на вороте кителя крючок.

- Все, что известно штабу дивизии, изложено в преамбуле приказа генерала Епифанова, - сказал он.

Офицеры разбежались по подразделениям, а Мотяшкин, выждав время, отвел меня в сторону, спросил:

- В партизанах вы всегда знали все о противнике?

- Не всегда. Но там действовали по правилу: увидел - ударил - убежал. Ищи ветра в лесной чащобе.

Мотяшкин еще какую-то секунду удерживал на мне свой взгляд, а потом плотно уселся на ящике из-под махорки и замолчал надолго.

Стали поступать данные: противник зашевелился на

кладбище, тасует огневые точки. Час от часу не легче...

Навел перископ на высоту, сплошь покрытую соснами. Ночью вполне мог бы пробраться туда, тихо-тихо сосредоточить стрелковую роту, усиленную разведвзводами и автоматчиками. На рассвете - Шалагинов на штурм, а мы фланговый удар по кладбищу. Сдуть фашистов в один момент. Размечтался, а вот-вот грянут пушки и начнется катавасия!..

- Майор, переместите резерв поближе к Шалагинову, на кукурузное поле, - приказал начальнику штаба.

Он козырнул и покинул КП. Еще пять минут - и начнется... Майор Нияшин кого-то шепотом ругает по телефону. Вернулся Ашот:

- Ветер упал.

- Хорошо, будет завеса.

Наша артиллерия всколыхнула долину, окаймленную невысокими горами. Кладбище окутывалось дымом. Батареи ударили и с участка соседа справа. С металлическим воем летели светящиеся снаряды над стыком наших позиций с соседом слева. Огонь еще больше усилился - комок на сердце понемногу рассасывался. Все будет хорошо. После такого огня особенно не пикнешь!.. Приказал связаться с Шалагиновым.

- Ты меня слышишь?

- Так точно.

- Видишь, что делается на кладбище?.

- Рвануть бы сейчас, а?

- Следи за сигналом атаки.

До начала штурма семь минут. Кладбище в черном дыму. Нетерпение охватывает меня. Шесть минут, пять, четыре... А что, если?..

- Ракетницу!

Ашот встревоженно смотрит на меня, ничего не понимая.

- Штурмовать! Штурмовать! - Я выхватил ракетницу из рук ординарца. Вместе со мной выбежали из КП Касим и телефонист с разматывающейся катушкой.

За три минуты до конца артиллерийского удара три мои красные ракеты одна за другой повисли в небе над батальоном Шалагинова: атака!

Через несколько секунд увидел перебежку. Отделение за отделением, развернувшись по фронту, за огневым валом, бежали бойцы по винограднику и залегали в кустарниках перед самым полем, откуда до кладбища оставался один лишь рывок.

- Молодцы, молодцы! - кричал я.

Пушки смолкли все сразу. Телефонист протянул трубку:

- На проводе генерал.

Набрав побольше воздуху, возбужденно доложил:

- Хозяйство Шалагинова в кустарниках, у самого поля!

- Что-о? Кто позволил?

- Мы воспользовались артзавесой...

- Назад! Сейчас же! Ударят "катюши"! Назад!..

Я рванулся к батальону, но через три-четыре броска застыл на месте реактивные снаряды, полыхая, ложились на кладбище, на ровное поле. Они задели и кустарник - он вспыхнул, словно его облили бензином и тут же подожгли. Бежал вперед, падал, поднимался. Навстречу разрозненными группами откатывались солдаты. Столкнулся с Платоновым.

- Где комбат?

- Убили майора!

- Прими батальон!

Он молчал. Его взгляд был пустым.

- Выполняй приказ!

Наконец он узнал меня и понял, чего от него хочу.

Я искал Шалагинова.

Брел сквозь обуглившийся кустарник, петлял в нем, приваливался в ямы-воронки, в которых пахло толом и паленым, выбирался оттуда и снова к винограднику. На меже, что легла между ним и кустами, столкнулся с сержантом.

- Там. - Он показал на развалины.

В тесном подвальчике под обгоревшим домиком лежали убитые. Чуть в стороне - комбат, покрытый плащ-палаткой. Я приподнял ее и сразу же опустил... Сел словно пришибленный, прислонился к почерневшему дверному косяку, Здесь и нашел меня связной от Ашота:

- Вас срочно требует генерал!

За высотой, западнее, ухала земля - там что-то или кого-то бомбили. Трофейная кобылица нервно вздрагивала, шарахалась в сторону от сухого шелеста кукурузы.

Я чувствовал себя бесконечно малой частицей чего-то огромного, непознанного и потому страшного. Не мог представить мертвого Шалагинова. Кто-то чужой там, под плащ-палаткой, а Саша здесь, рядом, со своим чубом, своим безбородым мальчишеским озорством...

Стеганул кобылицу плеткой, она взвилась на дыбы.

33

Стою как пень перед генералом. Тут же Мотяшкин и незнакомый подполковник, внимательно вглядывающийся в меня, Молчу, смотрю, как Епифанов сжимает в руке серебряный портсигар - пальцы побелели.

- Может, все-таки заговорите? - Генерал поднялся, стукнув

портсигаром по столу. - Нечего сказать в оправдание? Контужен, что ли? - Повернулся к незнакомому офицеру: - Приказ по дивизии сейчас же. Я отстраняю его от полка.

- Его поступок заслуживает военного трибунала, - подал голос Мотяшкин.

- Оставьте нас одних, - потребовал Епифанов и, когда те двое вышли, подтянул к себе карту. - Подойдите, посмотрите сюда внимательно.

"Обход!" - догадался я, глядя на красную стрелку, огибающую с юга гору, на которую так жадно смотрел еще недавно.

- Запоминайте все, что скажу!..

Мне надо встретиться с местным жителем. Он проводит мою команду двести бойцов - через реку и железнодорожное полотно. Там, в тылу, в глухом лесу, к нам присоединится сербский партизанский батальон. Все силы я обязан скрытно сосредоточить перед поляной, за которой стоят пушки немцев, и ждать. Как только отстреляется наша артиллерия, а штурмовая авиация начнет дубасить западную окраину городка, мы - в атаку. И чтобы ни одной пушки врага, ни одного живого расчета!

Генерал, не поднимая головы, сказал:

- Идите! Посмейте сорвать операцию - штрафной не отделаетесь. Все!

Вышел в темную ночь, закурил. Тошнотворный дымок папиросы ударил в голову. Действовать, сейчас же действовать! Только не думать...

* * *

Лесник с прокуренными усами, в залатанном сивом зипуне, в черногорской феске с траурной каймой смотрел на меня по-детски ясными глазами.

- Иво Перович, - протянул руку, Ладонь жесткая, сухая, - Сам войник прве чете{2}.

Развернул перед ним карту с красной стрелой, указывающей наш ночной путь, ткнул пальцем в вершину горы:

- Немцы есть?

- Гледачи{3}. Немачки тамо, - показал на западный склон. - Има пет батарейе и една чета{4}.

Меня разыскал Андрей Платонов.

- Возьмите с собой! - сказал как отрезал.

- Собирай двести солдат. Гранат, гранат побольше. И чтобы ни у кого ничего не стукало, не грюкало.

Ашот все время молчал. С тех пор как я, упреждая приказ, послал в небо три красные ракеты, он как бы отделил себя от меня. Даже когда я сказал, что уведу двести солдат и что ему командовать полком, он не разжал губ и в глазах его осталась не

свойственная ему отрешенность.

...Легко шагал Перович. Мы без шума перешли через речушку, но только успели дойти до полотна железной дороги, как с фланга ударили пулеметы трассирующие пули пересекли дорогу. Из-за горы, черным горбом торчавшей над нами, выпорхнули ракеты. Выждав, пока в небе погаснет последняя искорка, рывком перемахнули через полотно. Кто-то упал, застонал.

Вспотевшие, тяжело дыша, карабкались вверх сквозь черный лес. Тропа дикая, каменистая. Запахи вокруг, шорохи казались мне до боли знакомыми. Наверное, во всех горных лесах одна и та же сладковатая затхлость и сушняк одинаково потрескивает под ногами.

Перович ушел в разведку. Солдаты разлеглись, с трудом переводя дыхание; кое-кто уже похрапывал. Лес меня понемногу успокаивал, был будто родным, давным-давно хоженым-перехоженым...

Вернулся проводник и привел с собой высокого человека в длинном офицерском плаще.

- Наш командант. - Он отошел в сторону.

- Капетан Прве сербске бригаде Кицманич. - Незнакомец размашисто раскинул руки.

Мы обнялись. От капитана несло крепким самосадом и еще тем запахом, который присущ человеку, долгие месяцы прожившему под открытым небом, коротавшему ночи у бездымных костров.

Капитан посмотрел на часы со светящимися стрелками.

- Треба на пут, друже подпуковниче. - Забросил за плечо автомат.

Чем выше мы поднимались, тем слышнее становился фронт. Он был беспокойным. Часто били короткими очередями пулеметы; на востоке, над позициями нашей дивизии, повисли "сапы" - они долго горят, освещая долину от края до края, а потом внезапно гаснут, и ночь становится еще темнее. Пятиствольные зенитные пушчонки, приспособленные для стрельбы по пехоте, неожиданно заколотят в ночь - и воздух завизжит, как несмазанная телега, аж челюсти сводит.

До рассвета еще немало времени, но за густотой леса уже как-то ощущается поляна. Еще тише шагаем, еще плотнее жмутся солдаты друг к другу. Впереди замелькали какие-то тени - останавливаемся.

- Наши войници, - шепчет Кицманич.

Начинается беззвучное братание: тискаем друг друга, толкаемся, меняемся зажигалками, флягами.

У сарайчика наш проводник остановился, нажал плечом на

заколоченную дверь, она распахнулась - мы вошли в сухую, пахнущую овечьим сыром кошару. Перович зажег фонарь.

Кицманич немного старше меня. Под крутым лбом горят глубоко сидящие глаза, при улыбке на изрезанном морщинами лице появляется что-то детское. Мы говорим с ним на смешанном сербско-русском языке, но понимаем друг друга. Кицманич точно знал расположение пяти немецких батарей, систему полевой охраны. Еще сегодня вечером немцы подбросили туда роту солдат. Мы разделили наши силы на три части, договорились о связи и сигналах.

Приближался рассвет. На фоне черного соснового бора заметно высветлялась поляна. Кицманич, сняв пилотку, молча смотрел на поляну, заросшую редким низкорослым кустарником.

- Овде су биле прве наше жертве фашистког терора Тимочке крајне: шестог семптембра сорок едной године обешени у центру поляна мои другари секретар окружного комитета коммуниста Миленко Бркович и члан комитета Дёрдье Семенович. Мои бойци жельни освете!{5}

Мы обнялись и разошлись на исходные позиции. Перегруппировка наша шла без суматохи. Мы так близко подползли к немцам, что слышали шаги часовых.

Лежу на сербской земле, пахнущей терпкой горечью каких-то незнакомых трав, прижимаюсь к ней небритой щекой. Земля молчит, отдавая мне свое тепло, и я слышу: "Мои бойци жельни освете!.."

Ровно в шесть часов утра небо на востоке озарилось молнией - снаряды, перегоняя друг друга, накрывали немецкие позиции от горы до синеющего марева на севере, где проглядывались красные черепичные крыши окраинных домов Заечара.

Немцы молчали. И батареи, на которые нацелились мы, тоже молчали.

В шесть часов тридцать минут пошли наши штурмовики, целыми эскадрильями, одна за другой, накрывая на западе вражеский передний край реактивными снарядами.

- Вперед! - Я рванулся с места, вытаскивая из кобуры пистолет.

Бежали сквозь кусты, перепрыгивали через запасные окопы; правее нас, развернувшись в цепь, в полный рост, молча, не стреляя, шли солдаты Кицманича. Но вот они бросились вниз по склону, к батареям, и все пространство вокруг наполнилось их криком, рваным и режущим слух, как боевой клекот белоголового сипа, камнем падающего на добычу.

Я бежал, стреляя, падая, поднимаясь... Из-за куста выскочил немец и выстрелил в упор - пуля обожгла щеку. Перепрыгнул

через куст и упал на немца. Он, ногами ударив меня в живот, замахнулся винтовкой. Но приклад, повиснув надо мной, вдруг исчез.

- Живой? - Платонов поднял меня.

- Где твои солдаты?

- Уже кромсают батареи.

Увидел наших и сербских солдат, противотанковыми гранатами взрывающих пушку за пушкой.

Кицманич, подняв кулаки:

- Не треба! Не треба!

Его никто не слышал. Он бросился к батарее и, стоя во весь рост, раскинул длинные руки, будто прикрыл собой орудия.

Я сел на камень, закурил. От батареи шел ко мне Кицманич. На шее висели два трофейных автомата, а в руке полевая сумка немецкого офицера.

- Капут батарея, една, друга! - Сбросив автоматы, он свалился рядом, раскинул руки и ноги. - Капут немачки! Капут!

Появились танки... с запада, наши, "тридцатьчетверки"! Они наискосок пересекли поляну, остановились, развернувшись на девяносто градусов, ударили башенные и лобовые пулеметы. Я видел дорогу, уходящую на запад, по ней отступали немцы на машинах. Танки, подминая кусты, пошли наперерез. Немцы выскакивали из кузовов, разбегались врассыпную.

* * *

Генерал Епифанов обходил строй пленных. Перед ним стояли эсэсовцы, рослые, молодые, в добротных кителях с одним погоном на плече.

- Вот гады, по сопатке получили, а все кочевряжатся! - Епифанов подозвал коменданта штаба дивизии и приказал смотреть в оба: попытаются бежать - расстреливать на месте.

Он велел мне сесть в машину. "Виллис" пересек поляну с убитыми немцами, подпрыгнул на бревне, лежавшем поперек дороги, и стал спускаться в город. Улицы в битой черепице, под колесами трещат осколки стекла. Чем ближе к центру, тем больше вооруженных людей с красными лентами на лацканах пиджаков, на фуфайках, у многих немецкие автоматы. На центральной площади горожане. Кто-то тренькает на гуслях, вокруг какого-то полуразрушенного памятника азартно пляшут коло. Генерал повернулся ко мне всем корпусом:

- Дают жару братья славяне!

- Зло дерутся...

- Куда уж злее - немцев в плен не берут. Понять нетрудно: много горя принесли им фашисты. Что ни село - горе, что ни дом - плач.

За железнодорожной насыпью - городское кладбище. Надгробные плиты, склепы, раскромсанные снарядами, напоминали мне херсонесские развалины. Деревья обгорели, местами торчат черные пни. Генерал долго смотрел туда, где еще вчера были наши позиции. Вышел из машины, сел на могильную плиту. Перед нами было то самое поле, по которому вчера должны были бежать солдаты Шалагинова. А дальше - черная линия обгоревших кустов, остов домика, в подвале которого недавно лежал Саша Шалагинов...

- Гляди, гляди, - показав на поле, сквозь зубы процедил генерал. - За все это мы еще с вами ответим!.. - Поднялся, потребовал: - Достаньте карту... Город Крушевац. Туда поведете авангард полка по азимуту. И смотрите, чтобы ни один фриц ни за какой хребет не зацепился!

34

Авангард наш шел на юго-запад. Ни крутые планины, ни молниеносные встречи с мелкими вражескими гарнизонами, которые мы сметали с ходу, не могли задержать нас. Пересекали долины, исполосованные горными речушками, шли через села со взорванными церковками, догоравшими домишками, мимо виноградников, темнеющих в сгущающихся сумерках. Нас гнал приказ, гнало сострадание к тем, кто встречал нас с глазами, еще полными скорби. Сербы с лицами, изборожденными морщинами, и их внуки, правнуки, выставляли вдоль дорог все, что могли найти в своих домах: кукурузные лепешки, паприк, сливовицу, терпкие груши и виноград. На стенах, на фанерных листах лозунги: "Живела, Црвна Армийе!", "Живела, српски войници!"

Мы останавливались на короткие ночевки, я связывался с Ашотом Богдановичем, который двигался километрах в сорока позади нас. Полк получил пополнение: солдат, группу офицеров и нового замполита.

Армейский автобатальон догнал нас на марше севернее Крушеваца. Приказ был срочным и ясным: на машины - и быть к вечеру на подступах к городу Крагуевац, в котором еще отчаянно сопротивляется немецкая группировка.

Колонна растянулась на километр. Пока тишь и благодать, ржавый отлив на небе - предгорья вот-вот запылают в лучах закатного солнца.

Непривычно видеть поля, разбитые на узкие полоски: делянка кукурузы, а рядом лоскуток виноградника, за ним черный пар. Навстречу идут коровы в упряжке, тащат арбу с кукурузой. Старый серб, сняв шапку, провожает нас взглядом, а жена, плечом подталкивая арбу, крутит веретено.

Деревня за деревней. Солнце ниже и ниже к земле,

вытягиваются тени. На северо-западе едва слышен артиллерийский гул. Тишина беспокоит; на "виллисе" обгоняю колонну, останавливаю ее, машины вплотную подходят друг к другу. Смотрю на карту: не знаю, насколько она точна. Нам предстоит подъем, за ним речка, а дальше равнина с мелким кустарником, переходящим в лес.

Ко мне подбежали грузный усталый лейтенант и связист с полковой рацией за спиной; задыхаясь, лейтенант выпалил:

- В эфире генерал!

Я услышал голос Епифанова:

- Из окружения вырвалась мотогруппа противника с тремя танками. Идет курсом на юг. Остановить и уничтожить!

Во что бы то ни стало мы должны первыми достичь леса и успеть занять на его северной опушке позицию.

Колонна идет на предельной скорости; вот мы и в лесу... Спешились, тщательно замаскировали машины. Офицеры бегут ко мне.

В глубине лес уже темнел, стоял недвижно. Негромко отдаю приказ:

- Платонов с двумя ротами окапывается под соснами по обе стороны дороги. Взводы автоматчиков, разведчиков и третья платоновская рота - мой резерв. Им будет командовать... - мой взгляд остановился на старшем лейтенанте Архипове, - командовать будете вы.

- Есть! - козырнул Архипов.

- Командиру батареи выдвинуть две пушки на платоновскую позицию, две другие эшелонировать в глубине леса. Сигнал открытия огня - красная ракета. Действуйте! - Я снял с плеча автомат, перевел рычажок на боевую очередь.

Окапывались, в стороне замелькали противотанковые ружья Платонова, длинные, будто копья кавалеристов.

На бугре, километрах в двух от нас, показался немецкий танк. Он шел медленно. Танкист, высунувшись из башни, внимательно осмотрел дорогу, дважды скрестил руки над головой, и машина пошла на спуск. Выполз еще один, а за ним с небольшими интервалами потянулись бронированные семитонки полным-полны солдатами. В полевой бинокль хорошо проглядывались лица немецких солдат, кое-кто подремывал, склонив голову на плечо соседа.

Немцы приближались, но не спешили: чувствовалась их настороженность.

Колонна остановилась в километре от леса. Передний танк поворочал башней и пушечно-пулеметным огнем ударил по опушке. Выждал и снова ударил.

Господи, еще бы поближе! Они надвигались, надвигались... Рука нажала на спусковой крючок ракетницы - между немцами и нами в небе рассыпался красный шар. И сразу же вспыхнул передний танк, а второй начал отползать назад - наш снаряд угодил в правую его гусеницу. Он завалился набок, загорелся. Откуда-то вынырнул третий танк и на страшной скорости ворвался в лес, раздавил нашу пушку. И тут же башня его приподнялась и отлетела в сторону. Внутри машины рвались снаряды.

Немецкая мотопехота, рассыпавшаяся поначалу кто куда, стала стягиваться за густыми кустарниками. Оттуда неслись команды офицеров. Немцы атаковали платоновский левый фланг, прорвали оборону. От меня к Платонову побежал связной с приказом развернуть правый фланг на девяносто градусов и окапываться. Слух мой настороженно улавливал звуки, идущие из глубины леса. Мучила мысль, что Архипов - ведь я его совсем не знал - растеряется и резерв наш не справится с прорвавшейся в лес немецкой пехотой. Наконец донесся до меня треск автоматов - наши ППШ! К нему присоединилось нарастающее "ур-ра-а".

Из лесу выбегали немцы, ползли, падали. Справа платоновцы пошли в атаку. Я увидел Архипова с содранной кожей на скуле, без пилотки.

- Получили, гады! - кричал он...

* * *

Через сутки мы вошли в Крагуевац.

Похоронили убитых, раненых эвакуировали в глубокий тыл. Подошел полк Ашота со всем своим пополнением; с трудом расквартировались в окраинных домах.

Я думал, что моя хозяйка нелюдима и стара: вся в черном, лицо прячет. Ходит по собственному дому тихо, как чужая. Злюсь на Касима: не мог подобрать что-нибудь более подходящее... Какой уж там отдых, когда в четырех стенах чувствуешь себя как в могиле!

Умылся, причесался, сел за стол - поесть бы горячего, выпить кофе, аромат которого дразняще тянется из кухоньки. Вошла хозяйка, поставила на стол вазу с яблоками, сказала:

- Покушайте.

Я увидел ее глаза - поднялся: скорбь, которая, наверно, останется в них на всю жизнь, потрясала.

- Что с вами, мать?

- Они убили моего дечака{6}. - И стала креститься.

- Вы русская?

- Я сама србка. Мой муж рус. Немцы су убиле три стотине ученика гимназии и два десять професора. - Из-за пазухи достала

фотографию мальчика и тяжело опустилась на стул.

...Вот уже четвертый год я вижу смерть, сталкиваюсь с ней лицом к лицу, с глазу на глаз. Помню: перед тем как пойти в атаку на фашистский гарнизон, мы, партизаны, стояли возле уничтоженного шахтерского поселка. Торчали голые стены взорванных каменных домов, догорали деревянные постройки, в воздухе летал пух из распоротых подушек и перин; над застуженной землей, каким-то чудом зацепившаяся за торчащую балку, болталась детская кроватка. В ущелье в снегу лежали убитые: старики, старухи, их дети и внуки... Был я и в крымской деревне Лаки, которую фашисты тоже превратили в груды развалин. Над развалинами возвышался не взятый ни огнем, ни взрывом колхозный клуб. Вдоль его стены лежали девушки, изнасилованные, а потом изрешеченные автоматными очередями. Казалось, что уже ничто больше не может потрясти меня.

В октябре сорок первого крагуевацкий партизанский отряд в открытом бою убил десять немецких солдат и двадцать шесть ранил. Каратели хватали на улицах, на базаре, в домах Крагуеваца всех без исключения мужчин от шестнадцати до шестидесяти. В их казармах - две тысячи заложников, две тысячи! Для ровного счета не хватало трехсот, за одного убитого немецкого солдата - сто жизней, за раненого - пятьдесят. И ходить далеко не надо, если в центре города в старом здании гимназии учатся мальчики. Фашисты ворвались в пятые классы. Они отобрали триста ребят и погнали за город. Три колонны мальчиков замыкали шествие на Голгофу. Триста! Потом стало триста пять... триста десять... триста двадцать. Старые профессора и учителя гимназии по своей доброй воле, по приказу собственного сердца, не выполнить который - значит предать, вливались в строй смертников.

Каратели методично подводили к столетнему дубу одну колонну за другой и скашивали ее автоматными очередями. В последней колонне мальчиков на ее правом фланге - два человека, которых знали все горожане: директор гимназии Павлович и профессор Георгий Кобасько. К директору подошел офицер карательного отряда и сказал:

- Вы свободны, господин Павлович, вас ждет семья. Я вас отпускаю.

- Мое место у строю, и хочу до края да делим судьбину моих джака{7}, ответил Павлович.

...Я шел на окраину. Сюда шли солдаты поодиночке, офицеры, шли матери в трауре и старухи, иссушенные годами горя.

Моросил дождь, дорога раскисла. По ней вели тогда колонны

на смерть. Серое осеннее небо, серые, умирающие травы. Вот дуб с жестяно шелестящей листвой - под ним расстреливали. А вот сосны; их корни, будто кости убитых, выпирали из-под земли. И - кресты, кресты. Черные кресты, как строй, ломающийся под автоматными очередями...

Вошел в штаб и столкнулся с майором Татевосовым. Я не узнал его: губы белые, щеки посерели, всегда яркие - и в веселье и в гневе - глаза потускнели.

- Что произошло, Ашот Богданович?

- Убит генерал Епифанов, - сказал тихо. - Утром, на командном пункте дивизии, прямым попаданием...

Я вошел в комнату, сел за столик с телефонами. Собственное хрипловатое дыхание оглушало; от внезапного телефонного звонка вздрогнул, встал, пошел к двери. Звонок настойчиво повторялся. Я вернулся и нехотя потянулся к трубке.

- Мне Тимакова. - Голос полковника Мотяшкина был спокоен, будто ничего не случилось.

- Я на проводе, - сказал, одолевая спазму, подкатившую к горлу.

- Прошу прибыть ко мне сейчас же.

Я молчал; почему-то снял с головы фуражку, затем снова надел.

- Вы что, не поняли? - Голос его оставался ровным.

Я положил трубку и долго не снимал с нее руки.

Второй час в приемной - жду, когда вызовет к себе полковник. Он не спешит. Адъютант виновато поглядывает на меня, на иконы: их много на стене, почти от пола до потолка. Мы в доме попа. Говорят, был русский, белый офицер. Дал стрекача.

Брякнул звонок. Лейтенант подскочил как подброшенный, проверил заправочку, втянул живот и шагнул к двери. И я машинально провел рукой по широкому поясному ремню.

- Требуют, идите! - Лейтенант застыл перед дверью.

Я неторопливо вошел в кабинет, доложил. Мотяшкин, грузный, утомленный, со вспухшими глазами, молча подал мне бумажку. Приказ в три строки: я отстранялся от командования полком за потерю управления боем в районе Заечара, в результате чего от своего огня погибли несколько человек, в их числе комбат Шалагинов. Приказ подписан генералом Епифановым в ту самую ночь, когда я вел солдат в тыл немцев.

Молча положил приказ на полковничий стол.

- Ну! - Мотяшкин поднял глаза, поглубже уселся в своем кресле. - Что же вы? В кубанском резерве были настойчивее - помню ваши рапорты.

Я чувствовал, что вот-вот потеряю самообладание. Надо

держаться... Мотяшкин молчал - давал какое-то время, чтобы я пришел в себя, что ли?

- Буду откровенным, подполковник. Я внимательно познакомился с вашим прошлым. Как думаете, какие причины приводят вас порой к совсем неожиданным результатам? - Он вытащил из кармана платок, большой, белый, не спеша протер затылок и выжидающе смотрел на меня; ноздри его раздувались. - Вы упорно молчите, и очень жаль. Мне нужен боевой офицер, таковым я вас считаю. Но в первую очередь мне нужен трезвый офицер, знающий, какой следует сделать шаг в любой обстановке, и понимающий, что это за шаг. Вы знаете, кто такой командир полка?

- Простите, товарищ полковник, устал я...

- Вам придется выслушать меня, и советую внимательно выслушать. При нашей первой встрече в резерве...

- Второй, товарищ полковник...

- Как это - второй? - Его сухой, официальный голос дрогнул, в нем почувствовалось искреннее удивление.

- Первая была в санитарном эшелоне. Тогда моя рана дурно пахла...

- Так это были вы? - Он снова достал платок, вытер вспотевшее лицо.

- Куда прикажете следовать?

- Во второй эшелон дивизии в Свилайнац до особого распоряжения.

- Разрешите идти?

- Одну минуту. - Он встал, подошел ко мне. - Я четверть века в армии. Был свидетелем гибели храбрых командиров. Одни шли напролом и потом бились головой о стену, другие выходили за грани возможного. А все должны быть в круге своем. Инициатива? Пожалуйста, проявляйте сколько угодно, но на своей орбите. Высунулись из круга - нарушили налаженный ритм. Сигнал к атаке кладбища под Заечаром позволено было дать только генералу: то было в его круге. Но вы вылезли, а финал - беда!.. Не знаю, как сложится ваша судьба, как определят ее следственные органы, но все же советую подумать над тем, что сказано вам от чистого сердца. Вы на машине?

- Верхом. Со мной ординарец.

- Лошадей сдать, ординарца... Впрочем, пусть пока будет с вами...

Мы ехали с Касимом на попутной полуторке, лязгавшей всем своим расшатанным корпусом. На остановках, когда шофер, чертыхаясь, копался в моторе, мы прислушивались к артиллерийской перестрелке. Она особенно сильно разгоралась

на юге.

Вдоль дороги, подсвечиваемые солнцем, рыжели каштаны; у родника крестьянка набирала воду; на телеграфных проводах сидели воробьи. Волнистые холмы как бы укладывались на долгий покой.

На душе пусто, как в большом амбаре, закрома которого выскребли до последнего зернышка. Ни мыслей, ни планов.

За железнодорожным полотном мы вышли из полуторки - начинались улочки Свилайнаца, вкривь и вкось сбегавшиеся к центру, к церквушке. За ней маячило длинное глинобитное здание, крытое почерневшей черепицей; над ним трепыхался белый флаг с красным крестом. Домишки рассыпаны кое-как, повсюду много машин - санитарных, штабных и еще каких-то специальных, похожих на тюремные фургоны.

Касим приуныл, помалкивает.

До самого вечера искали уголок, где можно было бы приткнуться. На продпункте кое-как закусили и пошли на ночевку. Крыша нашлась - хатеночка, наполовину ушедшая в землю. Топчан со сбитым сеном, в уголочке икона, затянутая паутиной.

Стемнело. Спать, спать, никаких переживаний, а по-солдатски: раз - и в небытие...

35

Спал, как спят перед хворью: во рту терпкая, в горчинку сухость, затылок тяжел, словно на камне лежу. Что-то меня окончательно разбудило. Сон?

Я видел мать в ситцевом платье, строго глядящую на меня: "Ты почему не побывал на отцовской могиле? Был в станице, а не побывал. Или забыл, как я тебя туда водила?.."

Верстах в десяти от станицы, в хуторке, за деревянной оградой, под серебристым тополем - плита с позеленевшими от времени буквами, высеченными на сером камне. Лежат под ней ревкомовцы, порубленные бандитами-дроздовцами. В первой строке: "Тимаков Н. М. - предревкома. 1888-1923".

Военным курсантом я приехал в станицу на побывку. Утром перед отъездом мать сказала:

- Пойдем на отцовскую могилу.

Она долго стояла у серой плиты, степной ветерок шевелил ее седеющие волосы.

- Помнишь, был у тебя дед Матвей? Он у нас там, в Сибири, лесничествовал в урмане. Еще медом тебя угощал. От него-то я и грамоту познала. Раз на жатве сел он на сноп, покликал меня с отцом твоим. Перекрестился, поле оглядел и сказал нам: "Хороша земля, а я скоро помру. Много я пожил, страны повидал, людей

без счету. Всякое было - и доброе и дурное. Вот что я вам скажу: человек прозревает три раза. Только не каждый, в чем вся беда. Впервой всякая живность глаза открывает: и человек, и скотина, и птица... В другой - только человек. Тогда он о людях думает больше, чем о себе. Чужая боль - его боль. Чужая радость - его счастье... А уж в третий - то от бога. Люди на муки, на смерть идут за других. К примеру, в нашей Сибири сколько каторжан повстречал!.. Ведь иной кандалами гремит и не за себя, а за униженных страдания принимает..." Прожил дед Матвей еще сутки да и помер. Запали те слова в самую душу. Твой отец в германскую войну себя не жалел, кровью исходил, а все бился. Калекой домой пришел, цигарки не выкурил, а мужики к нему с поклоном: "Никола, иди дели землю, у тебя глаз верный и совесть мужицкая". Делил, а его били. Пришел домой без кровиночки в лице, а сам смеется: "Толстосумам толоку подсунул, на ней и картошка-то раз в три года родит". Хоть и покалечен твой батя, а все же мужик, в доме хозяин. Я-то радовалась, а он отлежался да и был таков. Уж искала-искала... Пришел слух: на кубанских землях бандитов гоняет. Я вас, малят, в охапку, и пошла наша дорога из Сибири в чужие края. Тряслись в товарняках, мерзли в вокзалах холодных; я в тифу валялась, а поспели - на похороны. Заманили нашего батю бандиты в хуторок да и порубали. Хоронили всем обществом, а я неживой на земле лежала... Вы ревмя ревели - для вас-то тогда и поднялась...

Хатенка, в которой я случайно оказался, похожа на ту, где наша семья мыкалась после гибели отца. Под боком, словно младенец, посапывает Касим. На глухой стене мертвенно-бледный свет подрагивает - от луны, заглядывающей через узкое окошко. На западе, на юге, как и вчера, артиллерийский гул. Почему-то бьют пушки и на юго-востоке, вроде и не так уж далеко...

Потолок хатенки нависает надо мной. В детстве все прочитанное и запавшее в сердце оживало на родном потолке. Там скакали кони, буденновцы в шлемах размахивали саблями. А то возникал курган, под которым я гонял овец, или станичный майдан, где ржали кони, кричали, плакали дети и бабы выселяли "крепких мужиков"...

Темная полоса матицы сейчас давит меня. Перевожу взгляд то вправо от нее, то влево, пытаюсь оживить картины детства, но - пусто, пусто... И в памяти как в мареве возникает нечеткая линия застывших офицеров полка и Петуханов, ничком лежащий в высокотравье... Глыбы домов впритирку друг к другу, а я иду, сжатый ими с двух сторон, и хочу, хочу увидеть хоть полоску голубого неба, но нет его. Один серый туман, а там, где-то далеко

на окраине, - хатенка с закрытыми ставнями и молодой, красивый в своем отчаянии Саша Шалагинов: "Ему нужны шагистика да дыры в черных мишенях"...

Господи, почему, почему я поднял батальон на преждевременную атаку?

"Нельзя совершать ошибки, которые потом невозможно исправить", слышится голос Рыбакова. Сама судьба одарила меня человеком, душевный крик которого я не сумел вовремя расслышать. Но почему?

Неужели власть над людьми делает человека настолько самоуверенным, что в нем появляется убежденность в своей непогрешимости? Или это я не выдержал испытание властью, данной мне?..

...Топчан поднялся и сбросил меня. Я ударился обо что-то твердое, расшиб лоб. Под гул и свистящий вой хатенка начала оседать, я закричал, выскакивая через покосившуюся дверь. Рядом разваливался соседний домик, будто с размаху бабахнули по нему гигантской кувалдой.

Улица бушевала: бежали люди; кони, выпучив глаза, мчались с повозками, с которых сыпались солдатские вещевые мешки. В мглистом утреннем небе рвались бризантные снаряды, чугунным дождем обдавая поселок; ревели машины, сшибаясь друг с другом.

- Стой!

Я выхватил пистолет и направил его на водителя машины, тащившей пушку с солдатами на лафете. Едва успев выскочить из-под ее колес, увидел офицера в расстегнутом кителе, безоружного, кричащего: "Немцы! Немцы!"

- Стой!

Как вкопанный остановился он передо мною, скрестил руки на груди молоденький лейтенант и, видно, необстрелянный.

- Задерживай бегущих! - приказал ему.

Мы собрали до взвода солдат.

- Веди за железнодорожную насыпь. Окапывайся!

Лейтенант скомандовал:

- По одному - за мной!

- Пикировщики! - крикнул за моей спиной Касим.

Их было двенадцать, шли в затылок друг другу. Ведущий как бы нехотя клюнул носом, свалился, высоко задрав хвост, и круто пошел на землю... За каштанами сгорбилась и рухнула церквушка. Мой взгляд перебегал от одной дымящейся воронки к другой. Рядом вспыхнула машина, косо уткнулась в кювет...

Касим с недюжинной силой рванул меня к себе, заорал:

- Бомбы!

Я оказался на дне узкой щели, на мне лежал Касим. Вдруг он обмяк, отяжелел.

- Ты что? Касим, ты слышишь?

Он молчал, что-то густое и теплое текло по моей шее.

Щель с каждым взрывом суживалась. Нас засыпало. Охватил страх, такой, наверное, испытывают заживо погребенные. Это конец. И мысли и чувства все-все, что выражало мое "я", втиснуто сейчас в могилу...

Упершись ногами и руками в землю, я выгибал спину, и навалившееся на меня чуть-чуть поддалось. Напрягся еще и еще - до треска и хруста костей, до обморока... Почувствовал, как посыпалась по бокам земля, свежий воздух ударил в ноздри...

Касима, вернее, то, что осталось от него, уложил в щель и стал сгребать в нее землю, камни, все, что попадалось под руки. Пополз к обвалившейся стене. За ней никого, только под кустом лицом к небу лежал тот лейтенант в расстегнутом кителе, совсем мальчишка... Наткнулся на убитого солдата. Воробьи выклевывали хлебные крошки из его вывернутого кармана.

Я перешел вброд речушку и за ветлами увидел железнодорожное полотно. Поднялся на него и тут же быстро пригнулся - метрах в четырехстах стояли немецкие вездеходы, из кузовов выскакивали солдаты и вытягивались в цепь.

Словно какая-то сила отшвырнула меня за железнодорожную насыпь; за ней стояли три наших танка. Машины с заведенными моторами, вращающимися башнями. Взобрался на ближайший танк, схватился за скобу и нагнулся к смотровой щели.

- Вперед! - заорал во все горло.

Танк рванулся, пошел вдоль насыпи, а за ним и два остальных.

- За танки, за танки! - слышались крики.

Солдаты выскакивали из щелей, нарытых под насыпью, бежали за машинами.

Я видел немцев. Они, увлеченные фланговым ударом по нашей дивизии, не обращали на нас внимания, возможно принимали за своих. Наша группа откатывалась к лесу. Кажется, все, что было еще живым, сейчас присоединялось к нам. Кричали и стреляли без приказа. Лица желтые, глаза, готовые выскочить из орбит, налиты кровью.

Немцы наконец поняли: в их тылу группа советских солдат. С насыпи ударили орудия; клубы шрапнельного дыма возникали то справа, то слева от нас.

- Разверни башню - и по насыпи! - крикнул я танкисту и спрыгнул с машины.

Танки вдруг повернули на восток и, строча из башенных

пулеметов, рванулись вперед...

До меня долетали отдельные выкрики, стоны, но я не оглядываясь бежал через луг к лесу, слыша за собой топот солдат. Танки отстали, доносились их длинные пулеметные очереди. Перебрался через канаву по дощатому настилу, оглянулся: за мной тянулись солдаты и офицеры, волокли раненых. Все делалось бесстрашно и осмысленно.

Выскочили на поляну и увидели домик, из которого выбегали поодиночке немцы. Никакой команды я не давал, но солдаты со всех сторон навалились на немецкий взвод и с ходу расстреляли его. На привязи дико ревели навьюченные мулы, их погонщики лежали, уткнув лица в землю.

Гул моторов надвигался с юга, а потом потек на восток. И ружейно-пулеметная стрельба удалялась туда же. Небо очищалось от облаков, солнце с горизонта просвечивало лес, и он словно утопал в оранжевом мареве.

36

Что же дальше? Куда? К своим на восток? Но пробьемся ли? Судя по всему, немцы свежими силами нанесли фланговый удар по нашей армии. Не из Греции ли они спешно вытягивают войска, боясь, что советские и югославские полки отрежут им отход на запад?

А если на север? Пройти километров сорок - пятьдесят, а потом поворот на девяносто градусов - и к своим.

Вот-вот наступит рассвет. Пора поднимать людей.

Сонные, зевая, сталкиваясь друг с другом, выстраивались в ломкую линию солдаты и офицеры, оставившие Свилайнац. Пока скомплектовывал взводы, назначал командиров, слышал негромкое переговаривание: "Надо топать поскорее к своим". - "Попробуй, как мышат передавят". - "Конечно, передавят, ежели гуртом. Надо пробиваться поодиночке".

- Смирно! - скомандовал я. - Мы советское подразделение, временно действующее в тылу врага. Наша задача: проскочить через шоссе - движение, как слышите, утихает. День пересидим в более или менее безопасном месте. Далее, пересекая ущелья, планины, двинем на север, а там найдем проход к своим.

* * *

Вытянувшись в цепочку, мы пошли к автомобильной трассе Ниш - Белград. В пятистах метрах от нее укрылись в кустах. Земля сербская убаюкивала. На большой скорости проскочила легковая машина, потом наступила тишина, если не считать того, что с востока доносились глухие раскаты далекого ночного боя.

- Передать по цепи: повзводно, дистанция сто метров, через дорогу, арш!

Десятиминутный стремительный бросок - и форсированный марш на запад. За полтора часа по проселку махнули километров восемь и вошли в осенний лес. Здесь тепло и безветренно. До восхода солнца еще оставалось время, и мы разлеглись на сухом пригорке, окруженном густым кустарником. Рядом со мной, уткнувшись лицом в землю, по-детски посапывает мой заместитель.

Еще днем, когда, оставшись без танков, мы гуртом бежали в лес, я приметил этого немолодого офицера. Ни ростом, ни голосом он не- выделялся среди других, но в нужное время то оказывался впереди бегущих и вел нас, как бы улавливая все настораживающие шорохи, то появлялся в хвосте колонны и мягким говорком подгонял: "Хлопци, швыдше, швыдше. До лесу рукой подать, а там - шукай нас". Когда мы расстреляли немцев, в панике выбегавших из лесного домика, он появился передо мной и доложил:

- Товарищ подполковник, домик обыскан. Оружие, харч, документы собраны.

- Спасибо, капитан. Вы не кубанский?

- Так точно. Из Каневской, капитан Кривошлыков Егор Аксенович.

- Казацкого роду?

- От атамана Кривошлыкова пошли.

- Пехотинец?

- Служил в кавалерии, а сейчас из танковой части - заместитель по строевой.

- Так быть вам и моим заместителем.

* * *

Солнце пробилось сквозь толщу туч. Оживал лес. Зашумел под свежим ветерком. Первым вскочил Кривошлыков:

- Разрешите оглядеться, товарищ подполковник.

- Пока подберите мне толкового связного.

Не успел выкурить папиросу, как передо мной вытянулся ладно скроенный солдат в бекеше, с орденом Славы третьей степени и медалью "За отвагу":

- Старший сержант Прокопенко Алексей.

- И ты кубанский?

- Сибирский, товарищ подполковник.

- Пошли, сибиряк, посмотрим, куда нас война занесла.

Лес тянулся с востока на запад, должно быть, километров на пять-семь, а на юге обрывался над глубоким ущельем. На той стороне в рассеивающейся утренней дымке все более четко проявлялась местность. Она была пересеченной, как и всякое предгорье. А дальше, километрах, наверное, в пятнадцати от нас,

вздымалась мощная горная гряда. Мелькнула мысль: может, туда, к югославским братьям по оружию? Нет-нет, наша дорога к своим.

- Что ждет нас на севере, Алеша?

Небо было серо-голубым, на иных полянах играли солнечные блики. У меня не было ощущения, что нахожусь на чужой земле. И лес с его устоявшимися запахами, и тропа, бегущая меж кустарниками с крупными яркими плодами шиповника, и земля - все, все вокруг было до боли своим. Мой прапрадед, прадед и дед родились и жили в знаменитом Темниковском бору, что недалеко от станции Торбеево на дороге Куйбышев - Москва. Дед, правда, из тех мест подался в Сибирь на поиски своей Большой земли. Он нашел ее в Забайкалье, на равнинах Даурии. Но, как свидетельствует семейное предание, порой его одолевала тоска. Тогда он надолго пропадал из дому, прибиваясь к охотникам или лесорубам. Не моим ли предкам я обязан удивительным чувством кровного родства с лесом? Мне не нужно искать ориентиры, определять четыре стороны света. Сам хозяин - лес - выводил меня на нужную тропу, при опасности заглушал шаги и укрывал в своих зарослях...

- Стой, Алеша! - Впереди упало небо - там просвет. Лес кончается.

Мы прошли еще шагов двести и нырнули в заросли можжевельника. Перед нами открылась земля, изрезанная ущельями. На дне ущелья, к которому подползли, шумела речушка. На той стороне стоял домик под почерневшей от времени соломой; крохотные его окошки разрисованы солнцем. У домика - садик и кукурузная делянка, сбросившая "ноги" в самое ущелье. Тишина. Не слышно ни собачьего лая, ни петушиного крика. Лишь далеко на востоке, там, где тянется река Морава со своими притоками, ухают пушки.

Мы перешли речушку - прозрачную, хоть голыши считай, - вскарабкались на кукурузную делянку и под ее прикрытием поднялись в садик. Перебежками от дерева к дереву приблизились к домику и, прижимаясь спинами к его стене, дотянулись к двери, постучали. Ждать не заставили - в проеме появился старый серб с дубленым лицом, изборожденным глубокими морщинами.

- Добрый день, отец.

- Добар дан... Живела Црвена Армийе! - Он протянул жесткую ладонь и быстро втащил нас в темную прихожую, а из нее ввел в светелку с некрашеной, ручной работы, мебелью. Снял рыжую шапку и низко, до самой земли поклонился. Мы ответили тем же.

- Йедан момент, друже, йедан. - Он куда-то собрался идти.

Прокопенко потянулся было за ним.

- Не надо, сержант.

Ждали с полчаса. Старик вернулся не один. С ним пришел немолодой священник в черной сутане, с большим крестом на груди и в стоптанных постолах.

- Я сам Бранко Джурович, служитель бедный приход. Мы знамо: вы советски борцу... - он показал на темную полосу леса, вытянувшуюся за ущельем.

- Откуда это вам известно, друг Джурович? - удивился я.

- Мы не можемо не знамо, кто приде на србску земли. Наше мужеве - и старе и младе - на рата. Молимо вас знате - мы ваши другови.

- Спасибо.

- Вы наши другови, а мы ваши другови в сей дан и за и вечно.

- Мы ждем от вас помощи. - Я достал из планшета карту и показал на отметку "Ябланица", - Большая деревня?

- Велика, иесте велика.

- Есть там противник?

- Как да не! И немаца и четники.

- Много их?

- Два су чете немаца - две рота, знамо. Иедна рота Дражина Михайловича, - показал на карте горы, что лежали километров на двадцать южнее Ябланицы, - Треба, друже, да идете у планине, по-русски - в горы.

- Нам надо к своим, на Мораву.

- Розумеем, розумеем, - он улыбнулся. - Ваши борци гладни, да?

- Мы рассчитываем на вашу продовольственную помощь.

- Молимо, зачекайте нас у шуми, у лесу, другови.

Вернувшись в лес, мы никого не застали на сухом пригорке.

Куда все подевались?

- Товарищ командир, сюда, сюда! - Из кустарника вышли два автоматчика.

Отряд занимал оборону. Кривошлыков доложил:

- На восточное направление посланы разведгруппы, выставлены два боевых охранения во главе с офицерами. Основной состав окапывается на возможных огневых рубежах.

Перед заходом солнца в отряд пришли Бранко Джурович и хозяин домика Душан Стоилкович. Они были вооружены. На двух осликах громоздились большие вьюки с продуктами. Душан ловко доставал из них кукурузные лепешки, сушеное мясо, каймак, паприк и даже бутылки со сливовицей. Капитан Кривошлыков на все это богатство сразу же наложил лапу. Я приказал накормить людей пощедрее, но мой заместитель

оказался хозяином рачительным и выдал на брата по кусочку мяса, по паре лепешек с каймаком. Плюс родниковая вода, как говорится, от пуза, и лица повеселели.

Вернулись разведчики со стороны трассы. Доложили, что группа немцев с собаками в трех километрах восточнее нас. Я смотрю на Джуровича. Решительно поблескивают его глаза.

- Треба на пут, другови командант. Тамо, - махнул рукой на север, на пальце блеснул крупный серебряный перстень, - великий шум.

Мы, стараясь не шуметь, потянулись к ущелью, оставляя за собой гостеприимный лес. Метров за двести до спуска в ущелье я остановил отряд и приказал под прикрытием кустарника занять круговую оборону. Ожидая возвращения разведки, собирали разбросанные где ни попадя камни-валуны и складывали их наподобие брустверов. Внезапно раздалось несколько автоматных очередей. Стреляли на той стороне ущелья. Похоже, наугад. И сразу же оттуда, где мы еще так недавно прятались, забила длинная пулеметная очередь. Ей вторили подголосками автоматы.

Гулко билось мое сердце, я все сильнее вжимал его в пахнущую травами землю. Неужели бой? С какими силами? Устоит ли отряд, кое-как сколоченный и не ахти как вооруженный? А если найдутся паникеры?

Вернулась разведка, доложила, что немцы в погонах полевой жандармерии - не более взвода - подошли к хатенке, выбили прикладами двери, автоматными очередями прочесали сад, кукурузную делянку. Вернувшись к домику, облили его, наверное, бензином - слышны были и запах, и позвякивание канистры, - но поджигать почему-то не стали. Посовещавшись, пошли по тропе в северо-западном направлении.

- Тьфу, дьяволи! - в сердцах крикнул Джурович. - Але, хвала! Гаврон планин храни Црвену Армийю{8}.

- Так в дорогу, друг Бранко.

- На пут, на пут!..

Ночь укладывалась на горных перекатах. Мы начали двадцатикилометровый бросок. Вел нас Джурович. Его могучая фигура то растворялась в ночи, сливаясь с нею, то возвышалась исполином над ней. В этой кромешной тьме он предупреждал отряд о завалах на тропах, о зыбучих скатах. Его чуткий слух улавливал позвякивание оружия ночных патрульных. Мы шли курсом на город Смедерево по западной стороне Моравской долины и все время по правую руку слышали бой, который медленно, упорно стягивался к северу. Сориентировав карту по Большой Медведице, установил, что движение наших частей

устремлено на Белград. Где же нам лучше выйти к своим?

Джурович, оставив нас, ушел, как он сказал, "поглядеть место". Отряд, выставив боевую охрану, отдыхал - форсированный марш основательно измотал людей. Недосчитали девятнадцать человек. Отстали? Решили выходить в одиночку? Ищут югославские части? Да, из случайных людей так сразу отряд не сколотишь.

У подножья гор, что возвышались западнее нас, вспыхивали зарницы. Временами там что-то мощно встряхивалось - под ногами мелко вздрагивала земля. Бьют тяжелые гаубицы? Чьи? А за Смедеревом схлестывались артиллерийские залпы. Мы оказались как бы втиснутыми в небольшом пространстве между востоком и западом, где шли ночные бои. Поднявшись на небольшую высотку, Кривошлыков и я терпеливо вслушивались в растревоженную ночь. Была потребность прочувствовать обстановку и найти в ней место для нашего маленького отряда. Невдалеке слышалось поскрипывание телег и понукание лошадей. Вероятно, по проселку тянулся немецкий обоз. А с северо-востока долетал к нам визг тормозов тяжелых машин. Похоже, что отряд попал во второй эшелон отступающего противника.

- Черт возьми, куда ни швырнешь голыш - в немца попадешь, - сказал Кривошлыков.

- Голышами по воронам бьют, капитан.

Нас разыскал Бранко, возбужденный, нетерпеливый:

- Едним ударом наших войница и Црвене Армийе има слободе у гради Смедерево, Пожеревац, Паланке, Релье, Хвала, лепо! А зада предстойе наш пут за Београд!{9}

- Как за Београд? Разве он уже взят у немцев?

- Не, србске "За Београд" - руском "На Белград". - Джурович весь в жажде действий. - Югословенске ударне дивизийе и танки Црвене Армийе на просторе. И мы, друже команданте, да участвийемо у бици за Београд!

Я осветил лучом карманного фонаря на карте ломкую полоску дороги от Релья до Смедерево.

- Здесь внезапное нападение на фашистов возможно?

- Можиче, йе! Немаци моторизация и тяжке воружениje эвакуише на запад.

- Тогда надо срочно рвать мосты? - воскликнул Кривошлыков.

- Мосты будут нужны нашим войскам, капитан. Сейчас главное уничтожать живую силу врага. Так, друг Джурович?

- Как да не! - Бранко так низко склонился над картой, что целиком накрыл ее своей густой бородой. - То есть счастье с рускими борцами нападе на фашистог, као треба уничтожате. -

Свет зарницы на мгновенье упал на его лицо. Оно было мужественным. Огромные серые глаза излучали неиссякаемую силу - щедрую и страстную. - Смрт фашизму, живела Црвене Армийе, живела Србийа - сунчева куча!{10}

Он, показав на карте место возможной засады, так образно описал его, что я живо представил бег дороги в пространстве, зажатом обрывистыми возвышенностями, покрытыми мелколесьем и густым кустарником. Мы не мешкая выработали план операции. Отряд делится на две группы. Боевая - занимает позицию над дорогой и открывает огонь. Резервная - маскируется на противоположной стороне и по сигналу действует в зависимости от обстановки: или отвлечет на себя патрульных, или, подобрав трофеи, быстро отойдет в заранее обусловленное место - к развалинам винодельни, под которой сохранились невзорванные подвалы.

Сохраняя тишину, лавируя меж противником - порой мы явственно слышали голоса немецких солдат, - мы подкрались к дороге. Джурович, уходя с резервной группой Кривошлыкова, на прощанье обнял меня.

- Смрту не - животу да, товарищ команданте!

- После войны ждем вас в гости, в Москву.

- Москва. Велика Москва!

* * *

Мы едва поспевали за быстро и легко шагающим Душаном Стоилковичем. К рассвету успели занять позицию, скрыть ее от наблюдения даже с воздуха. Приняли сигнал Кривошлыкова: "Мы на месте".

На далеких горных скатах рассыпались золотистыми ломтиками лимона утренние лучи - начинался восход. Холодно, бойцы греют друг друга спинами многие без шинелей.

По дороге проскочила "амфибия" с сонными офицерами. Спустя минуту-другую показался гусеничный трактор с прицепом, до отказа загруженным красным кирпичом. За ним два мощных грузовика, нагруженных просмоленными шпалами. Ползли они по-черепашьи, окутывая все вокруг облаками черного вонючего дыма. Он долго не рассеивался, а когда ветер пробил окна, мы увидели вытянувшийся на дороге обоз. Усталые солдаты в незнакомой мне форме сонно подгоняли итальянских, рослых, как лошади, мулов.

- То иесть фашисты-колячи!{11} - прошептал Душан.

Обоз тянулся и тянулся, его обгоняли машины, вездеходы, мотоциклы... Охватывало беспокойство, что пролежим напрасно, а то и обнаружим себя. На той стороне я заметил Джуровича, который, приподнявшись, нетерпеливо указывал мне рукой на

дорогу. Обоз шел, шел, и не было ему конца.

Еще одна машина шла на обгон обоза - семитонный "бенц", крытый брезентом. К черту! Эта наша.

- Давай, Лешка!

Сержант Прокопенко со связкой гранат подполз к самой кромке обрыва. Когда машина поравнялась с нами, он швырнул связку. Она угодила под правое переднее колесо и... и не взорвалась. Машина остановилась как вкопанная, из кабины выскочил офицер, молниеносно подхватил связку и швырнул ее на обоз. От взрыва встряхнулось все нагорье.

- Огонь! - крикнул я и двумя очередями из автомата перекрестил кузов.

Стреляли все. Из кузова, изрешеченного пулями, вываливались солдаты и тут же падали под огнем. Но раздалась немецкая команда, и сразу же из-под машины полетели к нам пулеметные очереди.

- По пулемету, по пулемету! - кричал я.

Пулемет умолк. И тут я увидел, как с той стороны на дорогу стремительно скатывались наши. Впереди всех, подобрав сутану, бежал Джурович, за ним Кривошлыков и группа солдат, на ходу стрелявших из винтовок. Внезапно по ним ударили пулеметной очередью... с обоза. Упал Джурович, капитан Кривошлыков распластался на булыжнике.

- По обозу!

Стрельба клокотала над дорогой и на дороге. Загорелась часть обоза. Кто-то кричал нечеловеческим голосом. Прикрывшись заградительным огнем, мы торопливо подобрали убитых и раненых. Наш поспешный отход на север обеспечивала группа автоматчиков сержанта Прокопенко.

Мы несли Кривошлыкова и Джуровича. Лавируя в узком ущелье, зигзагами тянувшемся на север - вел нас Душан, - вышли к лесной поляне. Откуда-то сорвался северный ветер с секущим осенним дождем; тяжелые черные тучи, казалось, упали нам на плечи.

Хоронили убитых. Под столетним дубом солдаты рыли могилу моему земляку Егору Аксеновичу Кривошлыкову.

Те несколько полевых перевязочных пакетов, которые нашлись у нас, те нательные рубахи, которые были располосованы на бинты, не помогали Джуровичу. Изрешеченный пулеметной очередью, он истекал кровью. Я держал все больше тяжелевшую его руку - пульс едва прощупывался, - смотрел на бескровное спокойное лицо. В длинных седеющих волосах, рассыпавшихся на плащ-палатке, запутались какие-то соринки, колючки, комочки земли. Я осторожно их выбирал. Его рука

вздрогнула - он открыл глаза. Какое-то время его взгляд блуждал вдалеке, а затем остановился на мне.

- Дорогой Бранко, солдат Джурович, друг Джурович, ты слышишь меня?

- Србске-русско братство... Иедан пут. Иедан споменник{12}...

- Бранко, немачка капут.

Слегка дрогнули уголки его посиневших губ и, резко опустившись, застыли. Широкие крылья носа напряглись для последнего вздоха.

Мы похоронили их вместе - кубанского казака Егора Кривошлыкова и сербского священника из бедного прихода Бранко Джуровича. В нависшие тучи ахнул воинский салют двум солдатам, братьям по оружию.

Подтянулись отставшие, вернулся арьергард Прокопенко. Сержант доложил, что немцы долго обстреливали высоты над дорогой, но в горы подниматься не стали. Я приказал отряду отдыхать.

Меня разбудила негромкая, полная печали и скорби песня Душана. Сидя на сырой земле, поджав по-турецки ноги, слегка покачиваясь, он не то пел, не то вещал что-то на своем родном языке... Вскинув над головой перетруженные руки, воскликул:

"Не треба, не треба гркim гласом вичу планине: умро йе Бранко! Не! Не! Ты, друже... Бранко, си у мом срцу..."{13}

Просыпались солдаты и с напряженными лицами слушали старого сербского крестьянина. Он вскочил, ударил ногою о землю, голос его загремел как месть - рушилась языковая преграда. "Гром принесет тебе смерть, смердливый шваб! Чистые воды, как змеи, уползут из чрева твоей поганой земли. Смерть фашисту! Слава, слава тебе, Бранко!.."

Душан привел нас к развалинам винодельни и распрощался. Измотанные, мы заняли подвал. В ночи слышали пальбу совсем близко от нас.

37

Сегодня до странности тихое утро. Покинув подвал, мы вышли на поляну и сразу же услышали дорогу. Чья она? Кто на ней? Не знаю почему, но я уверенно крикнул:

- Наши!

От дороги отделяла нас только полоска леса. Услышал сердитый бас:

- Ты что, халява, заснул, что ли?..

- Свои, свои!..

Мы все, как один, рванулись вперед.

Село, куда нас привел сопровождающий сержант, было небольшим, с домами, разбросанными по ложбине. У каменного

сарая мы сложили оружие, разлеглись. Сержант спросил у меня:

- Как точнее доложить начальству?

- Доложи, что группа бойцов под командованием подполковника Тимакова вышла из вражеского тыла, куда попала в районе Свилайнаца. Запомнил?

- Так точно.

Пригрело солнышко, мы, подремывая, ждали долго и терпеливо.

Из-за бугра выскочил зеленый "виллис" - и прямиком к нам. Мы поднялись, отряхиваясь. В машине рядом с шофером сидел полковник с усиками под горбатым носом, стоячий ворот кителя туго сдавливал кирпичную шею. Не сходя с машины кивнул на нас, спросил:

- Эти, что ли?

- Так точно! - ответил сержант, тоже сидевший в машине.

Полковник посмотрел на меня:

- Ты будешь Тимаков? Садись в машину.

Я уселся за его спиной, рядом с сержантом. Полковник обернулся к нему:

- Слезай и всю эту компанию, - показал на жмущяхся друг к другу моих солдат, - в запасный полк. Понял?

Высокая спина полковника маячила перед моими глазами. Он курил. Не поворачиваясь, через плечо, протянул мне коробку "Казбека", а затем зажигалку. Я взял пять штук в запас, закурил шестую, коробку и зажигалку с благодарностью вернул.

Ехали быстро, мелькали села, тополя, платановые аллеи, придорожные колодцы, арбы с кукурузой. Молчание убаюкивало - я задремал. Не знаю, надолго ли, - почувствовав, что машина резко сбавила скорость, открыл глаза. Мы ехали по широкой улице городка. "Виллис" юркнул в переулок и носом ткнулся в глухие ворота, у которых замер автоматчик. Ворота распахнулись, и мы вкатились на мощеный двор с древним ореховым деревом, захватившим над ним полнеба.

Меня не охраняли. Я мог гулять, ходить в офицерскую столовую, говорить с кем угодно. Но вот какая штука - не с кем было. Я встречал майоров, подполковников в хорошо сшитых кителях, на которых ярко блестели ордена Красной Звезды, изредка Отечественной войны второй степени. Офицеры вежливо приветствовали друг друга, останавливались, говорили, смеялись... Здесь никто никуда не спешил, все ходили с папками, знали, наверное, друг друга с сотворения мира и ничему не удивлялись. На меня никто не обращал внимания...

Десять суток одиночества. Я много спал, сытно ел, курил и снова спал. Отоспался за всю войну.

Еще одно утро - появился капитан с красной повязкой на рукаве:

- Вас требует полковник Нариманидзе.

Меня ввели в просторную комнату с широким столом, стульями, расставленными вдоль стен. Я увидел полковника, приезжавшего за мной и угощавшего меня "Казбеком". Он сидел, положив волосатые руки на стол. Кивком головы ответив на мое приветствие, спросил:

- Отдохнули? Садитесь. - Впервые я увидел его глаза. Они были холодными. - Я старший уполномоченный управления контрразведки "Смерш" фронта. Буду спрашивать, а вам - отвечать. Только отвечать. Ясно?

- Я готов.

- Давай такой эпизод разыграем. - Он неожиданно перешел на "ты". Командуешь партизанской бригадой, на тебя наваливается противник, как навалился на Свилайнац, наносит фланговый удар. И здесь исчезает твой подчиненный командир. А потом через неделю приходит из леса. Ты обязательно проверишь...

- Я же сказал, что готов отвечать...

- Он вытащил из ящика стола пачку бумаги, постучал о стол карандашом.

- Пиши, обо всем пиши. Как в тыл попал, что делал, куда шел, кого встречал, кого потерял, какую речку переходил, бродом или на шее бойца, все пиши. Каждый день, каждый час. Садись вон за тот столик и работай. - Он чиркнул зажигалкой, закурил, глубоко вдохнув в себя дым и с силой выдохнув его. - Никакой лирики не разводи, дело пиши!

Я молчал.

Полковник с грохотом отодвинул стул и зашагал по кабинету. В годах, а ходит легко, неслышно...

Я взял бумагу, карандаш, сел там, где велено. Писать начал сразу же и быстро, не задумываясь над тем, как писал. Строки ложились одна за другой, заполняя страницу за страницей. Будто шагнул за какой-то предел долгого и упорного молчания, сжигавшего меня. Что-то, угнетавшее меня в последнее время, стекало с кончика карандаша и ложилось на бумагу торопливо, несдержанно.

Я чувствовал постоянное присутствие полковника; он, кажется, подходил ко мне, звонил кому-то по полевому телефону, покряхтывая, курил. Был, по-видимому, наделен способностью терпеть и ждать, спокойно переносить время, которого для меня сейчас не существовало.

Исписал много страниц, очень много. С трудом разобрался, какая за какой идет, пронумеровал.

- Вот все, - протянул полковнику.

Он пробежал глазами первую страницу.

- Не строчки, а зыбучий песок... Думаешь, я для тебя дешифровщика держу?

- Выдохся, товарищ полковник, - вырвалось с неожиданным облегчением.

- Моя бабушка с тбилисского Алабача шевельнет, бывало, губами, не обращаясь ни к кому, и требует, чтобы все ее понимали. Ты не бабушка, а я не твой внук, дорогой. Открой дверь и уходи. Уходи, а то начну горячиться!..

Еще двое суток прожил в тишине, следя, как с деревьев падают листья, как виноградные дали одеваются в темно-рыжие одежды. Ветер с Моравы был насыщен осенней прелью. Майоры и подполковники казались теперь поприветливее...

И вот я снова в комнате полковника. Нариманидзе развернул километровку, ткнул в нее пальцем:

- Показывай маршрут движения твоей боевой группы в тылу немцев, места ночевок и стычек с противником.

Он внимательно следил за кончиком карандаша, которым я старательно водил по карте. Потом свернул карту и вышел.

Ждал его долго. С ним явился капитан с папкой, обтянутой дерматином, открыл ее, вытащил увесистую кипу бумаг со скрепками, сказал:

- Оригинал вашей объяснительной записки. Прошу прочитать и подписаться.

- Твой почерк - для английской контрразведки, - улыбнулся полковник.

Я перелистал не читая все до последней страницы и поставил подпись. Капитан ушел. Нариманидзе придвинул к себе мою писанину.

- Будешь курить? - Подал пачку "Казбека". - Читал раз, читал еще раз. Исповедь Руссо - в журнал столичный, и только! Скажи честно, стихи писал?

- О чем вы, товарищ полковник?

Он постучал пальцем по моей рукописи:

- О том, как ты брал гору, а потом падал. Еще поднимался, чтобы снова в тартарары. Хороший машинист тормозит эшелон за сто метров до переезда. Где твои тормоза? Ты пишешь о своих ошибках и запоздало каешься. Что с тобой?

Со мной? Мать, замученная в станице, братья, полегшие в болотах Полесья, партизаны, наспех захороненные в ущельях, мои солдаты, погибшие в бою. Все это со мной... Но я молчал.

- О человек! Слушай того, кому уже за пятьдесят, кто видел виновных и безвинных, кающихся и зло молчащих. След копыт на

земле и тот остается. С ношей надо уметь обращаться, иначе она задавит. К походу по вражескому тылу претензий нет, все проверено. О случае под Заечаром: ты частично виновен, за что и наказан, А командир одного из дивизионов "катюш" осужден - пальнул левее, чем было приказано...

- Никто не вернет солдат, которых я поднял. Именно я, а не кто другой...

- Дорогой, кто вернет миллионы жизней? Еще не время ружья держать стволами вниз. А ты в себя палишь.

- Должно быть, такой час пришел...

- Ну, довольно! Встреча, как говорят, состоялась. Иди в свою армию, там решат, куда тебя. А буду живой - найду тебя, верну твою исповедь, пусть твои внуки прочитают!..

Забыв сказать этому странному полковнику что-то очень важное, я покинул кабинет...

38

Дорога была широкой, размашисто огибала зеленые холмы, споро бежала по долинам, взобралась на перевал, и тут я сразу увидел Дунай.

По сторонам разворачивались постройки, напоминавшие чем-то подмосковные дачи.

Белград надвигался на меня тесными окраинами, с домами без крыш, с черными провалами вместо окон. Улицы убраны, но за дощатыми заборами тот хаос из камня и железа, который еще долго будет напоминать о страшных временах, что пережили белградцы за годы оккупации и в дни штурма.

Капитан, мой случайный попутчик до штаба армии, сидевший рядом, сказал:

- Свинец и тот устал грохотать!.. Белград за всю свою историю тридцать девять раз стирался с лица земли и не был стерт.

Мы выехали на широкий проспект, где стояли многоэтажные дома без окон и дверей. Под опаленными деревьями - горелые "тридцатьчетверки", фанерные тумбы, увенчанные пятиконечными звездами. В отдалении вырастал небоскреб с пустыми черными глазницами.

- Теразия! Знаменитая, - сказал капитан.

Дальше между деревьями замелькали крепостные стены. Мы круто взяли влево и оказались в тихом переулке. Стекла в окнах блестели, на верандах вилась глициния.

Член Военного совета Бочкарев в гимнастерке с побуревшей от пота спиной, куда будничнее и усталее, чем в первую нашу встречу за Днестром, пожав мне руку, сказал:

- Эх и хлопот с тобой! Почему не сработался с полковником

Мотяшкиным? В его дивизии сейчас приличный порядок намечается.

- А когда сработаться было? Сняли меня с полка через сутки после гибели Епифанова...

- Сняли, сняли!.. Ты сам себя снял. Стихия тебя, брат, захлестывает, болтыхаешься ты в ней, извини меня, как гусиное г... в проруби. Приведи себя в божеский вид и иди к командующему.

Гартнов набросился на меня.

- Во вражеском тылу прохлаждались, шумели! - гудел генеральский голос. - Ты уясняешь себе, что за фигура командир стрелкового полка в современной войне? Опорный столб! На него работают танки, пушки, штурмовая авиация. Что прошляпит комполка, то аукнется во фронтовом масштабе, а то и в самой Ставке. Не созрела еще ваша милость, нет и нет! Назначаю ответственным порученцем штаба армии. Двое суток на отдых - и к генералу Валовичу. Все, иди!

На Белград из-за Дуная постепенно наваливался холодный воздух. Он прорвался из наших далеких степей, и на рассветах легкая изморозь падала на городские крыши. В парках Калемегдана дружно осыпались листья. Далеко за Дунаем, на горизонте, бродили сизые туманы. Но солнце еще в силе. К полудню оно высушивало крыши, заливая город ярким светом. Платаны вспыхивали золотым жаром, четче вырисовывались на стенах шрамы войны.

Мне не отдыхалось. Дважды умышленно попадался на глаза генералу. Валович, скучно ответив на приветствие, проходил мимо.

Шагаю по бесконечным просторным аллеям, стараюсь ни о чем не думать. Но бессилен остановить настойчивую работу мозга. Все, что прожито до Заечара, туманом заволокло, а сот после... Каждый день как живой - с людьми, с их лицами, голосами. И почти всегда - поле перед кладбищем и щель, суживающаяся после каждого бомбового взрыва, где я лежал под убитым Касимом. Из меня будто вынули привычный запал. И как теперь привыкнуть к самому себе - к другому?..

Двое суток тянулись безрадостно. Наконец вызвали к Валовичу. Надраил сапоги, пришил чистый подворотничок, даже пуговицы и ордена протер суконкой.

Вошел в зал, вытянутый в длину. Посредине низко свисающая люстра, а под ней метра на три стол с картой, на которой нанесена обстановка на театре действий частей и соединений нашей армии. Валович внимательно оглядел меня.

- Я буду говорить, а ты слушай и смотри на карту.

Он говорил о тех смертельных ударах, которые нанесены фашистским войскам на всех фронтах от Мурманска до Белграда, и о том, что любой главковерх любой страны уже выкинул бы белый флаг и полностью капитулировал. К несчастью, мы имеем дело с обреченными гитлеровцами - они будут драться за каждую минуту жизни. Война пойдет еще жестче.

- Проследи по карте, куда нацелена красная стрела. Как видишь, на австро-венгерскую границу, а точнее - на город Надьканижа. После потери румынской нефти этот район для Гитлера единственный источник натурального горючего.

Я показал на Дунай за Воеводиной, который предстоит форсировать нашей армии, спросил:

- Почему на том берегу так мало немецких частей и соединений?

- Они уже идут из Греции, Франции, северной части Югославии. Оставляю тебя наедине с картой. Смотри и запоминай, а дороги в особенности. Должен знать их, как улицы своего села или города, где ты жил. - Он вышел.

Воеводина. В селах и городах небольшие наши гарнизоны. Линии фронта как таковой нет. Лишь на стыке Дуная с Дравой и севернее, на том берегу, замечены разрозненные немецкие полки и отдельные венгерские батальоны. Много населенных пунктов, густо пересеченных дорогами. Нет никакой возможности запомнить их названия: Пюшпекпуста, Багсентдьердь... Стараюсь запечатлеть в памяти дороги. Вот влажно-грунтовые. Их больше ближе к той части Дуная, которую нам предстоит форсировать. Между крупными населенными пунктами - дороги с твердым покрытием. На венгерский город Байя тянется отличная магистральная трасса... Главные силы нашей армии - в районе Белграда. Они сейчас тайно сосредоточиваются у сербского городка Гроцка. Здесь намечена их переправа на Воеводину, отсюда летят красные стрелы на Баню, Апатино, Батину...

Валович вошел и полотном накрыл карту.

- Сколько на твоих?

- Семнадцать тридцать три.

- На минуту отстают. Завтра в шестнадцать ноль-ноль быть на переправе у Гроцка. У тебя будут "виллис", "студебеккер", группа офицеров и отделение автоматчиков. Задач много, но главная: за неделю переправить все части и соединения, и так, чтобы не только вражеский самолет, но и птица ничего не засекла. Ваш день - ночь, только ночь. Идеальный порядок, движение строго по графику, абсолютная маскировка. Ты понимаешь, какую ответственность несешь?

- Командиры соединений выше меня по званиям, товарищ

генерал.

- Они не менее тебя обеспокоены секретностью марша. Комендант переправы, оперативная инженерно-саперная группа, начальники гарнизонов тоже в твоем подчинении. Со мной связываться только по ВЧ.

...Дождь начался внезапно. За ночь оголил деревья, смыл с лица земли осенние краски. В кюветах бурлила рыжая вода.

Гроцк набит войсками, однако улицы пусты, разве пробуксует одинокая полуторка, поверх кузова заляпанная грязью. В домах - солдаты, под деревьями - замаскированные пушки, машины крыты брезентом, обсыпанным палой листвой. Не так-то легко догадаться, что в городке затаился стрелковый корпус со всеми своими дивизиями, приданными частями и подразделениями.

Дорога круто падала к Дунаю. "Виллис" доскользил до закрытого шлагбаума, тут стояли строгие автоматчики.

- Стой, из какой части, куда?

- Ответственный порученец штаба армии. Что на переправе, где комендант?

- Правее шлагбаума, метрах в ста его землянка.

Над головой раскачиваются под ветром высокие раскидистые ветлы. Меж толстыми стволами - землянка. Вошел - тепло. На столе, сбитом из двух неструганых дюймовых досок, положив русую голову на руки, сладко спал лейтенант в полевых погонах. В углу топчан, на нем тоже кто-то спал.

- Эй, хозяева!

Лейтенант вскочил, будто и не спал:

- Здравия желаю. Вам кого?

- Я порученец из штаарма.

- Мы вас ждем, Товарищ комендант! - гаркнул на всю землянку.

С топчана скатился подполковник, протер глаза, уставился на меня и замахал руками:

- На этот раз не пройдет!..

- Здравствуй! Вижу, узнал меня...

- А, иди ты!.. Нет твоего полка в графике - на переправу ногой не вступишь, так и знай, - Он сел на топчан, почесал спину.

- Я на этот раз ответственный порученец штаарма, Комендант вскочил.

- Господи, пропала моя голова!

- Почему же?

- Накавардачишь, мать честная...

- Лейтенант, выйди на минуту, - приказал я. Подождал, пока закрылась за ним дверь. - Дай руку! Подполковник Тимаков.

- Да знаю я тебя... И надо же - моим начальником оказался.

Не застрелишь насмерть, а? Филипп Казимирович, от роду сорок два. - Сунул теплую руку в мою холодную как лед.

- Константин Николаевич. А "накавардачишь" - это ты здорово сказал! Произвел впечатление, поэтому обещаю сохранить тебя для будущего, до дней, когда будешь качать внука. А пока угости чайком, Филипп Казимирович.

- А покрепче?

- Начнем не с этого. Кто сегодня по графику и когда начнется марш?

- Эх, недоспал! Ты уж сегодня все маты на себя бери, ага?

- Матов не будет, Филипп.

- Тю на тебя, перекрестись! Знаешь, у русского мужика дурацкое упрямство. Решил раньше всех быть на том берегу - график не график, а прет как сатана. Вот тебе и вся обстановка. - Короткие пальцы его то сжимались, то разжимались. Он сам это заметил, сунул руки в карманы. - Баба домой не примет - на хрен ей такой псих?

* * *

Меня потребовал к себе командир дивизии. Он жил в ближайшем от переправы доме. Немолодой генерал с детскими глазами и суровыми складками морщин, расходящимися от ноздрей к уголкам рта. Я представился.

- Ладно уж, садись, чайком побалую. - Он подкладывал мне удивительно вкусные шаньги, и я их умял, наверное, с дюжину.

- Начнем переправляться на два часа раньше. Так, подполковник?

- Это невозможно, товарищ генерал. Только по графику, утвержденному начштаарма.

- Слепой, что ли? График, график, но и голова на плечах. Небо шашкой не проткнешь!

- Километрах в девяти севернее на небе голубые окна.

- Ерунда. Имей в виду: приказ командирам частей мною уже отдан.

- На переправе до семи вечера будет обычное движение.

- Смотри, я, брат, могу и руки скрутить, ежели нужда заставит!..

Небо и вправду низкое, чуть ли не за береговые кручи цепляется. Может, генерал и прав, желая выгадать по крайней мере часа два времени?

Я послал дежурного офицера на разведку. Полчаса спустя его мотоцикл затормозил возле меня.

- В районе Херхецсанто небо высокое. С поста воздушного наблюдения есть рапорт: над поселком четыре часа висела немецкая "рама".

- Действовать по боевому расписанию. Всем по местам.

Филипп Казимирович, широко зевая, спросил:

- Ты, брат, не успокоился ли? Погляди повыше. Замечаешь?

- Колонна грузовиков с пушками! - ахнул я.

- То-то!.. Ты уж сам сегодня, лады?

Между деревьями я увидел первый "студебеккер". В кузове - солдаты, на прицепе - тяжелая гаубица. Все это, тормозя, ползет к нам. Из-за левого борта тягача выскочил "виллис", скользнул по склону. Высокий худощавый полковник крикнул из машины:

- Эй, как переправа?

- В полном порядке.

- Поднимай шлагбаум, ручаюсь, в один заход часть моя будет за рекой.

- Здравия желаю, товарищ полковник. Ваша часть будет переправляться согласно графику в четыре часа утра. Прошу убрать колонну с дороги.

Он спрыгнул на землю, дернул головой точно от удара.

- Сроду такого сукиного сына не видел! Я старший по званию и действую по приказу комдива.

- А я - по приказанию начштаарма генерала Валовича.

Полковник щелкнул пальцами, отвернувшись от меня, махнул рукой колонна загудела мощными моторами, заглушив ревущий бег Дуная.

- Группа оперативная, к бою! - скомандовал я. - Предупреждаю: буду стрелять по скатам!

Полковник задыхался от бешенства.

- Ты, мать твою... - Его словно вылинявшее на глазах лицо передернуло судорогой.

- Освободите дорогу, и немедленно, - потребовал я.

Не знаю, что подействовало - то ли моя сдержанность, то ли решительный вид автоматчиков, готовых исполнить приказ, но полковник перекрестил над головой руки, и машины, разворачиваясь, стали удаляться от переправы.

Ну и ну! Сколько же будет таких наскоков, и хватит ли у меня выдержки?

Нещадно сек нас дождь, вымокли, грелись неразбавленным спиртом. Я ни на минуту не отлучался от шлагбаума. Из ночи вдруг выныривали какие-то подразделения, о которых в графике не было ни единого слова, и прорывались на переправу. На середине реки неожиданно застряла машина-фургон. Техник-лейтенант божился и клялся, что через десять минут он тронется с места и - аллюр три креста - будет за Дунаем. Филипп Казимирович залез под кузов. Выскочил с такой поспешностью, будто вытолкнули его.

- Шляпа-мордоляпа, техник-мошенник!.. Да твой драндулет и руками не вытолкнешь на берег, хоть ротой толкай. Это точно, Константин Николаевич!..

Вот-вот подойдет гаубичный полк с нервным полковником. Не дай бог задержать его хоть на полчаса!..

- Толкай, сопляк, башку твою в бочку! - панически кричал техник-лейтенант на водителя.

- Дежурный, вызвать комендантский взвод и сбросить эту гробницу в Дунай!.. Лейтенант, а тебе десять минут на эвакуацию того, что сможешь эвакуировать, - приказал я.

- Это же для меня смертоубийство, - захныкал он.

Машину подняли на руках, и она с громким всплеском исчезла в реке.

Техник-лейтенант, чуть не плача, умолял:

- Дайте мне официальный документ. Я материально ответственное лицо. Долго надоедал мне, пока не взял его на себя Филипп Казимирович.

Прошли считанные минуты, и гаубичный полк РГК вступил на переправу.

Перед рассветом, когда наступила небольшая пауза, ко мне на "опель-адмирале" подъехал генерал, угощавший шаньгами:

- Припомню тебе, подполковник!

- С богом, товарищ генерал...

- Мой бог при мне! - фыркнул носом. - Молись, чтобы мои части пришли в срок куда назначено!

- За это с вас спросят, товарищ генерал... Прошу поскорее быть на том берегу. Вот-вот начнется марш иптаповцев, а время в обрез...

- Запомни Андрея Борисовича Казакова, служаку с той германской войны!..

* * *

Трое суток без сна. Меня поражал Филипп Казимирович. Комендант переправ на Днепре, на Днестре, на Дунае, еще раз на Дунае. Как он мог выдержать лобовые атаки разгоряченных командиров частей и соединений?

- Планида моя богом и людьми проклятая, - улыбался Филипп Казимирович, поднимая уголки губ. Улыбка молодила его, смягчала лицо в глубоких морщинах. - Черт даст, выживу... Нет, к бомбежкам привык, вертким стал, а вот к вашей братии никак - каждый по-своему наганом в морду тычет. Так вот, коль выживу, сам себе памятник у реки поставлю, вот те крест!..

Я валился с ног, дня у меня тоже не было: мотался на машине за рекой, следя за маскировкой армейского корпуса, ночами наползавшего по раскисшим грунтовым дорогам снова к... Дунаю,

да, да, к этой могучей реке, извивающейся на нашем пути, за которым просторы Южной Венгрии были еще в руках противника.

39

Воеводину секли косые дожди. Солнцу лишь изредка удавалось пробивать толщу туч, и тогда неснятые кукурузные поля проглядывались насквозь, а жирные черные дороги неправдоподобно блестели. Степь напоминала родную кубанскую, я даже высовывался из машины, желая увидеть раскидистую станицу с церковью посередине. Станиц не было, а вдоль прямых асфальтовых дорог стояли целехонькие, чистенькие, но безлюдные городки. В них еще недавно жили-поживали и добро наживали немцы-колонисты. Драпали они без оглядки, кое-где бросив в добротных и чистых свинарнях десятипудовых кабанов, от собственной тяжести не стоявших на ногах, визжавших от страха и одиночества.

Бои начались сразу же на двух плацдармах, Батинском и Апатинском, с отчаянной дерзостью захваченных нашей пехотой, форсировавшей Дунай который раз! - на подручных средствах. Туда, в пламя и дым, колесо к колесу шли грузовики, повозки, тягачи с пушками и понтонами, самоходки и санитарные машины. Из-за туч выныривали немецкие пикировщики, вокруг вздымалась черная земля...

Плацдармы, плацдармы. Слово это было на устах у всех - от командующего армией до связиста, с мужицким упорством восстанавливающего непрестанно обрывающуюся связь между двумя берегами. По реке плыли трупы.

Валович, не дав и дня передышки, откомандировал меня и на батинскую переправу. Часы полного изнеможения перебивались короткими минутами сна где-нибудь в полуразбитом крестьянском доме, опоясанном красным перцем, паприком, как звали его в этих краях. Я поднимался пошатываясь, обливал себя обжигающе холодной водой - и снова к реке.

На батинской переправе судьба опять свела меня с Филиппом Казимировичем, неистово наседавшим на командира понтонно-мостовой бригады: скорее, скорее!

Пока действовало только пять паромов, три катера и восемь барж. Все, что мы успевали переправить за ночь на плацдарм, нещадно перемалывалось в жестоком дневном бою. Немцы успели подтянуть четыре пехотные дивизии, две из них эсэсовские.

Понтонно-мостовую бригаду скрыли в роще, их много вокруг. Но чуть посветлеет небо, немцы наугад пикируют поочередно то на одну рощу, то на другую. Все же им удалось однажды накрыть понтонщиков и расколошматить шестьдесят метров готового к стыковке понтона.

Валович вызвал к прямому проводу:

- Что вы там копаетесь, в конце концов? В эту ночь наплавной мост должен действовать - приказ командующего!

- Не будет он действовать, товарищ Четвертый.

- Командир бригады и вы пойдете под военный трибунал!

- Это делу не поможет... Мы работаем без авиационного прикрытия. Где наши истребители, товарищ Четвертый?

- Ждите у телефона.

Прижав телефонную трубку, вытянув шею, я смотрел, как семь немецких пикировщиков обрабатывали ближнюю рощу, всего в трехстах метрах от понтонной бригады. Загорелась машина со снарядами. От нее побежали солдаты, потом плашмя упали на землю. Горячий воздух врывался в оконный проем и обволакивал меня жаром.

- Где вы пропали, Тимаков? Вас бомбят, что ли?

- Слушаю...

- Обеспечение с воздуха будет. Кроме того, на машинах отдельный саперный батальон. Через час прикатит к вам. Приказ командующего остается в силе.

- Спасибо.

- Да, Константин Николаевич, как только наладите переправу известных вам частей, возвращайтесь в штаб!..

Уже не бомбили - наши истребители сбили одиннадцать "юнкерсов". В час ночи шестнадцатитонный четырехсотвосьмидесятиметровый наплавной мост соединил берега, и началась торопливая переправа частей, готовых к броску за Дунай.

Днем мост разводился в стороны, к берегам, и маскировался. Нас беспощадно поливали снарядами из-за Дуная. А тут еще после частых дождей менялся уровень реки. Мы перестраивали причалы и пристани, а ночами, соблюдая полную тишину, гнали по мосту пехоту и толкали пушки с колесами, обмотанными тряпьем. Однажды на рассвете я на свой страх и риск пустил на тот берег на полном ходу самоходный артполк. Удалось, хотя и не без потерь: прямым попаданием немцы запалили одну машину.

К исходу дня 18 ноября на том берегу уже было четыре стрелковых дивизии, два самоходных и три иптаповских полка.

Меня нашли спящим в кустах, перенесли в машину и увезли в штаб армии. Об этом, правда, я узнал после тридцатишестичасового непрерывного сна.

В окно врывается яркий свет, у входной двери стоит незнакомый, опрятно одетый ефрейтор.

- Умоемся, товарищ полковник.

- Ты что, в званиях не разбираешься? - Я соскочил с кушетки и стал разминаться.

- Разбираюсь, товарищ полковник. - Из кармана брюк он достал пакет. Приказано вручить лично и срочно.

Полковничьи погоны! И приказ о присвоении мне нового звания. Еще записка от Валовича. Твердая рука вывела: "Чтобы в лесу твоем еще один волк подох! Поздравляю".

В офицерской столовой дежурный капитан усадил за отдельный стол:

- Отныне здесь ваше место, товарищ полковник.

Завтрак принесла женщина с симпатичными ямочками на щеках.

- Вот и молоденького полковника нам дали!.. Ой и кормить вас надо!

Ее полноватая теплая рука, ставя на стол тарелку с хлебом, как бы невзначай коснулась моей щеки. Будто в глубокий холодный погреб ворвался луч такой яркости, что можно и ослепнуть!.. Почему-то возник в памяти давно виденный и позабытый евпаторийский пляж с чистым желтым песком и голым пухловатым малышом - он сгребал в кучу перламутровые ракушки... Женщина поднесла руки к груди и стояла, машинально перебирая пальцами пуговички не расстегнута ли кофта. Я не поднимал головы, но почему-то все видел...

Колбаса травянистого вкуса не лезла в горло. Проглотил без хлеба кусок сливочного масла и запил полуостывшим чаем. Встал.

- Папиросы, папиросы ваши, - сказала женщина каким-то упавшим голосом.

Я взял пачку "Казбека", сунул в карман.

- Благодарю, - сказал я, торопясь уйти.

- Когда к обеду-то ждать? - спросила с тихой бабьей жалостливостью.

Перескочив канаву, уселся на первый попавшийся пень, закурил. Десять затяжек - и пришло успокоение, так успокаиваются волны после упавшего ветра. Возвращался на землю, к всегдашнему, к тому, что было вчера, позавчера и много-много дней назад. И тут же услышал глухие и сердитые перекаты с той недалекой стороны, где поднимались фонтаны земли с водой. Ни для меня, ни для кого другого ничего не может сейчас существовать, кроме войны с ее уханьем, аханьем, татаканьем, лужами и грязью, мужской руганью, приказами, без которых не знаю, как мыслить и жить. И не дай бог неожиданной тишины - изнутри взорвешься!..

...На лестнице столкнулся с адъютантом Валовича.

- Вас требует командующий.

Гартнов встал навстречу:

- Поздравляю с высоким воинским званием!

- Служу Советскому...

- Служи, а как же. - Рука его потянула меня к столу. - Садись и дай поглядеть на тебя.

Сдал генерал: щеки втянулись, мешки под глазами набрякли, потемнели.

- Кури, если хочешь, - сказал, по-стариковски махнув рукой. - Трудно, полковник... С Днепра многих довел до чужой земли в здравии и уме. - Он выставил три длинных морщинистых пальца. - Говорят, бог троицу любит. - Два пальца убрал, оставил указательный. - На последнем он кровенит нас нещадно. - Свелись седые брови. - Третий раз форсируем Дунай и за все более или менее спокойные марши по Балканам расплачиваемся тысячами жизней!

Я лишь сейчас увидел генералов Бочкарева и Валовича - они сидели за столом в стороне и молча глядели на нас.

- С этой минуты ты, полковник, представитель Военного совета армии... Сиди, сиди, береги силенки. Обстановка на плацдармах тяжелая. В ротах солдат - на пальцах пересчитаешь! - Подвел к карте.

Бочкарев и Валович встали, молча пожали мне руку.

- Двести пятая высота! Они ее в крепость превратили. А подходы? Гляди. Две дамбы, а между ними трясина выше головы. Станция Батина, куда тянется узкая однопутка. С северо-запада затопленная местность. На высоте доты, дзоты, сотни пулеметов, десятки тысяч отборных эсэсовцев. Зачем все это Гитлеру потребовалось, на кой ляд он палит полк за полком? Расчет точный. Не удержат - прощайся с нефтью, бензином, огромной и богатой сырьем землей между Балатоном и Дравой. А взять двести пятую надо, и возьмем! Пойдешь на вторую дамбу. Там дивизия Казакова и самоходки, что ты пропихнул через Дунай, может, на свое счастье. К исходу завтрашнего дня жду доклада, что станция Батина пала. Ты готов?

- Да, товарищ командующий.

- Полномочия неограниченные, но пользуйся ими разумно и уважительно. Не забывай, что пережил наш солдат за три с половиной года войны. Возьмем высоту - дадим простор армии. Другие части, свежие, так двинут фашистов аукнется в Вене!.. До встречи, полковник...

* * *

Землянка генерала Казакова хитро скрыта под могучим дубом. Было здесь несколько таких деревьев, на столетия занявших островок суши. Высокая дамба прикрывала их с запада.

Вечерело, но артиллерийская дуэль продолжалась. Вокруг узенькой дорожки, по которой я на полном ходу проскочил к дамбе, на трясинах и болотах клокотали гейзеры. Они выбрасывались из чрева земли к небу. Освещенные желтым закатом, сгорали на глазах и падали туда же, откуда поднимались, рассыпая вокруг огненные брызги.

- Ага, начальствовать пришел, укуси тебя вошь! Судьба еще раз свела нас, и в очень нелегкий час... А ну-ка марш за мной!

Вскарабкались на дамбу. Генерал сказал:

- Ты только вглядись. Мне приказывают: взять станцию Батина. Что скажешь? - Руки его легли на лоб, прикрывая глаза от низкого солнца.

Слева от нас простиралось болото, справа, в черном дыму и пламени, был скат той самой высоты, там шел бой немецких танков с нашими самоходками. Путь один - лобовая атака.

- Не пущу пехоту, не пущу! - закричал генерал. - За сегодня - семь танковых контратак. Два батальона смяли в лепешку. Не пущу!

Мина шмякнулась метрах в сорока от нас, потом другая, но уже правее.

- Берут в вилку, айда!

Генерал скатился с дамбы, я за ним. Уселись и не стали подниматься. Третья мина упала на то место, где мы стояли секунд сорок назад.

- Вишь, пристрелялись, ходу никакого. Как будем брать, а?

- Не знаю, товарищ генерал.

- На что ты мне нужон? Диспозицию поглядеть пришел? Так ее из окна командарма видать. Или болото очистишь за ночь, осушишь дно? Я, брат, по Сивашу шел, так там под ногами твердость была!..

Ночь ноябрьская, холодная: стылая сырость пробирает насквозь. Грохот не обрывается ни на секунду, перестаешь его замечать.

Стрелковый батальон пошел по пояс в воде, чтобы обойти станцию с юго-востока. Встретили огонь в лоб. Отошли на исходный рубеж.

- Нерадивому упрямству конец! - кричал Казаков. - Попрошу вас сейчас же связаться с высшим командованием и доложить, что у меня не полки, а роты, не батальоны, а полувзводы! Пусть сровняют высоту с землей с воздуха, к чертовой матери!.. Нет у Казакова полков, и шабаш!

Полки были, правда изрядно поредевшие. Оставался и резервный батальон.

К часу ночи по-пластунски ползу по однопутке с разбитыми шпалами, искореженными рельсами. На насыпи хоть голыши считай - до того видно все вокруг. Одна ракета потухнет, рассыпаясь в черноте осенней, и тут же вспыхивает вторая, за ней третья...

Стараюсь слиться с насыпью. За мной, тяжело дыша, низко пригнув головы, стелется отделение автоматчиков.

Странная насыпь: ее края срезаны сразу же за шпалами. Тут и "виллису" не пройти. Неужели то, что толкает меня вперед, задумано зря? И все же я ползу, ползу, замирая на то мгновенье, когда свет от ракеты падает прямо на дамбу. Впереди какие-то шорохи, потом будто рашпилем по дереву. Услышал тихий голос:

- На полтрака, товарищ капитан!..

- Пройдешь, а? - негромко пробасил кто-то.

- Пройти можно, но первый снаряд в лоб - и капут.

Кто же там, впереди? Разведчики из самоходного полка?

Даю заранее обусловленный сигнал - притрагиваюсь рукой к плечу отделенного, - и мы начинаем отползать на исходную точку, но нас услышали.

- Пароль? Стрелять буду!

- Усач, - отвечаю и требую: - Отзыв?

- Рыжий.

Мы вместе скатились с дамбы.

- Кто такие? Я представитель Военного совета армии полковник Тимаков.

- Я командир авангарда самоходного артполка капитан Алмазов.

- Сколько у вас машин?

- Ровно дюжина и никакого прикрытия.

- Ну?

- Пройти можно - водители первоклассные, обстрелянные. Как они встретят нас - вот в чем фокус. Аккуратненько саданут - и пощелкают все мое хозяйство.

- Тут и дурак не промажет, - соглашаюсь.

Солдаты приткнулись к откосу. Мы с капитаном устроились пониже, у основания дамбы, сидим спина к спине и молчим. Думаем об одном и том же. Не оборачиваясь, спрашиваю:

- Готовы на риск?

- А зачем я лазил бы, обдирая штаны? Соображаю так: тут наша дорога на Батину. Лучше пулю в лоб, чем на такое смотреть: стрелковый батальон за полчаса на трясинах до ста солдат потерял. Не смогу до утра дожить, ежели не ворвусь на станцию!..

- Спокойнее, капитан.

- Да уж куда спокойнее. Передавлю гадов, как щенят, мать их в душу...

Закипел человек - на все пойдет.

Не сразу понял и самого себя. Только сейчас, после слов артиллерийского офицера, как молния вспыхнули прощальные слова Гартнова: "И самоходки, что ты пропихнул через Дунай, может, на свое счастье..."

А что немцы, немцы? Думай, думай. Ты изнутри их видел, и разных: от обозного до генерала, мчащегося по южнобережному шоссе в машине с не пробиваемыми пулями стеклами. Пустил бы самый отчаянный немецкий офицер свои самоходки в ночь-полуночь вот по этой дамбе? Да ни за что на свете! Значит... значит, на дамбе пехотный заслон, а в худшем случае подход на станцию закроют пехотой с двумя-тремя полковыми пушками. А маневр? Не дать ему времени - и все!

- Капитан, рискнем?

- Ворвусь на Батину, а что дальше? Без пехоты мы нуль без палочки...

- Будет пехота!

* * *

Генерал материл меня без зазрения совести, кричал:

- Мальчишка! Я лишь в девятьсот двадцать седьмом году, пятнадцать лет верой и правдой служа народу, удостоился полковничьего звания! А тут на тебе - пекут вас как блины! Не получишь мою пехоту, нет и нет!

- Именем Военного совета, требую стрелковый батальон, - настаивал я, зная, что и сам генерал отлично понимал: другого выхода нет, потому и не может сдержать себя, на мне отыгрывается.

- А шиша не хочешь? - Казаков с силой швырнул на стол финку, которую держал в руке.

Капитан Алмазов, словно статуя - гвардейского роста, плечистый, - сжав губы, смотрел на нас. Я спросил у него:

- Вы на какой машине пойдете?

- На четвертой.

- И я с вами.

- Красуешься, сукин сын! Вон из землянки!

Мы ждали. Я знал: генерал связывается с командующим и требует отмены решения. Только напрасно.

Прошло десять минут.

- Ждите меня здесь. - Я пошел в генеральскую землянку.

Казаков, опустив голову, не глядя, сказал:

- Бери хоть всю дивизию...

- Нужны две полные роты, взвод автоматчиков, одна иптаповская батарея.

- Какого черта торчите перед глазами? Идите, идите!..

* * *

Марш начался в два часа тридцать минут. Никогда не пойму, как можно было пройти по узкой дамбе этим мощным орудиям на собственном ходу и на большой скорости. Я находился в состоянии человека, летящего в пропасть и не знающего, что: его там ждет: спасительная вода или хаос вулканических пооод...

Потерял счет времени. Казалось, шли мы целую вечность, только потом узнал, что одолели дамбу за какие-нибудь девятнадцать - двадцать минут. Алмазов орал, ругался. Самоходка то качалась из стороны в сторону, то прыгала по-козлиному.

- Ур-ра! Вперед, ур-ра!!!

Я увидел угол кирпичного здания, потом промелькнула маятником качающаяся доска с надписью: "Batica". Самоходка подняла передок. Куда-то проваливаясь, я ударился обо что-то, и весь грохот боя как ножом срезали...

...Качается низко над головой полуовальная крыша с горящей лампочкой посередине. Я лежу на носилках, рядом усталый, небритый мужчина в белом халате и шинели, накинутой на плечи. Подремывает.

- Где я?

Фельдшер шевелит губами, глядя на меня.

- Громче!

Он широко раскрывает рот, наклоняется ко мне, но я ничего не слышу ни его голоса, ни шума мотора, хотя понимаю, что меня куда-то везут и санитарную машину подбрасывает на ухабах.

- Напишите!

Фельдшер закивал головой, из планшета вытащил блокнот, быстро что-то написал карандашом, подал мне. "Вы легко ранены и контужены".

- Станцию взяли? Где наши, на высоте?

Отрицательно покачал головой, но руками изобразил обхват, а потом все перечеркнул пальцем.

- Хана фрицам! - понял я по движению его губ. Он приложил палец к ним, как делают матери, укладывая спать малышей, требуя молчания и тишины.

40

Занесенный снегом фольварк из красного кирпича, с башней, возвышающейся над сосновым бором, удобно стоял на краю плато, глядя окнами на простор Печского угольного бассейна с терриконами, меж которыми застоялась дымная пелена, не

пробиваемая слабеньким зимним солнцем. Ветер с той стороны приносил сырой угарный дух. От налета угольной пыли тускнело оконное стекло в моей роскошной, с рогатым светильником и охотничьими трофеями на стенах палате. Словно наступали сумерки. К счастью, чаще набрасывались северо-восточные ветры, приносившие яркость дню, прохладу звездным ночам.

Я жил в тишине и ее боялся. Со страшной медлительностью тащилось время. Засунув руки в карманы шинели, до бровей напялив ушанку, сидел, уединившись, под башенными часами - там было нечто похожее на нишу. Глядел на дали, зачастую ни о чем не думая, никого не вспоминая. Из сомнамбулического состояния выходил лишь тогда, когда распахивались ворота армейского госпиталя и на площадке у парадного входа останавливались санитарные машины.

Выносили раненых. Я ничего не слышал, но всем своим существом хотел понять, что происходит на переднем крае.

Поступали, как правило, с осколочными ранениями, - значит, фронт не двигался, но жил активно и артиллерийская дуэль не смолкала.

В тишине ушел в небытие декабрь, наступил новый год, сорок пятый. Мы встречали его с елкой в большом парадном зале. Я, со всеми вместе осушив бокал трофейной шипучки, забился в уголок и смотрел, как веселилась молодежь. Сестры-красавицы и выздоравливающие кружились в вальсе под аккордеон.

Незаметно ушел в палату, пробовал читать. Не читалось. Думал о том, где сейчас мои близкие, друзья, боевые товарищи. Вошел капитан, лечащий врач, с двумя полными бокалами. Подал мне записку: "С Новым годом, товарищ полковник. Мой подарок: вы будете слышать! Медленно, но верно слух возвратится к вам - таково заключение фронтового профессора-ларинголога. Поздравляю".

Утром солдат на мотоцикле доставил мне пакет и посылку. Военный совет поздравлял с Новым годом. В посылке - коньяк, папиросы, носовые платки и... шпоры. Улыбнулся - это от генерала Валовнча.

Шел последний день января. Проснулся, как обычно, в семь утра, побрился, умылся. Вышел из палаты и... замер: издалека, очень издалека, будто сквозь ватные тампоны, пробивались удары набата: бом, бом... Сердце запрыгало. Приставил ладони к ушам, стало громче: бом! бом! бом!

- Капитан! Капитан! - Я в три прыжка одолел лестницу, ведущую на второй этаж. - Капитан! Я слышу! Слышу, я слышу... Товарищи, я слышу!..

Раненые, окружив меня, улыбались. Я обнимал всех... Слух

исподволь возвращался. Часами из расстроенного фортепиано я выколачивал звуки. От зимнего низкого солнца пылали окна фольварка, мороз накрепко сковал землю, на соснах лихо разгуливали белки. На макушке дерева каркала ворона.

- Громче, проклятая!

Я упивался музыкой человеческого голоса, приставал к раненым, просил, требовал рассказать что-нибудь о себе.

В конце февраля госпиталь начал свертываться. Многих уже эвакуировали в глубокий фронтовой тыл. Я пошел к врачу:

- Когда выпишете, доктор?

- Выдержка, выдержка, Константин Николаевич.

- Вы готовитесь к эвакуации. Куда?

Он махнул рукой на запад.

Эвакуация продолжалась. Утром подошла машина, из нее выпрыгнула женщина... Хочу окликнуть ее, а голоса от волнения нет. Скатываюсь вниз и застываю у парадной двери.

- Галина!

Она бросила узел в машину, обернулась:

- Я!

Незнакомая женщина удивленно смотрела на меня.

- Простите...

Ее глаза блеснули из-под спутанных волос.

- Я же Галина. Вы меня звали?

- Простите, обознался...

Не спеша поднялся на свою верхотуру под башенными часами, сел, закурил... Домик на окраине, за некрашеным забором; комната с печуркой, теплые глаза Галины... И ночь с лунным отблеском ее голубого тела. И стремительно рвущаяся куда-то река, и обваливающиеся берега... Я казню себя, казню за тот час, за то мгновенье, когда повстречал в румынском городке на Дунае бидарку с женщиной в кудряшках...

На другой день в госпиталь приехал генерал Валович.

- Молчите, я вас буду изучать! - сказал излишне громко.

- И вы испытываете мой слух?

- А почему бы нет? Что такой худой? Несолидно!..

- Увезете с собой?

- Не больно хотят врачи из своих рук выпускать...

- Уговорите их, пожалуйста!

41

За нами остались угольные курганы; потекли долины с виноградниками, садами, поближе к дороге развороченными бомбовыми ударами, растоптанными танками.

За городом Капошвар стала остро ощутимой близость фронта. Там шла усиленная артиллерийская дуэль, в небе за

слоем туч каруселили самолеты. Чем ближе к переднему краю, тем больше разбитой техники - нашей и немецкой. Впервые увидел с разломанной пушкой - ствол врылся в землю - танк "королевский тигр". Ну и махина!

- Рванули, товарищ генерал!..

- Верно! Но противник сильно огрызался, местами перехватывал инициативу. И все же не тут он прошляпил, а ранее, на высоте двести пятой. Передержал себя, спалил десятки тысяч отборных солдат. И нам, конечно, досталось - немало потеряли...

- Когда высота пала?

- На третьи сутки после Батины. Расплата была у них тяжелая - Гитлеру пришлось двинуть против нас стратегические резервы. Тогда они и сдержали наш натиск на нефтяной район Надьканижа. Сейчас линия фронта нашей армии: озеро Балатон - Марцали - Надьбайом - Барч... Идут активные бои без особого успеха для нас и для противника. Но события назревают...

- А как в районе Будапешта?

- Положение еще сложнее.

Прием у командующего продолжался не более двух минут.

- С возвращением в строй, полковник. Завтра у генерала Чернышева примешь под командование гвардейский полк. Сейчас - два часа на отдых. А потом - в дорогу!

* * *

На командном пункте маршала Ф. И. Толбухина собрался генералитет 3-го Украинского фронта.

Во вместительном зале с занавешенными окнами находились командующие и начальники штабов армий, члены Военных советов, командующий Дунайской военной флотилией, командующие союзными войсками - югославскими, болгарскими - и мы, группа старших офицеров. Вошел маршал, голоса в зале стихли. Минут за десять до всеобщего сбора я неожиданно столкнулся в коридоре с Толбухиным лицом к лицу. "Здравия желаю, товарищ маршал!" Он улыбнулся: "Спасибо, полковник. И тебе, как вижу, не мешает поднакопить здоровья..."

Толбухин сказал:

- Усаживайтесь, товарищи. - И сам грузно опустился на стул. - Прошу, генерал, - обратился он к начальнику штаба фронта генералу Иванову, стоявшему у оперативной карты.

На карте три жирные синие стрелы - с северо-запада, запада, юго-запада, стремительно сближаясь, сходились за Дунаем приблизительно в районе венгерского города Байя.

Иванов взял указку:

- В феврале наш фронт вел трудные наступательно-оборонительные бои. Главная тяжесть пала на плечи частей и

соединений, сдерживающих натиск шестой армии и шестой танковой армии СС в районах озер Балатон - Веленце. Оперативный план противника по освобождению окруженной группировки в Будапеште нами сорван. Мы, выполняя приказ Ставки Верховного Командования, готовились к наступлению с задачей в ближайшие недели окончательно освободить занятые территории Венгрии, выгнать немецкие войска из Восточной Австрии, взять Вену и сосредоточить свои силы в направлении Южной Германии. Верховная Ставка поставила нас в известность, что Гитлер наметил стратегический контрудар. У противника цель: сильным ударом с трех направлений расчленить наш фронт, уничтожить главные силы, а тылы отбросить за Дунай. По данным всех видов разведок, противник нацелил на нас тридцать одну дивизию, в том числе одиннадцать танковых. Помимо того, у него в резерве многочисленные части, моторизованные бригады и бригады штурмовых орудий. Соотношение сил на главном направлении Балатон - Веленце: у противника превосходство по пехоте более чем в два раза, по танкам и самоходным артиллерийским установкам - более семи раз, по артиллерии - в два раза. По уточненным данным, немецкое контрнаступление назначено на шестое марта. - Иванов положил указку.

- Благодарю, генерал, - Толбухин встал. - У Гитлера весьма дальний расчет: обезопасить нефтяные районы и заставить нашу Ставку оттянуть с берлинского направления армии на юг и тем самым спасти свою столицу. Сообщаю доверительно: Ставка последнее решение оставляет за Военными советами наших фронтов, резервирует право отхода с активными, изматывающими врага боями... - Толбухин замолчал, как бы желая убедиться, достаточно ли тихо в зале, чтобы каждый мог услышать то, что он скажет дальше: Резервирует право отхода... за Дунай!

Зал приглушенно охнул, а потом будто перестал дышать... Как за Дунай? А жертвы на плацдармах, на штурме высоты, прорыв?

- Военный совет фронта, - продолжал маршал, - примет окончательное решение после того, как выслушает командующих армиями, командующего флотилией, командующих югославской и болгарской армиями. Остаются здесь командующие, члены Военных советов, начальники штабов армий. Остальных товарищей прошу покинуть зал.

Мы вышли ошеломленные. Разошлись кто куда. Было так тихо, будто я снова оглох. С острой болью вспомнил ночь, когда с капитаном Алмазовым сидел спина к спине под дамбой...

- Здравия желаю, товарищ полковник!

Передо мной стоял молоденький младший лейтенант с орденом Красного Знамени на гимнастерке. Улыбался.

- Здравствуй, но не припомню, где мы виделись...

- Бывший сержант Баженов из запасного полка.

- Наш запевала! - Я обнял его. - Рад, очень! Расскажи о себе.

- Под Бендерами боевое крещение получил. А на Апатинском плацдарме осколок половину почки выдрал. Три месяца в госпитале, ограниченно годен. Теперь в конном взводе при командующем фронтом.

- Наших встречал?

- Мало кого. В наш полк под Заечаром прибыл начальником штаба майор Сапрыгин. Он же был подполковником...

- Всякое случается!

- Возьмите меня с собой, товарищ полковник!

- Хочешь, чтобы я вступил в конфликт с самим маршалом? Не такой я отчаянный... Ну, до свидания, запевала. Дожить тебе до тишины!

- И вам, и вам!..

Машина шла на большой скорости. Валович сидел рядом с водителем и ни разу не повернулся к нам. У полевого НП армии она остановилась. Валович выпрыгнул из нее, за ним адъютант. Генерал приказал водителю:

- Полковника доставить на командный пункт генерала Чернышева.

Командир гвардейской дивизии генерал Чернышев - мужчина крепкого сложения, широкоплеч, пшеничного цвета усы пожелтели от табачного дыма. Он уделил мне минимум внимания - спешил.

- Здравствуйте, полковник. - Рука железной хваткой сжала мою ладонь. С немецкими танками сражались?

- Нет, товарищ генерал.

Нахмурился. Тень разочарования скользнула по крупному загорелому лицу.

- Офицеры полка грамотные, танки, даже грозные "королевские тигры", им не в диковинку. Идите в полк, в шесть ноль-ноль с докладом ко мне.

В полк добрался в десять часов вечера. Тщательно одетый, подтянутый подполковник в пенсне представился:

- Александр Александрович Алексин, начальник штаба. С прибытием, товарищ полковник. Разрешите ввести в обстановку? - Подошли к столику, где была развернута оперативная карта. - Мы окапываемся там, где нас остановил противник. Нашу самостоятельность в решении оперативных задач обеспечивают приданные средства: танковый полк, глубоко эшелонированный

иптаповский полк, два дивизиона гаубиц. Кроме того, при штабе постоянно находится оперативный офицер с непосредственной связью с аэродромом.

Глаза мои, привыкшие читать карту, не могли не заметить, что на ней слабо отражены данные о противнике. Лишь обозначены линия его обороны, несколько артиллерийских позиций и западнее переднего края, с вопросительным знаком - танковая колонна.

- Да, - опередил меня Алексин, - скудно, скудно... И разведка боем "языка" не дала. К сожалению, наши наблюдательные пункты находятся на невыгодных точках - без достаточно широкого обзора. Так что сведения о противнике - сами видите...

- Александр Александрович, а здесь? - Кончиком карандаша я показал на отметку: населенный пункт с церковью. - Эта богомольня существует?

- Пока цела.

- А если на колокольню - НП полка?

Алексин промолчал, смущенно потер рукой до глянцевого блеска выбритый подбородок.

- Ну, пока снимаем с повестки дня этот вопрос... А сейчас прошу показать полк.

- С удовольствием!

Ночь темная, тихая, сырая. Пахнет болотом. В небе изредка вспыхивают ракеты, и холмы, где находится противник, озаряются неживым светом. Мы идем вдоль нашей обороны с севера на юг. Окопы и ходы сообщения между ними - в полный рост, сверху прикрыты виноградной лозой и присыпаны землей. По дну траншеи, где скапливалась вода, уложены дощатые мостики... Полк работает.

Луч карманного фонарика начштаба выхватывает из темноты лица офицеров, рапортующих мне, солдат и сержантов, укрепляющих огневые точки. Светловолосые и темноволосые, стриженные под машинку, в белых подворотничках, в зеленых стеганках с поблескивающими гвардейскими знаками, орденами и медалями - хоть сейчас на полковой смотр.

- Прямо-таки молодец к молодцу, ничего не скажешь!

- Гвардейский почерк. - Алексин остановился, предупредил: - Сейчас повернем направо и будем на НП полка.

На НП я сажусь к стереотрубе и наблюдаю за холмами, вытянувшимися с севера на юг. Постепенно глаза привыкают к темноте, начинаю различать редкий кустарник на скатах, за которым, вероятно, расположена первая линия обороны противника. На южном фланге холм срезан. Оттуда доносятся звуки там что-то ритмично ухает.

- Александр Александрович, прикажите осветить южный фланг серией ракет.

В свете навесных ракет я замечаю странные деревья - они, как пьяные, наклонены в разные стороны.

- Посмотрите-ка. - Торопливо уступаю свое место начальнику штаба.

- Деревья! Их здесь утром не было. Вероятнее всего, они маскируют проходы для танков. Судя по всему, придется наш танковый полк перебросить на этот фланг.

- Подумаем, Александр Александрович...

Моя землянка - под шестью накатами, просторная, обшитая досками изнутри. Сижу на раскладной трофейной койке, под ногами коврик. Вошел сержант со стаканом чая, накрытым белой салфеткой. Чай с лимоном. Все здесь прекрасно, а я почему-то чувствую себя одиноким. До боли сжалось сердце: Клименко, Касим...

Ашота бы сейчас сюда! Рубанул бы он своей единственной рукой: "Ва! Колокольня! Обзор, широта!" Танковый полк на левый фланг? Наступающую армаду одним полком не остановишь. Главное - противотанковая оборона. Я срочно вызвал командира истребительного противотанкового полка.

На пороге землянки появился небольшого роста офицер, с головы до ног укутанный в плащ-палатку. Когда он откинул капюшон, я бросился к нему:

- Горбань! Горбань, черт тебя побери! - Обнял его, усадил на трофейную койку. - Дай-ка поглядеть на тебя.

А он, как и прежде, пробурчав что-то невнятное, выжидающе уставился на меня.

- Что ж, встреча состоялась, переходим к делу. Пойдем к столу, посмотрим оборону полка. Вот здесь, на южном фланге, немцы готовят проходы для танков и маскируют их. Возможно, это дезинформация. Противник может ударить с севера по соседу, а потом и по нас. Как ты думаешь?

Он молча пожал плечами.

- Правильно - мы незрячие. А тут, в Местегне, церковь с колокольней метров в сорок высоты.

Горбань, на лице которого появилось оживление, выхватил из планшета карту, быстро перечеркнул свой НП, обведенный красным карандашом, и ткнул пальцем на отметку Местегне.

- Отлично, мы всегда без слов понимали друг друга. Полезем на колокольню?

Вошли в церковь - нас окутало пороховой гарью. Даже в темноте заметны пробоины в западной стене. На колокольню вела крутая деревянная лестница с выбитыми местами ступеньками,

приходилось подтягиваться на руках. Задыхаясь, взобрались на самую верхнюю площадку. Она квадратная, защищена толстыми каменными стенами, каждая из которых не более двух метров длины, с круглым окошечком.

За час до восхода солнца доложил генералу, что полк мною принят. И сразу обратился с просьбой - разрешить развернуть наблюдательный пункт полка и приданных частей на колокольне церкви в населенном пункте Местегне. Генерал сердито:

- Риск?

- Минимальный. Попадание снаряда с закрытых позиций исключается. С открытых не позволим.

- А удар с неба?

- Площадка - четыре квадратных метра. Вероятность попадания - один шанс из тысячи. На НП будут только командиры частей и связные.

- Запрещаю находиться там всем. Лезьте сами и по мере необходимости держите там одного из командиров частей!

Утро началось мелким дождем. Холмы накрыло туманом, видимость - не более ста метров. Я с Горбанем и двумя связными пробрался на новый НП знали об этом только начштаба полка и мой заместитель по политической части.

После полудня подул холодный северо-западный ветер, разогнал тучи открылся горизонт. Мы сразу же засекли две дальнобойные батареи, группу танков, замаскированных ветками. До самой ночи наши оперативные карты пополнялись данными о противнике.

Позвонил генерал:

- Держитесь?

- Не трогают, не догадываются, должно быть...

- Или для себя берегут. На всякий случай заминируй.

- А мы не собираемся оставлять вышку - нам удобно.

- Припрут - оставишь...

42

Ночь с 5 на 6 марта 1945 года взорвалась от внезапного и мощного артиллерийского удара. Снаряды противника били и по переднему краю нашей обороны, и по ее второму эшелону.

У нас было меньше танков, самоходных орудий, но командование Степной армии, точно угадав направление главного удара, стянуло бронетанковые силы в нужный район и хорошо замаскировало.

Начался танковый штурм левее нашей дивизии - в районе Надьбайома. На километр фронта шло до сорока немецких танков. Они вклинились в нашу оборону на глубину три километра. Через час по наступающему противнику наши войска

нанесли мощный танковый контрудар. Он отступил.

Атака эсэсовской моторизованной дивизии повторилась на том же участке фронта. Нас пока не трогали. С высокой церковной колокольни в восьмикратный бинокль поле ожесточенной схватки видно как на ладони. На виноградниках, южнее нас километра на три, горят немецкие танки, пылают семитонные "бенцы".

В двенадцать часов дня наша дивизия начала контрнаступление. После тридцатиминутного сосредоточенного артиллерийского удара по огневым точкам немцев я поднял полк в атаку. Встретили нас бешеным огнем. Генерал приказал отходить на исходные рубежи. Батальоны не без потерь вернулись в свои окопы.

Ночь прошла беспокойно. Полк укреплял оборону, пополнялся боеприпасами. Нас усилили отдельной штрафной ротой с тяжелым пехотным оружием.

Утро тихое. Нет даже обычного дежурного огня. Настораживаюсь.

Начальник штаба подполковник Алексин, тщательно выбритый, взобрался на колокольню и, отдышавшись - он торопился, - вынул из черного футляра пенсне, протер его серым замшевым лоскутком, доложил:

- Есть основания предполагать, что противник нанесет удар по нашей части и острие его будет направлено на НП полка, то есть на богомольню. Если учесть, что уже имеется шесть прямых попаданий в сам костел и три в четырехэтажное здание католического училища, примыкающего к нему...

- Что вы предлагаете?

- В шестистах метрах северо-восточнее, у отметки сто одиннадцать, как выявлено нами, есть приличный подвал...

- Вот и оборудуйте там по всем правилам основной НП полка, обеспечив со мной надежную связь.

- Только по радио, уж извините.

- А телефонную?

- По сути, ее не будет - сплошные обрывы.

- В резерве штрафная рота. Пусть под огнем роют траншеи и понадежнее упрячут кабель. У меня все, Александр Александрович.

Помощник начальника штаба по разведке, распластавшийся у моих ног, доложил:

- Западнее Шашгата скапливаются танки. Замечено три машины с мотопехотой.

- Авиатор, ослепли, что ли? - крикнул я. - Зеваете двадцать шестой квадрат?

- Никак нет - вызов наш принят, - несется голос с площадочки лестничным пролетом ниже нашей. - Вся техника у Надбайома. Там каша.

- А вы настаивайте!

- Связываюсь. Я "Терек"... Я "Терек". Перехожу на прием.

Немецкие пушки накрыли костел. Прямым попаданием скосили угол училища. Колокольня окутывается красной пылью. Сквозь грохот прорывается неистовый крик:

- Курсом на нас - девятка немецких пикировщиков!

С воем сирен летят бомбы. От взрывов земля вздымается выше колокольни. У меня холодеет живот, вязкостью стягивается пересушенный рот, испытываю омерзительное чувство беспомощности. Вот-вот сорвусь в подвал, под его спасительные своды. Авиаштурм внезапно обрывается - в небе наши "Яки". На руках подтягиваюсь к окошку и вижу, как немецкий пикировщик врезается в косогор и тут же взрывается.

Дым рассеивался. Шесть танков и до двух рот мотопехоты бранденбуржцев заняли исходный рубеж для атаки левого фланга полка.

- С пехотой справимся, - докладывает командир первого батальона.

- О танках мы позаботимся. Держись, - требую я.

В шестикратный бинокль нащупал одну из батарей Горбаня. Истребители разворачивали пушки на прямую наводку.

Под прикрытием танков, которые осыпали наш передний край бризантными снарядами, бранденбуржцы начали психическую атаку. Уже горел и взрывался третий танк, а эсэсовцы тем же размеренным шагом, вскинув автоматы, шли и шли, и казалось, что они застрахованы от пуль и осколков. Уже кинжальный огонь наших пулеметов скашивал передний ряд, а отборные гитлеровцы, рослые, пьяные, не сбивая темпа, идут, идут, паля из автоматов.

Будто из земли выросла и пошла в контратаку рота наших гвардейцев. Мгновенно умолкли пушки и пулеметы - наши и немецкие. В страшной тишине началась рукопашная.

- На правом фланге немецкие танки утюжат окопы! - оглушил меня докладом помначштаба по разведке.

Одиннадцать танков - из них два "королевских тигра" - хозяйничали на позициях третьего батальона полка. Меж виноградниками по лощине ползли раненые; одиночные солдаты перебежками, от кустарника к кустарнику, уходили в тыл.

У аппарата Алексин:

- Докладываю: командир третьего батальона и его заместитель по политической части убиты в рукопашной схватке.

Все виды связи оборваны.

- Срочно штрафную и разведывательную роты - туда. Выбить противника, укрепить оборону, обеспечить стык с соседями и наладить связь с НП полка. С богом, Александр Александрович.

Батареи Горбаня, сманеврировав, достали танки справа. Слетела башня с "королевского тигра", черный купол взрыва изнутри обволок машину, а когда он рассеялся - не было ничего, кроме горящего кустарника. Танк, дальше всех вклинившийся в нашу оборону, как бы нехотя свалился на бок и, сорвавшись, стремительно полетел с обрыва. Не то из-за облака, не то из-за поднявшегося над виноградниками дыма выныривали штурмовики - звено за звеном - и засыпали эсэсовские танки и занятые окопы реактивными снарядами. На глазах плавились машины-громады; казалось, что горела земля.

С трех сторон надвигалась наша контратакующая пехота, где-то переждавшая авиационный удар. По всей линии окопов взрывались гранаты и шел автоматный бой. Там подрагивали солнечные блики; местами они изникали под дымными клочками, плывущими поперек позиций с востока на запад.

Наконец в наушниках послышался далекий голос Алексина, как всегда сдержанный и невозмутимый:

- Контрударом противник выбит, установлена связь с соседом... Заполняем пустошь на стыке. Сил недостаточно, не исключена новая атака.

- Командир штрафной роты справится с обязанностями комбата?

- Человек с боевой сметкой.

- На него возлагаю ответственность за правый фланг. Возвращайтесь, Александр Александрович.

Полк оставался без резерва. Надо его немедленно сколотить из тыловых подразделений. Одолев двенадцать лестничных пролетов - на одном из них я заметил, как бронебойный снаряд пробил стены насквозь, будто аккуратно высверлил два круглых отверстия, - я прошел под низким сводом галереи, соединявшей колокольню с основным церковным зданием. Ураганом набросились на меня будто вырвавшиеся из плена звуковые аккорды. Громыхая и скрежеща, они прокатывались по мне холодной волной. Уплотнявшийся воздух, казалось, вот-вот разнесет стены и вырвется на простор. Кто-то нещадно дубасил по клавиатуре церковного органа. В этом сумасшедшем хаосе сникали и грохот боя, и человеческие голоса. Комендант штаба с двумя солдатами бежали к органу. Звуковой обвал, словно споткнувшись, упал, но еще продолжали подрагивать своды, как бы исподволь высвобождаясь от неистовой какофонии.

Через боковую дверь в церковь вошел Алексин, как всегда подтянутый: на всю жизнь, что ли, застрахован он от беспорядка и грязи... Лишь в глазах его было что-то новое: жестокая сила натянула на них пелену, которую не столько можно было увидеть, сколько ощутить.

- Соседний полк Губарева под натиском танкового удара отошел на запасную позицию, оголил наш фланг. Эсэсовцы нанесли по нему мощный удар с участием танков и батальона мотопехоты. Положение в основном восстановлено.

- Как надежен стык с соседом?

- Необходимо пополнить батальон двумя ротами пехоты с тяжелым вооружением... - Внезапно Алексин вскрикнул: - Вольпов!

Поддерживаемый с двух сторон солдатами, сопровождаемый комендантом, приближался к нам "органист" - высокий офицер без головного убора, в разорванной и местами окровавленной шинели, с безумно остановившимися глазами.

- Как вы себя чувствуете, старший лейтенант Вольпов? - обеспокоенно спросил Алексин. - Вы узнаете меня?

Он не отвечал, никак не откликался на жизнь вокруг, сберегая остатки сил, чтобы устоять на ногах.

- Врача, скорей! - приказал я коменданту.

Вольпов едва заметным движением хотел высвободиться от поддерживающих его рук и что-то сказать, но тут же свалился как сноп. Мертвые стеклянные глаза уставились в темную гущу церковного свода, откуда посыпалась мелкая штукатурка.

Алексин, закрыв их, по-стариковски поднялся:

- Шли мы с ним от Сталинграда. Боевой офицер. Это он, чудом вынеся себя из ада рукопашной схватки, дополз к нам и доложил о беде, постигшей правый фланг. Заставил себя жить после того, как был фактически убит. Непостижимо...

Я, задыхаясь, торопливо поднимался по крутой лестнице на свою голубятню - у аппарата ждал генерал. Доложил ему, что полк оказался выдвинутым далеко вперед от главных сил дивизии, и попросил срочного пополнения.

- А если не дам, устоишь?.. Что же ты замолчал?

- Без приказа не отойдем, товарищ генерал.

- Так, так, гвардии полковник. Жди нарочного. Соберись с духом и все свое хозяйство зажми в кулак, напружинься.

В ротах солдат поубавилось, почти иссяк боекомплект. Танки! Хоть бы танки! Приданный полк и тот отобрали - держат в резерве или сжигают у Надьбайома? Правый фланг, правый...

Земля вокруг церкви в глубоких воронках, повсюду осколки красного кирпича, присыпанные пепельной пылью. Западная

сторона колокольни сверху донизу выщерблена ударами крупнокалиберных пулеметов. На выжженном островке виноградника у самого моего уха чиркнула пуля и шмякнулась о торчащий железный стояк шпалеры. Снайпер! По-пластунски с ординарцем пересекли опасный участок и по огибающему виноградник откосу добрались до НП правофлангового батальона. Встретил меня капитан с опаленным лицом:

- Два километра фронта, а двести штыков да восемь ручных и шесть станковых пулеметов. Уязвим стык с соседом справа. Он прикрыт взводом боевого охранения. Мы слабо обеспечены артиллерией.

- Подброшу две батареи, одна из них - противотанковая.

- А пехоту, пехоту, товарищ гвардии полковник?

- Все, чем вы располагаете, сдвиньте вправо, до предела уплотните там оборону. Образовавшуюся брешь прикроем полковым резервом.

Мы прошли по окопам. Солдаты углубляли траншеи, маскировали их от воздушного наблюдения. Работали молча, понимая, что их завтра ждет.

Вечерело. Над позициями сгущался ночной холод, посыпал мелкий дождь. Колокольня окунулась во мглу. Стрельба повсюду затихала, лишь хлопки ракет едва пробивались сквозь изморось. И в этой затихающей ночи внезапно с востока по всему фронту полка стал надвигаться нарастающий гул. Танки? Уже можно было отчетливо различить форсированные обороты моторов и лязг гусениц.

Добежал до церкви, окунулся в ее темень, переступая через спящих солдат, добрался до спуска в подвал. Откинул плащ-палатку. Над ярко освещенной картой склонились Алексин и командир танковой части подполковник Селезнев.

- Нарочный генерала прибыл, - доложил Алексин голосом, как бы выбравшимся на свет и простор.

- Какую же радость он нам принес?

- Отход.

- Как отход? Вот танки пришли - и отход? Сейчас у нас сила...

- Дорогой, сила-то в одну соломинку, - заокал Селезнев, - двумя ротами по три танка в каждой вон сколько страху нагнали.

Командир дивизии приказывал мне в двадцать два ноль-ноль закончить отход полка на запасную позицию, подготовленную заранее в трех километрах восточнее. Маневр прикрыть ложной подготовкой к ночной атаке, нанося по противнику артиллерийский удар и штурмуя одновременно его правый фланг танками.

Немцев застали врасплох. Наши пушки всех калибров били

по переднему краю. Оперативная группа "катюш" накрыла скопление танков во втором эшелоне бранденбуржцев. Удар Селезнева оказался настолько удачным, что наши "тридцатьчетверки" прорвались в глубь обороны немцев на целый километр. Ах, как мне хотелось в этот прорыв пустить весь полк, завладеть высотами главным рубежом дивизии "Бранденбург"!

Стремительно взвивались огненные шары, проглатываемые густым стылым небом, и, рассыпавшись на тысячи светлячков, гасли, не достигнув земли. Полк отходил. Отходил поротно, то с левого, то с правого фланга. Тусклые полосы света прожекторов, натужно рассекая темноту, шарили по нашим позициям... Отходящие подразделения застывали там, где их накрывал этот мертвый свет, и ждали, когда ночь снова запеленает их своей спасительной чернотой. Темень растягивала расстояние - казалось, что запасные позиции не в трех километрах восточнее нас, а где-то в бесконечности. Не шли, а ползли по размываемой изморосью земле, падали в обнаженное нутро воронок, наполненных судорожно ледяной водой.

К полуночи артиллерийская дуэль исподволь стала стихать - с позиций снимались батареи. Там оставались лишь дежурные пулеметы и несколько пушек. Они, маневрируя, вели беспокоящий огонь, а полк устраивался в окопах глубоких, сухих, с контрэскарпами.

Я изучал новый участок. Он тянулся по фронту всего на два километра, левый фланг обрывался у взорванной дамбы, а правый стыковался с соседней частью на самой отметке 93,1. Когда, кто строил эту линию, где подразделения связаны тщательно замаскированными траншеями, где заранее подготовлены эшелонированные артиллерийские позиции с учетом их самого сложного маневрирования?

Вот он, главный и последний рубеж обороны!

Никто не спал. Над окопами стоял аппетитный аромат солдатского борща. Бойцы подносили к огневым точкам ящики с патронами, артиллеристы волокли на батареи двойной комплект боепитания. Алексин, не скрывая радости, принял от сопровождавших офицеров три маршевые роты. Вместе со своими помощниками из сноровистых солдат и сержантов заново сколачивал усиленный полковой резерв. Эта слаженность напоминала мне свободное и мерное вращение мельничного колеса при полой воде.

За два часа до утренней зари полковая засада, выдвинутая далеко вперед, захватила пленного гауптштурмфюрера. Он взъерошенно смотрел на меня и нагло молчал. Свет от мерцавшей коптилки падал на трофейную карту и удостоверение эсэсовца.

Старший офицер разведки штадива "Бранденбург". Важная птица! Почему именно он оказался на брошенной нами позиции? Знает противник о нашем отходе?.. Еще несколько весьма важных вопросов требовали незамедлительного ответа.

В землянку вошел помощник начальника штаба дивизии по разведке. Здороваясь со мной, спросил:

- Молчит?

- Сами видите.

- Он же не без помощников был.

- Двоих, пытавшихся освободить этого гуся, наши прикончили.

- Всегда торопимся, черт возьми. Так я возьму его в штадив - там заговорит.

Пленного увели под усиленной охраной, у нас остался душок чужого одеколона - приторно-сладковатый.

Александр Александрович рассуждал вслух:

- Если бы они знали о нашем отходе, то незачем было посылать разведку во главе с таким ответственным офицером. В каких случаях так поступают? Лишь в тех, когда такая персона что-то прозевала, как у нас на Руси говорят, прошляпила, Тогда немцы не смотрят ни на положения, ни на звания.

- Так что же он прозевал, Александр Александрович?

- Судите сами. До самого вечера противник держал инициативу, ходил в психическую, утюжил танками правый фланг, а вечером - нежданный-негаданный наш контрудар, да еще с танковым тараном.

- Логично. Что же он предпримет дальше, коль не дождется гауптштурмфюрера?

- Скорее всего, попытается оглянуться, потом разведка боем...

- Нет у него времени, Александр Александрович. Лишь пронюхает о том, что мы ушли с позиций, - двинет на восток танки с мотопехотой.

* * *

Минуты, притершись друг к другу, мчались неудержимо. Танковый полк Селезнева занял исходный рубеж у отметки 93,1 для флангового удара. Тридцать шесть стволов, спрятанных от чужих глаз, уставились жерлами на запад. Между ними - противотанковые ружья, бойцы-охотники со связками гранат.

Я понимал, что иду на риск. На войне всегда риск, но этот был особого рода. Прорвутся танки в долину - и нет им препятствия до самого Капошвара. Рухнет оборона не только нашей дивизии, но и там, где шли ожесточенные бои, - у Надьбайома. Вся вторая танковая армия немцев хлынет на провинцию Шомодь, а дальше до Батина, и всех нас - за Дунай.

При самом строгом подсчете, в мотодивизии "Бранденбург" шестьдесят танков! "Но не все же шестьдесят пойдут на наш полк, черт возьми!" - подбадривал я себя.

Алексин встревожен. В самые глухие и убаюкивающие часы - уже около пяти утра - у него сна ни в одном глазу. Я, наверное, минут двадцать вздремнул и освежился. Достал портсигар:

- Попыхтим?

- Не могу - во рту горчит.

- Чем-то вы встревожены. У вас ощущение непрочности нашей обороны?

- В переднем крае уверен. А как поведет себя сосед, не подведет?

- Нас прикрывает танковый полк, в конце концов!

- Танкисты хороши при прорыве. Хлынут - только догоняй. В обороне, как правило, осторожничают - берегут машины. Не мешало бы противотанковую батарею выдвинуть на стык.

Я вышел из блиндажа. Над всей дивизией повисло безмолвие, лишь километров на тридцать южнее часто сверкали зарницы - по всему, там бой не остывал даже к рассвету.

Прилег, приложил ухо к кочковатой земле - она дробно подрагивала. Снизу вверх уставился на наш правый фланг и на фоне чуть-чуть посветлевшего неба, как сквозь туманную пелену, нащупал очертания отметки 93,1. Она господствовала над всей местностью, с нее можно далеко достать. Вбежал в блиндаж:

- Вы, Александр Александрович, правы! Успеем?

- Батарея уже перемещается. - Внушительно крупные глаза начальника штаба смотрели на меня.

Спокойный, как будто даже сонный генеральский голос в трубке:

- Устоите?

- Устоим.

- Молодо-бодро, да? Что ждешь?

- Танковый марш с мотопехотой.

Генерал втянул носом воздух, сказал внятно:

- Внуши себе и всем, что на востоке земли для нас нет. "Язык" твой заговорил. Там, за бугром, если не врет, о нашем ночном маневре не догадываются и ничего не знают о запасных позициях. Думаю, что это близко к истине, - значит, инициатива за нами.

- Что этот гауптштурмфюрер искал?

- Себе жизнь зарабатывал. По его вине твои танки вклинились на рубеж "Бранденбурга".

* * *

Рассветало. Небо, к удивлению, голубело; легкий морозец упал на все пространство и прикрыл вчерашние мрачные краски.

Колокольня, необстрелянной стеной торчащая перед нами, до того приблизилась, что хоть рукой дотягивайся. Тишина. Никакого движения ни на земле, ни на небе. Что надо было в создавшейся обстановке сделать, сделано. Теперь все зависело от того, как мы сумеем выстоять в этой обманчивой тишине. Шли бесконечные, тяжелые, как бетон, минуты. Одна за одной они укладывались, утрамбовывались в тебе, и ты словно каменел. Я пробирался по ходам сообщений, видел измятые, невыспавшиеся лица солдат, нахохлившиеся спины пулеметчиков, метателей гранат, согревавших руки собственным дыханием, артиллеристов, застывших у пушек. А солнце поднималось выше и выше, и его лучи уже не скользили по тонким льдинкам луж, а сверлили их насквозь. Где-то рядом журчал ручеек. На НП за перископом я мог наблюдать, не боясь быть обнаруженным, - солнце било в спину. Там, где вчера шли бои, - никого. Лишь в ярком свете рождавшегося дня чернели, как гробы, сгоревшие танки.

Штурм начали с воздуха. Преодолевая озноб и предательское оцепенение, до боли сжимая телефонную трубку, приказываю начальнику артиллерии:

- Зенитным батареям огня не открывать. Быть готовым к отражению танкового натиска.

Тяжелые тупорылые бомбы вспахивали землю, вздымая ее до такой высоты, что солнце поблекло. Багровый огонь бушевал еще далеко от нас. Второй эшелон "юнкерсов" уже повис над нами; завизжало воздушное пространство, земля со стоном вздрагивала то справа от НП, то слева. Поднятый в небо лафет полковой пушки грохнулся рядом.

- Танки! - закричал наблюдатель.

Дым, плывущий вдоль линии фронта, скрывал дали. Когда он исчез, увидели три движущиеся черные колонны, подминавшие под себя поле вчерашнего боя. Расходясь веером, на больших скоростях, без единого выстрела, они надвигались на дивизию. Противотанковые пушки соседа справа нетерпеливо открыли огонь. Головная машина развернулась вокруг собственной оси и раскололась на части. Я переполз воронку с луковым запахом и свалился в ход сообщения, ведущий на НП Горбаня. Его небольшая плотная фигура прилипла к перископу, а левая рука была поднята, готовая к решительному взмаху. Я с силой опустил ее. Горбань зло скосил на меня глаза.

- Не спеши, вытерпи еще метров триста. Вытерпи, Горбань!

Слегка раздвинув маскировку на бруствере, я выставил бинокль. Танки, расчленяясь по фронту и снизив скорость, ударили из орудий.

- Теперь время. Огонь!

Со свистом взлетели сигнальные ракеты, и наша до предела напряженная готовность сорвалась, как сжатая пружина. Десятки орудий рявкнули в одно мгновенье. Залп. Залп...

В потускневшем небе шел многоэтажный воздушный бой, а в километре впереди, дико мигая красноватыми языками, словно самосжигаясь, пылали эсэсовские танки. Как бы сдуваемые невидимой силой, молниеносно исчезали на башнях громаднейшие белые кресты.

Из-за наших спин купами взвивались с поджатыми пылающими хвостами реактивные мины и обрушивались на немецкую мотопехоту, мятущуюся за горевшими танками. Солдаты выпрыгивали из них, сбивая с себя огонь.

Наша мощная артиллерия, прегражда дорогу фашистскому резерву, над высотами воздвигла огневой заслон. Через десять минут полки дивизии с танковыми частями в авангарде начали наступление на Местегне.

В двенадцать ноль-ноль я поднялся на колокольню.

* * *

Серое небо сеет дробный дождик. Переувлажненная земля глухо вздрагивает от взрывов гаубичных снарядов. Полк топчется в грязи в старом мадьярском селе Местегне. Ни одной живой хатенки, ни единой живой души без ружья. Пустые банки от американских и немецких консервов гремят под ногами. Ветер гоняет обрывки газет на русском и немецком языках. Может быть, десять, а то и все двенадцать раз село переходило из рук в руки. Мы дрались за колокольню, а южнее нас отборные немецкие дивизии все еще рвались к Капошвару с сумасшедшим упорством. Поля и виноградники усеяны подбитыми горелыми танками и машинами. Незахороненные трупы мокнут под дождем. Дни и ночи сливаются в одну нескончаемую битву...

В этом проклятом Местегне бои идут с переменным успехом. В некоторых ротах осталось всего по одному офицеру. Позавчера убили замполита. Пополнения все нет и нет. Мы держимся из последних сил, то отжимаясь от колокольни, то захватывая ее вновь. То я на ее верхотуре приказываю тянуть телефонный кабель и устраиваюсь здесь со своим наблюдательным пунктом, то командир полка из эсэсовской дивизии "Бранденбург". Кто хозяин колокольни тот и хозяин местности на много верст вокруг.

Лишь ночами на час-другой покидаю свою высоту и отдыхаю в подвальчике разрушенного дома.

* * *

Вчера перед полком появилась неуловимая "пантера". Она лавировала меж скирдами соломы. Покажется там, где не ждешь, бабахнет прямой наводкой - и поминай как звали. Уже потеряли

два орудийных расчета.

Сегодняшний рассвет обещал солнечный день. Я связался с командиром противотанкового полка Горбанем:

- Так кто ж кого: "пантера" тебя или ты ее?

Молчит.

- Не дай бог с тобой словом перекинуться - онемеешь!

Я взял бинокль и стал всматриваться в лес, стоявший в двух километрах севернее колокольни. Пока тихо, никаких передвижений.

- На проводе генерал. - Дежурный связист подал трубку.

- Спишь, хозяин? - спрашивает начальство.

- Жду...

- Авиаразведка донесла: танки скапливаются в трех километрах севернее твоих позиций. Пойдут на тебя?

- А куда денутся - другой дороги нет; если виноградниками, можно на засаду напороться.

- Устоишь?

- Мне бы крупички на две каши...

Генерал закрыл рукою микрофон и с кем-то говорил. Я все же расслышал: "Соображения твои неплохие, но у тебя не горит".

- Ты слушаешь, Тимаков? Так вот, жди на одну варку.

- Когда? Сегодня, сейчас?

- А ты, брат, обнаглел! В общем, соображай. И береги людей - не вообще, а каждого в отдельности. Помни: наши на Одере. И немцы на нашем участке вот-вот выдохнутся!

Вокруг тишина, медленно перевожу взгляд с севера на запад, потом на юг. Немцев будто нет, и это мне не нравится. Связываюсь с комбатами, полковым артиллеристом, потом с командирами приданных частей и подразделений.

В ротах всего по десять рядовых на взвод. Но, слава богу, мы богаты приданными средствами. В окопах недалеко от церкви тесно от командиров частей со своими радистами, адъютантами: танкисты, иптаповцы, минометчики, пушкари из гаубичного дивизиона, представитель авиаполка со своей сложной радиотехникой и специалистами.

Время идет, немцы помалкивают. Что они там надумали?

В полдень снизу закричали:

- К нам пополнение с замполитом, товарищ полковник!

Кто-то, тяжело сопя, поднимается по лестнице. Я оглянулся и ахнул:

- Рыбаков!

Спускаюсь навстречу. Обнялись, я похлопал его по жирной спине:

- Хоть под нож, ну и раскормили!

Леонид Сергеевич трубочкой сложил губы, и мне стало так хорошо, как давно уже не было. Он внимательно всматривался в меня, с придыханием сказал:

- Костя, ты же седой!

- Да ладно... Ну, поднимемся на мою голубятню!

Лестница на верхотуру крутая - не дай бог. Я привык к ней, а Рыбаков пыхтит.

- Ты не спеши, Леня. - Поджидаю его. - До чего же здорово получилось!..

Он отдышался, глаза радостно смотрят на меня.

- Ей-ей, встретил бы на улице - не узнал. Ты совсем другой.

- Укатали сивку... Зима - вспомнить не захочешь. А как ты попал в полк? Напросился?

Леонид улыбнулся.

- Спасибо... Старая дружба что старый конь - борозду тянет как по линеечке.

- Разве мы с тобой дружили? - Он разволновался. - Хорошее качество забывать все плохое!..

- С плохим будем бороться, а помнить его - лишь душу грязнить... А вот у меня в полку есть сержант из тех наших сержантов, уже взводом командует. Ты не забыл августовские дни?

- Это забыть, Костя, - грех на душу брать!

На колокольне - на моем наблюдательном пункте - никто не смел поднять голову: враз снайпер срежет.

- Запомни, Леонид, как старуха катехизис: не выглядывать, жаться к стенам. А теперь за мной.

Я пополз в угол. Рыбаков плотно придвинулся ко мне.

- Гляди в щель. Перед тобой почти все наше ратное поле. Времени нет введу в обстановку на скорую руку. Слева роща, видишь? Там наш первый батальон. Чуть правее, у кучки деревьев, - второй. Теперь виноградники правее, еще правее. Стоп! Вон под откосом дорога; видишь, как она вбегает в хуторок Шашгат? С минуты на минуту ждем атаку.

- В хуторке наши?

- Спроси у него, - показал на командира противотанкового полка, приткнувшегося в уголке напротив.

Леонид присматривается.

- Где-то вроде встречались... Майор Горбань, не ошибаюсь?

- Вин пидполковник, - сказал усатый телефонист, разлегшийся с телефоном у ног своего командира.

- У вас весело, хлопцы. - Рыбаков чувствовал себя еще не в своей тарелке.

- Ничего, Леня, два-три дня - и пропишешься в нашем клане

на постоянное жительство. А пока... - Я взял флягу и по глотку спирта разлил по кружкам. - За твой приезд. Чтобы ладно и складно.

- Чистый?

- "Чистим-блистим", как говорил покойный Касим...

- И он?..

- В Свилайнаце. Вот так-то... Как рана?

- Чуток похрамываю, но годен.

Я посмотрел на трофейные часы. Запаздывают бранденбуржцы сегодня. Неужели что пронюхали?

- Идут! - крикнул наблюдатель.

Я за бинокль: восемь танков, три самоходные пушки, за ними на бронемашинах пехота.

- Рыбаков, вниз, в подвал! Там наш резерв. Чтобы никто носа не высунул. Понял?

- Нет. Задача какая?

- Следи за сигналом: ракета желтая, за ней зеленая, потом снова желтая. Тогда все бегом за виноградники, пройти дальнюю рощу и окопаться.

Справа выскочили наши штурмовики и реактивными по танкам. Один сразу же взорвался. Самоходная пушка стала боком и загорелась. Но немцы не останавливаясь шли на большой скорости к хуторку Шашгат. Минута-другая они в хуторке и, развернувшись фронтом, поползли на окопы 3-го батальона. Ударили противотанковые пушки Горбаня, подбили еще один танк - гусеница его, как змея, взвилась вверх и рухнула на пахоту.

Танки утюжили наши окопы, но там были чучела в солдатских шинелях. Батальон до поры до времени отсиживался в глубоких контрэскарпах. На полных скоростях немецкие машины двинулись к ложным орудийным установкам, а пехота, спешившись, фронтально надвигалась на фальшивую боевую линию батальона.

Я подтянулся к телефону.

- Третий, бегом на позицию и задержать пехоту!

Ударили несколько станковых и ручных пулеметов - немцы залегли. С флангов пушки Горбаня били прямой наводкой по танкам, и они вспыхивали один за другим. Самого Горбаня уже не было на моем НП. Связался с командиром группы минометных батарей:

- Засыпь фашистскую пехоту к чертовой матери!

Севернее Местегне уже развернулись наши танки, на полном ходу прошли Шашгат и, перевалив за хребет, преследовали противника.

Под ухом запищал зуммер полевого телефона - в трубке голос

начальника разведки артполка:

- Спуститесь, застукали "пантеру". Три пушки смотрят на нее.

Мы с адъютантом переползли виноградник и подобрались к заброшенной хатенке под камышовой крышей. Тут застали разгоряченного Рыбакова.

- Наши окапываются на новом рубеже! - доложил он.

- Не задержимся на нем - ночью марш на запад! А сейчас посмотрим дуэль с "пантерой".

К одной скирде прижалась "пантера", оголив бок. С первого же выстрела ее будто развернуло вокруг собственной оси, а потом вывернуло наизнанку.

- Чистая работа! - Я посмотрел на колокольню. - Прощай, вышка! А ты, черт, счастливый! - хлопнул Рыбакова по плечу. - Смотри, как сегодня светит солнце!

- Так весна же, Костя!

Шутливо приложив руку к козырьку, я поднял голову и увидел столб огня над собой. Что-то ударило в затылок, обдало жаром. Падая, услышал:

- Идут танки...

43

Лежу на койке, смотрю в окно с цветным витражом в верхней части. За ним серое небо, верхушка платана, на которой еще цепко удерживаются прошлогодние листья, скрюченные, как старческая пятерня. Идет косой весенний дождь. Я слежу за тем, как он, упорно сбивая листья, начисто оголяет дерево.

Соседи мои, одурманенные снотворным, в забытьи. Ближе ко мне полковник; выставив из-под одеяла острый подбородок, всхлипывает во сне.

А мне не спится - болит затылок.

Вошла сестра; взглянув на моих соседей, сказала:

- Все спят и спят. - Встряхнула термометр, подала мне и тут же взялась за другой.

- Не трогай их, пусть спят, - попросил я.

- Всем велено мерить.

- А чего такая сердитая?

Что-то буркнула себе под нос. Вошел хирург.

- Ну как, без швов легче? - спросил меня.

- Затылок чертовски мучит.

- Пройдет, все пройдет. - Вытащил из кармана руку, разжал кулак. Тридцать два грамма железа! Возьмете на память? - На его широкой ладони лежали мелкие осколки мины.

- Выбросьте...

- И то дело. - Распахнул форточку. - Лети, трофей... Давайте-ка посмотрим, как наши дела... Закройте глаза, вытяните руки.

Так, недурно. Опустите руки и откройте пошире рот... Ясно. Можно и на прогулку.

...Стратегический контрудар Гитлера провалился. Не только оперативного, но и тактического успеха он не имел. Только жертвы, жертвы...

В наш белградский военный госпиталь поступают раненые старшие офицеры со всех участков двух Украинских фронтов. Из расспросов я довольно ясно представил себе все, что произошло на огромном театре военных действий. Удар 2-й танковой армии противника из района западнее Надьбайома был лишь отвлекающим. Главная битва произошла на участке между озерами Балатон Веленце. Здесь все началось утром 6 марта. После мощного удара по нашим позициям пошли в атаку танковые колонны СС при поддержке значительных сил авиации. Кровопролитные бои развернулись на участке советского стрелкового корпуса. За двое суток жестокого сражения противник вклинился в нашу оборону. Одновременно действовало триста вражеских танков! 9 марта немецкое командование ввело в бой резервную танковую дивизию СС. Город Секешфехервар переходил несколько раз из рук в руки.

Маршал Толбухин попросил Ставку разрешить ввести в бой резервную гвардейскую армию. Москва, однако, считала, что немцы напрягают последние усилия, и просьба командующего фронтом была отклонена.

13 марта на этом участке фронта сражалось пятьсот немецких танков. Противнику удалось захватить плацдарм южнее Шио-канала. Сражение достигло апогея. Обе стороны несли тяжелые потери.

Моральный дух немецких дивизий после таких потерь был подорван. Исход сражения стал очевиден. После 15 марта даже наиболее стойкие гитлеровские соединения отказывались идти в атаки. Взятый в плен немецкий генерал на допросе показал, что не только в самых отборных дивизиях СС истощились силы, но даже отряды личной охраны Гитлера потеряли веру в успех контрудара. В бешенстве Гитлер приказал снять с них нарукавные знаки с его именем...

...Я, судя по всему, отвоевался. Что же дальше? Что я умею, на что гож? Чему научился? Вся сознательная жизнь отдана военному делу, той адской работе, цель которой: как половчее, похитрее, с наименьшей затратой сил расправиться с противником, уничтожить то, что называется его живой силой. Знаю, что я и все те, кто под ружьем, родились не для того, чтобы убивать, но знаю также: и не для того, чтобы быть убитыми. Все это так. Но - что завтра, что в мирной тишине?

Под платанами, выбросившими сережки, смеялась солдатская братия, перемигиваясь с горожанками. Пахло дымком - белградцы палили прошлогоднюю листву, очищали город от застоялой военной грязи.

По мне весна проехалась другим боком. Я худел, плохо ел и никак не мог согреться даже под высоким солнцем. Часто посиживал около церквушки, где похоронен небезызвестный Врангель, смотрел на детей, пытался им улыбаться, но они сторонились меня, жались к своим няням. Мне не хотелось ни видеть людей, ни говорить с ними. Облюбовал поляну в парке Калемегдана и часами смотрел оттуда на широкий Дунай, на степи, чувствуя на губах привкус талых вод.

Где полки, которыми я командовал? Уже в Австрии. Еще убивают наших. Ашот, Рыбаков, суровый Платонов... Где вы? Чтобы жили, чтобы пуля последняя вас миновала!.. Могилы, могилы по всему белому свету... Слава богу, выздоравливающих солдат провожали уже не на фронт, а домой - в Москву, в Сибирь, на Кубань. Я жадно ждал минуту, когда войдет в палату хирург и скажет: "Домой, домой, полковник!"

А со мной все еще возились незнакомые врачи. Мне все это осточертело, я настаивал на эвакуации.

- Хорошо, - сказал мой врач, - еще одна консультация - и все.

- Чья?

- Армейского фтизиатра.

- А зачем?

- Туберкулез...

- Откуда он у меня?

- А вы, батенька, не из стали выкованы, - сказал он. - Еще орудия не смолкли, а мы, медики, уже развертываем госпитали и противотуберкулезные, и другие... Боролись за то, чтобы поставить солдата на ноги, дать ему ружье, а теперь будем лечить и раны и болезни. Вырастет новое поколение, а госпитали для инвалидов войны еще будут - таковы, батенька, страшные издержки! - Пожелал счастливого воскресенья и ушел.

Счастливого воскресенья у меня не было - горлом пошла кровь.

...Я в Москве, в Центральном военном госпитале для легочных больных. За толстыми казарменными стенами, за садиком, где стоит памятник Достоевскому, за старой московской улицей Божедомкой ворочается, пошумливает огромный город.

Палата - взвод размещай: от дверей до окна двадцать семь шагов, в два ряда койки, на них офицеры, которых выплюнула война в последние дни своей агонии. Жизнь наша сусличья. Мне кажется, что нахожусь я в серой равнинной степи, в которой не за

что зацепиться глазу. Тут говорят о кавернах, палочках Коха, пневматораксах, а думают о своем неожиданном одиночестве.

В неделю раз, по воскресеньям, в один и тот же час ко мне. приходит Вера. Ровно в семнадцать ноль-ноль я слышу стук ее каблучков, потом дверь открывает рука с наманикюренными ногтями - и наконец появляется она в синем платье в мелкий белый горошек, с ямочками и весенним румянцем на щеках. Она вымученно улыбается офицерам, молчаливо глядящим на нее, подходит ко мне и, дотронувшись рукой до одеяла, садится на стул, чуть-чуть отодвигая его.

- От доченьки тебе поцелуй. Мама пирожки с картошкой прислала. Еще тепленькие. Как ты?

- Как всегда. По-старому.

Вера оглядывается, страшась прикоснуться к чему-нибудь, чувствует себя неуютно. Я понимаю, все ее предосторожности справедливы: палата наша для больных с открытой формой туберкулеза. Но на сердце тяжесть, обида. Сидит минут десять - пятнадцать. Потом я говорю:

- Спасибо, что пришла...

- Что тебе еще принести? Хочешь яблоки?

- Не надо. Нас хорошо кормят - на убой. Ты, в общем, иди, а то поздно. Пока доедешь до Орехова...

- И правда... Я в следующее воскресенье опять приеду. - Снова мягко прикоснулась рукой к одеялу, улыбнулась всем.

Она спешит покинуть палату. Вижу ее упругую спину, кудряшки, за которыми проглядывает белая шея. Закрыла за собой дверь. Я потянулся к тумбочке, взял рамку с фотографией дочери, здесь ей около годика. Большие глаза с удивлением смотрят на меня, будто спрашивают: а кто ты? Пухлые ножки в пинетках, в волосиках бантик. Ищу свои черты - не нахожу. Сердце мое спокойно - отцовских чувств не испытываю. Просто приятно смотреть на малышку, такую беспомощную...

* * *

Меня перевели в полковничью палату. Светлая, в два окна, с зеркалом в полстены - бывший будуар, что ли? Нас трое. Мы рассмотрели друг друга, познакомились и ушли в молчание, в котором не было ни тишины, ни покоя...

У окна лежит полковник Васильев. Он южанин, часто стоит спиной к нам, ждет солнца и, когда оно появляется, что-то едва слышно напевает. Между ним и мною - полковник Пономаренко, худой, с синюшным лицом, с тяжелым кашлем по утрам: он постоянно сплевывает мокроту в платок, рассматривает ее и время от времени кричит: "Сестра, у меня кровь!"

В начале июня мою койку передвинули поближе к окну, а

полковника Пономаренко отгородили от нас ширмой; за нее носили кислородные подушки и все чаще и чаще заглядывали врачи. Васильев перестал ловить солнце. Тишина в палате стала еще глуше.

Пономаренко умер на рассвете, когда мы спали.

Васильев в полосатой пижаме лежал на неразобранной постели, молчал. После обхода он лег на бок, ко мне лицом.

- Тимаков, расскажи о себе. У меня правило - знать тех, с кем сталкивает жизнь. Поймешь другого - разберешься и в себе.

- О чем рассказывать?

- Давай, давай, Тимаков, а то тоска на душе. О жизни давай. Сам я на трех войнах был; начал с германской, семнадцатилетним. Гражданскую, как говорится, от пупа до пупа... И эта...

Поначалу меня что-то сковывало - скорее всего, глаза Васильева, очень уж заинтересованно глядевшие на меня. Постепенно находились нужные слова. Память моя как бы расковывалась, и то, что тяжким грузом лежало за семью печатями, рвалось наружу - откровенно, с неожиданными подробностями, с детства и до мгновенья, когда я поднял голову, чтобы увидеть солнце и вместе с Рыбаковым порадоваться наступившей весне.

Васильев слушал, серьезно слушал.

Пришло время обеда, потом наступил долгий час тишины. Я лежал с открытыми глазами.

Васильев сбросил с кровати ноги в грубошерстных носках ручной вязки.

- А мы ведь с тобой однополчане!

- Как это?

- А так, браток. Мы епифановцы. Под Заечаром мой полк был на правом фланге, а твой на левом. Когда погиб наш Епифанов, тяжело было. Да война штука такая, что на долгие переживания времени не отпускает. Бои за боями... Марши и снова бои... На дивизию стал грамотный, культурный Иван Артамонович Мотяшкин. Думали, нам повезло: порядок, четкость, под руками полный боекомплект, раненым срочная эвакуация, Епифанов натуры был широкой, сам любил простор и другим давал. Порой это оборачивалось, как водится у нас, и негативной стороной. А тут тебе - полный аккурат. Нравилось... Соберет нас Иван Артамонович на своем командном пункте под шестью накатами, выслушает не перебивая, а потом получай приказ - хоть в полевой устав вноси. Так жили - с переменным успехом. Главная заваруха, как ты знаешь, началась на плацдарме за Дунаем. Сперва бои шли успешные, по шесть-семь танковых атак в день отбивали. Потом

что-то у нас заскрипело. Немцы как-то хорошо стали понимать наши маневры. Чудеса, и все. Мы, ветераны дивизии - я еще до войны служил ротным командиром, - призадумались: где же собака зарыта? Потом дошло: инициативу противник из наших рук перехватывал. Епифанов командиров частей не опекал - и требовал, и давал простор для самостоятельности. А тут тебе узенькая дорожка - не смей ни влево, ни вправо. Словом, все должны быть в круге своем.

Я улыбнулся.

- Да, это любимое мотяшкинское изречение. А дальше пошло у нас так: Мотяшкин распорядится, мы как положено: "Есть, будет исполнено", сами же воюем по-епифановски. Как-то, восточнее Надьбайома, мой полк трое суток отбивался от немецких ударов. Дошли до ручки. Бывает, что солдату надо во что бы то ни стало дать отдых. А тут его приказ: штурмовать кирпичный завод. Умоляю: "Возьму его на рассвете, а сейчас дайте поспать, люди с ног валятся. Подниму в атаку - последних потеряю". А он: выполняйте приказ, и баста. Выругался я и приказал ротам спать. Для отвода глаз палили из пулеметов и пушек. Только Мотяшкина вокруг пальца не обведешь - явился на мой командный пункт собственной персоной. И начался разнос... От полка отстранил. Ну и я ему дал... Он грозил военным трибуналом, да не успел кровь горлом у меня пошла. В бою, Тимаков, сразу видно, кто есть кто. Все короли - голые. Вот и Мотяшкин стал просматриваться насквозь...

- Остался на дивизии?

- Убрали. Был слух, что где-то в штабах преуспевает. Война кончилась. Когда на земле тихо, слышно даже, как на болотах лопаются пузырьки...

- Павел Николаевич, а кто такой Мотяшкин?

- Да как тебе сказать... Вот в старой русской армии от немцев было тесновато. Они насаждали свой образ военного мышления. Но не приторачивались друг к другу немецкая военная школа и русский характер, думается, от этого немало голов полегло. А вначале наша рабоче-крестьянская власть без старых военспецов не могла обойтись. К такого склада наставнику, может быть, и попал Мотяшкин и сам стал сколком с него - он ведь службу-то начал сразу же после гражданской войны. В характере его слишком развита черта пунктуальности. Вот ведь он честный, не обманет, но его философия все стороны квадрата равны. И чтобы никаких неожиданностей! На правом фланге - этакий высокий прямоугольник, а потом, пониже за ним, идут квадраты, квадратики. Его самого можно вычертить и вычислить. - Васильев лег и натянул одеяло до подбородка. - Что-то знобит... И язык

стал заплетаться...

Как я уснул, не помню. Вскочил в каком-то беспамятстве, дико озираясь по сторонам.

- Воюешь? - услышал голос Васильева.

Я подошел к окну. За ним зеленел раскидистый клен. В медленно наступающих сумерках его листья темнели и казались неправдоподобно большими. За оградой прошли два сцепленных трамвайных вагона. Залился звонок, колеса с визгом брали поворот... "В чистом поле под ракитой богатырь лежит убитый... В чистом поле под ракитой богатырь..."

- Чего ты там бормочешь? Давай покурим.

- Влипнем, как вчера.

- А, с нас взятки гладки!.. Только свет не будем включать.

- Покурим так покурим. - Я с силой распахнул окно. - Все вылазит, вылазит из тебя война! Захлебываешься. Как переключиться на тишину?

- А ты не форсируй. Не спеши. В том галопом мчавшемся времени... и сплеча рубили и ошибались, нанося раны, которые и сейчас кровоточат. Четыре года! А ты хочешь так сразу и высвободиться от всего. Нет, друг, это останется с тобой навсегда. С тобой, со всеми нами. Теперь не меньше чем на столетие вперед вопросы и мира и войны никому нельзя решать без оглядки на первую половину сороковых годов двадцатого столетия. Это ты обязан понять. И еще... если не осмыслишь всего, что пережил, не оценишь, а может быть, и не переоценишь иные поступки, будешь балластом жизни, издержкой войны!..

Все меньше звуков доносилось к нам в открытое окно. Умолкли трамвайные звонки. Где-то недалеко поскуливала собачонка. Васильев задышал часто, натужно - уснул? Ночная прохлада выстудила палату. Я тихо прикрыл окно.

- Ты чего не спишь? - спросил Васильев.

- Не получается...

- Ночь теперь для сна. Тебе жизнь отмерила время - еще не раз собственное сердце руками ощупаешь! - Он повернулся лицом к стене и вскоре уснул.

А меня память увела в далекую маленькую комнатенку на окраине Краснодара, к женщине в длинном шелковом халате, с высоко поднятой керосиновой лампой в руке: "Вы кричали... Может, какая помощь нужна?.."

* * *

...Шли дни. Они были то солнечными, то дождливыми. Мы с Васильевым больше молчали, но иногда, под настроение, он рассказывал что-нибудь о своей жизни, и эти рассказы немолодого опытного человека - ему уже под пятьдесят - были так

необходимы мне!..

Только что прошел грозовой дождь. Стою у окна, смотрю на дерево с подрагивающими еще глянцевыми листочками сердцевидной формы - молодая липка. Говорят, такой формы листья излечивают сердечные заболевания, а почкообразные - почечные. Интересно, какими лечат наши легкие? Только все это сказки...

Солнечный луч заглянул в палату.

- Павел Николаевич, лето!

Васильев открыл глаза:

- Да. Как я ждал его - и вот опоздал...

- Ну что вы?

Он сел, опустив отекшие ноги, потер бледной рукой горло.

- Задыхаюсь. У меня в легких четыре дырки, да и возраст... Ты посмотри на окна - бойницы. Выходи скорей из этих стен, Тимаков. Там началась другая жизнь. Иди скорей. А я тебе, по-хорошему позавидую. Ты молод: одолеешь, поживешь, повидаешь, поборешься еще!..

Откуда-то издалека доносилась музыка. Духовой оркестр играл военный марш.

Поживу ли? Чувствую себя таким изношенным... В партизанском лесу любил оставаться один на один с ночью, слушать шум говорливой горной реки, смотреть на звездный небосвод, на смутные очертания гор. Мечтал: кончится война, дотяну я до седин и приду сюда, к верховью Донги, к подножию Басман-горы. Там, где под ветром шумит молодая роща, поднимутся папаши-дубы, а где сейчас стоят молодые сосенки, устилая землю смолистыми иглами, вырастет большой лес. Только древний Басман по-прежнему никому не уступит высоты своей, своего величия. И я побреду по тропе, охватывающей с юга его могучую каменную грудь...

- А я думала, вы спите. Стучу - не отвечаете. - Вера прошла прямо к тумбочке, положила на нижнюю полку сверток, встала за спинкой кровати.

- Что там, в городе?

- К параду Победы готовятся.

- Наших не встречала?

- Не пришлось...

- Как дома?

- Как обычно. Наташка здорова. Все стены комнаты разрисовала красным карандашом. А как ты?

- Все в порядке.

- Знаешь, Костя, Наташка покоя не дает, рвется к тебе. Уж и не знаю...

- Чего же ты не знаешь - к нам опасно...

- Так я про это и толкую матери, а они обе к тебе хотят - что малая, что старая.

- Ты иди, а то на поезд опоздаешь.

- Да, они сейчас редко ходят.

Дверь за Верой закрылась. В палате тихо-тихо. Васильев, наверное, уснул...

- Кто она тебе?

Я вздрогнул от неожиданности.

- Ну, жена...

- Почему "ну"?

- Сам не знаю...

- Вот те раз! Не любишь? А любил кого? Где она?

- Не надо, Павел Николаевич...

- Как знаешь. Только это не жизнь, а одна проволочка:

- У меня дочь.

- Что же это у вас так получается?

- Так сложились обстоятельства...

- Ну, милый мой, война - вот это обстоятельства. А в любви человек властен над ними. И не дай бог, если обстоятельства становятся сильнее тебя. Тогда ты и сам не обретешь и другим не дашь, может быть, самого главного в жизни!..

Музыка гремела где-то рядом, наверное на площади Коммуны; слышны строевые команды. А мелкий дождик все сыпал и сыпал. Влажные кумачовые флажки нависали над трамвайными линиями Божедомки - они виднелись за гранитной спиной Достоевского.

В день парада нас угостили роскошным завтраком, потом мы собрались в Ленинском уголке, слушали по радио голос Левитана, бой часов на Спасской башне, цокот копыт по мостовой, встречный марш и рапорт командующего парадом маршалу Жукову.

После обеда в палату вбежал санитар:

- Кто будет полковник товарищ Тимаков?

- Я.

- К вам пришли жена с дочуркой. Ждут в Ленинском уголке.

- Пустили сюда ребенка?

- Да они за окном. Вы халат, халат накиньте, окно там открою.

Прижавшись к матери, худенькая, росленькая девчушка, задрав белую головку, смущенно смотрела на меня. Моя, моя, моя... Все-все мое - даже чуть заметная ямочка на подбородке...

- Здравствуй, Наташенька!

- А ты мой папа?

- Твой, твой, а чей же?

- Войны нет, а ты домой к бабушке не приходишь!

- Я рану лечу.

- Тебя - автоматом?

- Полковник, немедленно в палату! - Дежурный по госпиталю решительно закрывает окно.

- Там моя дочурка!

- Все понимаю, но в палату, в палату. - Он чуть ли не силой выталкивает меня из комнаты.

В коридоре никого не было. Я бросился бегом к входной двери. Дежурный санитар, пожилой солдат в белом халате, остановил меня:

- Далече, товарищ больной?

- На свет божий!

- Никак нельзя! Наше медицинское дело только начинается. Главный сказал: шла война - на нервах держались, пришла тишина - с ног валятся. Человек не железный, подковать его заново надо, жизнь требует!

- Философ ты, однако. На каком фронте воевал?

- Ты лучше в палату ступай, а то и тебе и мне - под микитки.

- Так меня уже подковали - домой скоро. Я ненадолго, а?

Вышел. Моих не видно. Неужели успели уйти? Спустился к памятнику Достоевскому. Вокруг него ухоженная земля, растут канны, молоденькие, на развернутых листьях - радужные капли дождя. Земля слегка парит. Под кленом скамья. Сел в тени, потянулся, осторожно попробовал поглубже вдохнуть. Хорошо! Увидел на тапочке муравья. Загадал: поползет по ноге вверх - буду жить долго. Он никуда не пополз, спокойненько сидел себе. Шевельнул ногой свалился.

Кто-то подходил ко мне. Поднял голову - Вера.

- Костя, я ищу тебя, оставила Наташку вон в той пристройке, у няни, добрая такая... Ведь не успела сказать самого главного. В Крыму нам дают квартиру - друзья партизаны постарались.

- Вот и хорошо. Наташа будет жить у моря.

- Да, еще: тебя скоро выпишут, я была у главного врача.

- Догадываюсь...

Вера села рядом.

- Костя, не обижайся, но я обязана тебя предупредить: будь осторожен, не подпускай к себе Наташку. Что ты так смотришь на меня? Я же ничего такого не сказала. Спроси у любого врача...

Я отвернулся, чтобы она не видела моих глаз.

* * *

...Наш пассажирский, натужно одолев подъем, вырвался на простор. Мелькают разрушенные разъезды, полустанки, деревни,

в которых вместо изб торчат одни дымари. Но рядом уже поднимаются стены, растут новые стропила. За переездом, у каменного сарая без крыши, - колесный трактор, возле него суетятся мужики в военных засаленных гимнастерках.

Сверкнула полоса цветущей гречихи, и началось пшеничное поле с овсюгом и васильками. Внезапно оно оборвалось, и потянулась пустошь с полуразвалившимися окопами, ходами сообщений, капонирами, бывшими артиллерийскими позициями - все это зарастало сорными травами. За путевой будкой, под старыми вязами, огороженная кустарником - большая братская могила...

И в этом огромном пространстве под высоким летним небом, в этой нескончаемой тишине я услышал землю с ее полями и дорогами, лесами и садами, селами и городами, встающими из пепла. В них вместе с домами на площадях поднимутся обелиски и из братских могил шагнут на пьедесталы павшие солдаты.

А поезд набирает и набирает скорость, колеса стучат: жить-жить-жить! И еще быстрей, быстрей: жить-жить-жить! жить-жить-жить!..

Москва

1970-1976

Примечания

{1}Истребительно-противотанковый артиллерийский полк.

{2}Я солдат первой войны.

{3}Наблюдатели.

{4}Имеется пять батарей и одна рота.

{5}Здесь первые жертвы фашистского террора в Тимокском крае: шестого сентября сорок первого года в центре поляны повещены мои товарищи секретарь окружного комитета коммунистов Миленко Бркович и сотрудник комитета Георгий Семенович. Мои солдаты жаждут мести!

{6}Мальчика.

{7}Учеников.

{8}Ворон гор оберегает Красную Армию.

{9}А сейчас наша дорога на Белград!

{10}Да здравствует Сербия - солнечный дом!

{11}Это фашисты-карателя!

{12}Одна дорога - один памятник.

{13}Горы! Не вещайте горьким голосом, что умер Бранко! Нет, нет! Ты, друг Бранко, в моем сердце...